

В.С. Корякин

ДВЕ ОСАДЫ МАЛЬТЫ

• **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА** •

Annotation

Знак информационной продукции 12+

За свою историю Мальта пережила две тяжелейшие осады, повлекшие многочисленные людские потери и колоссальные разрушения на острове. Первая осада, названная Великой, длилась с май по сентябрь 1556 года. Остров штурмовал флот Османской империи, а защищали его рыцари-госпитальеры, в то время единственные хозяева Мальты. Вторая осада (точнее, оборона), длившаяся три года (1940–1943), с полным правом названа в истории Второй мировой войны одной из самых сложных и важных операций союзников на Средиземноморском театре военных действий.

Новая книга серии откроет читателю немало интересных деталей и исторических обстоятельств двух знаменитых осад Мальты.

-
- [Владислав Корякин](#)
    -
    - [Вместо предисловия. Почему именно Мальта?](#)
    - [Часть I. Первая осада Мальты. 1565 год](#)
      - [Глава 1. Как госпитальеры превратились в Мальтийских рыцарей](#)
      - [Глава 2. Корабли и люди](#)
      - [Глава 3. Враг у ворот](#)
      - [Глава 4. Сражение за форт Святого Эльма. Гибель Драгута](#)
      - [Глава 5. Когда оставшиеся в живых позавидовали участи павших](#)
      - [Глава 6. Непрístupная Мальта](#)
      - [Глава 7. Мальта как пролог к Лепанто](#)
      - [Средиземноморское интермеццо, или Мальта между осадами 1565 и 1940–1943 годов](#)
    - [Часть II. Вторая осада Мальты. 1940–1943 годы](#)
      - [Глава 1. Когда история повторяется](#)
      - [Глава 2. Корабли и люди](#)

- [Глава 3. Средиземноморский ТВД накануне Второй мировой](#)
  - [Глава 4. Когда бывший союзник становится потенциальным противником](#)
  - [Глава 5. 1941 год. События фокусируются на Мальте](#)
  - [Глава 6. 1942 год. Мальта на пике испытаний](#)
  - [Глава 7. 1943 год. Североафриканский финал. Мальта наступает](#)
  - [Глава 8. Операция «Хаски» и далее](#)
  - [Глава 9. Заключительная](#)
  - [Использованная литература](#)
  - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Владислав Корякин

Две осады Мальты

© Корякин В. С., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Вместо предисловия. Почему именно Мальта?

Первая причина – возникает вопрос (как предупреждение на будущее): почему военные события нередко повторяются в одном и том же месте, порой через столетия?

Действительно, можно найти множество примеров в военно-морской истории, когда подобная повторяемость достаточно очевидна, из-за территориальной близости противников. Логично, что Швеция и петровская Россия не могли иначе выяснять свои отношения, как в акватории Балтийского моря, точно так же, как решающие битвы нескольких англо-голландских войн XVII века должны были происходить в пределах разделяющего их Северного моря. Это подтверждают книги «Морской летописи» издательства «Вече» «Захватить Англию» и «Схватка двух львов» Э. Сазаева и Сергея Махова и ряд других. Когда дело касается двух или нескольких государств, объяснение, что называется, лежит на поверхности. Сложнее, когда речь идет о конфликте на море целых коалиций, как это было в событиях, последовавших за Французской революцией 1789 года или в обеих мировых войнах – 1914–1918 и 1939–1945 годов, например, в безуспешных попытках англичан в Дарданеллах в безуспешных попытках пробиться навстречу российскому флоту в 1807 и 1916 годах. Таким образом, возможность военно-морского столкновения в одних и тех же географических пунктах на примерах различных конфликтов прослеживается неоднократно и носит конкретный характер в зависимости от складывающейся обстановки, и в целом ряде случаев ее можно предвидеть.

В случае с Мальтой просто в силу ее положения на важнейших коммуникациях противоборствующих сторон наблюдается совсем иная ситуация, даже когда сами противоборствующие стороны меняются самым удивительным образом. Действительно первая осада Мальты в 1565 году ни в какой степени не получила повторения в 1940–1943 годах, в годы Второй мировой войны. Даже в наши дни Средиземноморье вместе с Мальтой остается своеобразным культурным, экономическим и политическим разделом трех материков

и целого ряда политических систем, что отчетливо проявляется на страницах прессы и медиасредств, порой в таком напряжении, которое невольно заставляет обращаться к событиям прошлого.

Вторая причина интереса к военным событиям на Мальте заключается в том, что они наглядно позволяют проследить эволюцию как самих флотов и самих кораблей, а также тактики и стратегии ведения войны на море одновременно с появлением новых технических средств. Ведь на протяжении четырех столетий флот эволюционировал от ручного весла до использования подводных лодок и морской авиации с внедрением радиолокации и гидролокации, не говоря о таких новинках, как появление новых высадочных средств в десантных операциях.

Наконец, при разборе военных операций на Мальте возникает еще одна историческая проблема: почему события на острове в 1798–1800 годах не вылились еще в одну осаду при участии целого созвездия ярких исторических личностей, начиная от генерала Бонапарта и кончая пресловутой леди Гамильтон? Наконец, каким образом наша страна оказалась причастной к этим событиям?

Автор попытался дать ответы на эти вопросы, выходящие далеко за пределы крошечного архипелага, ныне прибежища туристов из многих стран мира, мирно наслаждающихся всеми благами природы Средиземноморья, вдали от военных бурь и политических потрясений. Хотя еще не однажды Мальта непосредственно участвовала в мировых событиях. Это само по себе показательно и требует объяснения на страницах исторического исследования, ибо, как известно, история повторяется, порой самым непредвиденным образом.

Часть I. Первая осада Мальты. 1565 год

Глава 1. Как госпитальеры превратились в Мальтийских рыцарей

Истоки событий на крохотном средиземноморском архипелаге, по мнению западных историков, берут начало от создания ордена рыцарей-госпитальеров в разгар Крестовых походов в 1070 году, первоначально призванного врачевать и защищать паломников к святым местам Палестины, еще не зачищенной от магометан, то есть практически на непокоренной враждебной территории. В 1113 году столь благое начинание римский папа принял под свое высокое покровительство в качестве ордена госпитальеров с присвоением эмблемы в виде восьмиконечного красного креста, символизировавшего восемь заповедей блаженства из Нагорной проповеди Христа и одновременно восемь капитулов ордена: немецкий, испанский, французский, итальянский, британский, кастильский, прованский и овернский. Четыре сектора креста в свою очередь отражали силу духа рыцарей ордена, справедливость их помыслов, стремление к воздержанию, и, что важно, стойкость в жизненных испытаниях (особенно военных), которых на их долю выпало немало. Поскольку покровителем ордена считался святой Иоанн Креститель, в историю бывшие госпитальеры вошли также как иоанниты.

Во главе ордена стоял магистр, избиравшийся пожизненно, каждый из его рыцарей, также пожизненно, давал три обета: бедности, целомудрия и послушания, следуя им, разумеется, по мере сил и возможностей, со временем восполняя недостаток означенных достоинств покупкой индульгенций, в основном за счет добычи разбоем на морских путях, разумеется, с Божьей помощью. После изгнания крестоносцев с большей части Ближнего Востока госпитальеры (они же иоанниты) последовательно осели в Сирии (в 1187 году), спустя почти сто лет на Кипре (1291) и, наконец, на Родосе (1308), где их судьба в условиях своеобразного исторического военно-политического вакуума складывалась, с одной стороны, одинаково (при продолжительном равновесии сил сторон), но с другой стороны –

по-разному, поскольку в конце концов мусульмане, вытеснив орден на запад, однако не уничтожили его, за что позднее жестоко поплатились.

Дольше всего рыцари ордена задержались на Родосе, в надежде на возвращение в Палестину. При них остров превратился в настоящую крепость, а сами они все больше становились самостоятельной военной силой, противостоящей как Византии, так и набиравшим силу туркам-османам. По мере того как крестоносцы теряли позиции в Леванте, Родос все больше становился перевалочной базой для европейской торговли с Египтом и Сирией, где рыцари обзавелись собственным небольшим флотом из галер для прибрежного плавания, которые одновременно с охраной (за соответствующую плату) собственных купцов попутно занимались откровенным пиратством при встречах с судами мусульман, для чего орден выдавал специальные лицензии. Неудивительно, что в это время возник образ такого пенителя морей, у которого понятия справедливости и совести постепенно заменились понятием добыча, запечатленный и в прозе, и в поэзии, прежде чем занять достойное место на страницах истории:

Был он поистине прекрасный малый
И грузов ценных захватил немало.
Лишь попадись ему купец в пути,
Так из Бордо вина не довести.
Он с совестью своею был сговорчив,
И праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмиг по доске спроваживал домой.
Уже весной он был покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром.
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все теченья и любой маяк,
Мог различить и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его: он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.

(Чосер)

Так сформировался своеобразный тип моряка, одновременно знающий и смелый, то ли купец, то ли вояка без принципов и морали, заинтересованный лишь в выгоде, готовый ради нее на все что угодно, и от которого можно было ожидать также всего чего угодно. Таким людям в благодатных водах Средиземноморья, которое на исходе Средневековья оказалось зоной военно-политического вакуума и одновременно противостояния государств и культур Востока и Запада, было настоящее раздолье. Государственная власть могла их использовать лишь в определенной степени для защиты своих интересов, и одновременно они могли ей создать немало забот. Таких примеров в истории множество. На некоторых мы можем остановиться лишь на самых показательных.

Под давлением Османской Порты после длительной и упорной осады 1522–1523 годов рыцари ордена были вынуждены покинуть Родос на довольно сносных условиях, благодаря знаменитому правителю турок-османов султану Сулейману Великолепному, как его звали в христианских странах Запада. На Востоке он был известен как законодатель, несомненно один из самых успешных правителей своего времени, владевший четырьмя языками, талантливый полководец, проводивший успешную агрессивную политику, но в случае с госпитальерами не вполне предвидевший последствия своих решений.

Действительно, подобная публика с хорошим военным опытом и знанием не только театра военных действий, но и особенностей потенциального противника, в условиях Средиземноморья начала XVI века не могла оставаться без дела. Неудивительно, что в сложившейся обстановке император Священной Римской империи Карл V (одновременно он же испанский король Карлос I), который с переменным успехом вел многолетнюю войну с мусульманами в водах Средиземного моря, выделил в 1530 году рыцарям-иоаннитам от своей щедрости крохотный архипелаг Мальту, площадью всего-то 316 квадратных километров в одном из наиболее узких мест Средиземноморья между Африкой и Сицилией (которая, как известно, относится к Европе), чем, выражаясь современным языком, создал очередную горячую точку.

Решение Карла V в обстановке того времени не было ни самым удачным, ни исключительно мудрым, скорее сугубо прагматичным с военной и политической точки зрения. Так бывшие госпитальеры, они

же иоанниты, превратились в мальтийских рыцарей, отнюдь не утратив особенностей своего характера, включая повышенную стойкость и такую же агрессивность, делавших их отменными вояками, даже если их поведение в целом ряде случаев не отвечает нормам воинской и гражданской морали нашего времени.

Новые владения ордена не располагали ни к торговле, ни тем более к земледелию, к чему орденская знать отнюдь не стремилась. Вскоре орден во славу Божию вернулся к прежнему привычному разбою на морских путях, не всегда отличая поганых мусульман от благочестивых католиков, тем более, что временные союзы между теми и другими нередко заключались в зависимости от политической или торговой конъюнктуры, нередко вопреки религиозным догматам. В такой обстановке было где развернуться рыцарям удачи с обеих сторон. Дело оставалось за пополнением, неважно, с Запада или Востока!

По мнению последователей Магомета, история в случае с Мальтой обошлась настолько несправедливо, что требовало, естественно, волей всемогущего Аллаха, то ли отмщения, то ли исправления военным путем, по принципу «здесь и сейчас», что относилось к любому христианину (сходным образом поступали и христиане по отношению к своим оппонентам-мусульманам). Если на Мальту потомки крестоносцев пришли с Востока в 1530 году, то пополнение пиратского сословия Алжира и Марокко произошло с Запада почти одновременно.

Как известно, испанская Реконкиста на исходе XV века на Пиренейском полуострове, еще в царствование Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, завершилась изгнанием мавров. При этом мусульманские единоверцы в Северной Африке совсем не были готовы поделиться своим скромным достатком с беженцами из-за Гибралтарского пролива, и те вскоре превратились в своеобразный сброд без роду и племени, готовый на всё, чтобы не умереть с голоду. Самый простой путь вел этих людей на пополнение любых вооруженных шаяк, что на суше, что на море, в условиях своеобразного опять-таки военно-политического вакуума, когда позднее подданные короля Испании Карлоса I (он же волею Божьей Карл V, император Священной Римской империи) быстро ликвидировать пиратские базы на севере африканского побережья так

и не смогли, а местные пираты (те же арабы, кабилы и берберы вкупе с беженцами-маврами) не могли продержаться без помощи единоверцев-турок, которым и так хватало своих забот с покоренным христианским населением на Балканах.

На этом общем пестром средиземноморском фоне скромный архипелаг Мальты оказался в своеобразном силовом поле влияния католических государств Запада (прежде всего Испании) и магометан Востока (особенно Турции, поддерживавшей алжирских пиратов). Мальта располагалась между ними ровно на полпути, оказавшись в роли своеобразной болезненной военно-политической занозы, с существованием которой ни та, ни другая сторона не могла примириться.

Вытеснив мавров с Пиренеев, подданные Фердинанда и Изабеллы уже в 1505–1510 годах попытались обуздать чрезмерную активность мусульман северного побережья Африки на море: все тех же арабов, кабилы вместе с берберами и беженцами-маврами, которые питали силы местных пиратов под водительством братьев Аруджа и Хадрейдина по кличке Барбаросса (по цвету бород – рыжебородых), поддержанных стоявшей за их спиной Оттоманской Портой. Старший из братьев, Арудж, в 1518 году погиб, а в Алжире остался правителем его младший брат Хадрейдин, заручившийся для сохранения своей власти поддержкой турок в лице султана Сулеймана 1 Великолепного, которому оказал значительную помощь еще при завоевании Родоса. С помощью турок Хадрейдин выгнал испанцев из Алжира в 1525 году, а в 1533 году стал капудан-пашой, командующим турецким флотом. Доверие султана Сулеймана он заслужил набегами на запад Средиземного моря, где проходила его дальнейшая разбойная деятельность с базированием на Тулон (Франция). Как флотоводец, младший из Рыжебородых превратил в кошмар жизнь обитателей прибрежной полосы Италии, Испании и самой Франции своими повторяющимися набегами с воинством под эмблемой полумесяца. Как дипломат, расставаясь с гостеприимным Тулоном, он получил с Франциска I 800 тысяч экю (вместо собственной оплаты за пользование союзной военно-морской базой!) – такое дано не каждому, – не считая трехсот освобожденных пленных магометан, бывших галерных гребцов.

Тем временем сражения у африканского побережья проходили для обеих сторон с переменным успехом. Завоеванный Хайреддином в 1534 году Тунис год спустя был отбит испанским флотом под командой генуэзца Андреа Дориа, причем сам бывший пират едва избежал плена и гибели, тем не менее добравшись до Алжира, откуда он вернулся снова в Турцию. В отличие от старшего брата, Барбаросса-старший умер своей смертью в 1546 году. Определенно турецкий султан не зря возвел бывшего пирата в высокую должность главнокомандующего флотом. При сложившемся раскладе сил столкновение в районе Мальты становилось вопросом времени и конкретных причин.

Несколько слов о самом предмете спора ведущих сил Средиземноморья. Небольшой архипелаг, площадью всего 316 квадратных километров, представлял остатки некогда гораздо более обширного известнякового плато, где не было заметных возвышенностей, с редкими озерами и реками. Позднейший источник описывает ее ландшафт следующим образом: «Мальта... представляет унылый вид. Поля ее, постепенно поднимающиеся в направлении к югу... усеяны серыми камнями, а растения покрыты тонкою пылью; деревни с ярко-белыми от солнца стенами походят на каменоломни. Не видно никаких деревьев, кроме апельсиновых садов... но эти фруктовые сады редкие оазисы. Постоянно текущей воды нет. Земля как будто сожжена... Мальтийские крестьяне, малорослые, суровые, сухие мускулистые люди отличаются в обработке земли удивительным трудолюбием и искусством, они взрыхляют землю до самых каменистых склонов, и где нет растительной почвы, там они готовят ее искусственно, перетирая камень; они выпрашивают ее даже у сицилийцев, и каждый корабль обязан был прежде привезти в виде балласта некоторое количество земли. Они с величайшей заботой ухаживают за этой драгоценной землицей и на склонах скал строят стены, чтобы ветер и дождь не уносил ее. Несмотря на этот чудовищный труд, земледельцы... собирают так мало продуктов, что их едва хватает на пять месяцев» (Реклю. С. 560). Аборигены острова говорили на диалекте арабского языка, Бога они называли «алла», но, как отмечают ведущие историки, в Средиземноморье не было людей, более укоренившихся в католицизме.

Существовавшие здесь прежде леса давно были вырублены аборигенами и, разумеется, не могли играть какой-либо роли в

судостроении. То, что осталось – это жалкие островки в виде небольших парков и искусственных посадок вдоль дорог: рожковое дерево, сосна, фикусы, тamarиск и многочисленные цитрусовые, – не могло пригодиться моряку. Зато изрезанное побережье создавало многочисленные удобные бухты для стоянок судов, хотя главным достоинством архипелага оказалось его положение на перекрестках морских путей и одновременно узла европейско-мусульманских противоречий.

Что касается самой географии событий осады 1565 года на самой Мальте, то они происходили на весьма ограниченном пространстве полуострова Шибerras, шириной до километра у основания между бухтами Марсашлокк и Гранд-Харбор, которые все вместе ориентированы на северо-восток. На севере полуостров Шибerras оканчивается обрывистым мысом Святого Эльма. Ширина указанных бухт также невелика (в пределах до полукилометра), что в сочетании с обрывистыми крутыми берегами делает их укрытыми от ветров и пригодными для стоянки судов любых типов и размеров. После первой осады Мальты 1565 года территория полуострова стала местом городской застройки столицы архипелага под названием Валетта, причины появления этого топонима читателю станут понятны со страниц книги. Однако география событий 1565 года и 1940–1943 годов отличается весьма широко.

Восточные берега Гранд-Харбора, где также происходили бурные события первой осады 1565 года, и где располагался главный центр сопротивления христиан, представляют совокупность многочисленных узких заливов, отделяющихся друг от друга многочисленными узкими полуостровами под названиями Сенгли, Биргу и некоторыми другими. Такой характер побережья обеспечивал как закрытые от ветров стоянки судов, так и строительство оборонительных сооружений, недоступных для атак как с суши, так и с моря (замок Святого Ангела на полуострове Биргу, бастион Святого Михаила на Сенгли и ряд других). Совокупность застройки на указанных полуостровах, сливаясь, формировала своеобразный городской анклав в глубине острова под названием Бормола, прикрытый от нападения с суши также системой оборонительных сооружений. Наконец, в глубине главного острова архипелага, в двенадцати километрах от моря,

существовал еще один укрепленный оборонительный комплекс под названием Медина.

Приглашая, по сути, беженцев с востока Средиземноморья, Карлос I знал, что делал, причем его выбор был подтвержден всей последующей историей. Спустя три века великий поэт по фамилии Байрон, преодолев приступ извечной английской болезни по названию сплин, лениво поинтересовался: «Смотрю в окошко озадачен, на что сей остров предназначен?» У вершителей судеб Европы на протяжении многих сотен лет подобного вопроса не возникало, ибо значение крохотного архипелага на стыке морских коммуникаций им было понятно изначально.

Действительно, к середине XVI века военно-политическая обстановка на Средиземном море по первому впечатлению выглядела как оформившееся противостояние мусульманского Востока и христианского Запада, если бы не одно примечательное обстоятельство – на ядрах, выпущенных из турецких пушек, нередко красовались лилии: маркировка королевских арсеналов Франции, извлекавшей свою пользу из столкновения противников, не считаясь с догматами веры. Вся Европа знала, что флотилии турок и алжирцев временами базируются на Тулон со всеми вытекающими последствиями.

Изгнанникам, как с запада, так и с востока Средиземноморья, терять было нечего – испытывая не проходящую ненависть к друг другу, они пленных не брали и сами в плен не сдавались, не считая тех, за кого рассчитывали получить богатый выкуп. Это обстоятельство нашло яркое отражение в истории Мальты. Однако прежде нам следует обратиться к судам той эпохи, чьи экипажи во многом определяли судьбы и Мальты, и самого Средиземноморья.

Глава 2. Корабли и люди

Наиболее распространенным судном в водах Средиземного моря в ту пору была галера, у которой в качестве движителя сочеталась мощь мускулов 150–200 гребцов и сила ветра в треугольных косых парусах обычно на двух (реже трех) мачтах, способных уловить самое легкое дыхание зефира. По свидетельствам разных источников, эти суда нередко достигали в длину около пятидесяти метров при шести метрах в ширину и в глубину трюма до 2, 5 метра с осадкой порядка метра, что делало их пригодными для действий на мелководье, а также при высадке на побережье. Таран былых времен, приподнявшись над поверхностью моря со времен Древней Греции и Рима, выродился в своеобразный клюв, применявшийся при столкновении с противником в качестве абордажного мостика. При определенном везении ударом форштевня можно было обломать весла вражеской галеры, частично жертвуя собственными. Это требовало умения и понимания тактики морского сражения, основой которого оставался абордаж с предшествующим интенсивным обстрелом противника лучниками. Огнестрельное оружие только-только входило в практику морского боя, преимущественно на европейских морских судах, причем само устройство галер исключало размещение более трёх-четырёх орудий на полубаке. Командование галеры располагалось на поднятой корме, что позволяло держать в поле зрения всё происходившее на судне. Здесь же иногда размещался небольшой оркестр, своим ритмом (в котором ведущая роль принадлежала барабану) задававший темп гребли, от которой зависела скорость судна, набиравшего разбег в стремлении поразить врага.

По всей длине галеры проходил своеобразный продольный мостик, по которому бегали комиты, вооруженные длинными бичами, чтобы подгонять гребцов, в основном военнопленных или каторжников на положении рабов, прикованных цепями к скамьям или веслам, обычно по три пары рук на весло. Эти люди оставались днем и ночью под открытым небом в любую погоду, причем работа гребцов и надсмотрщиков-комитов была практически одинаково опасной: неработоспособный гребец просто выбрасывался за борт (при попытке

сопротивления зарубался или пристреливался), а судьба неловкого комита, сорвавшегося в качку со своего шаткого мостика и оказавшегося среди гребцов, читателю понятна. Вот такая средневековая морская романтика. В распоряжении мальтийских рыцарей было обычно от пяти до семи галер, тогда как объединенные силы христиан и мусульман могли выставить уже сотни таких судов, не говоря о пиратах Марокко, Алжира и Туниса, практически всего магометанского северного побережья Африки.

Иногда в для пополнения экипажа в предстоящем сражении, командование галеры шло на освобождение части гребцов-единоверцев. При всем при том надо было держать гребцов в работоспособном состоянии, для чего на каждого приходилось в сутки почти килограмм хлеба, не считая бобовой похлебки, сдобренной небольшим количеством оливкового масла. Только с XVI века они стали получать простейшую одежду в виде полотняной рубашки и штанов летом, зимой из шерсти, при сильных холодах еще одеяло, реже плащ, защищавший от ветра. «Рабочую скотину» из бывших людей приходилось беречь, поскольку от нее зависело слишком многое, и тем не менее такая жизнь в грязи и среди паразитов не могла быть слишком продолжительной, тем более что в случае необходимости гребля могла продолжаться до двадцати часов и более, как того требовала военная обстановка. Единственной надеждой галерного гребца оставалась победа противника, от которого (если он из земляков) несчастный мог получить свободу. При ином исходе гребца ждала морская пучина, он мог утонуть, сгореть заживо или просто погибнуть от вражеской стрелы или клинка, оставаясь прикованным к рабочему месту... Разумеется, о каком-либо медицинском обеспечении этой части экипажа говорить не приходится.

Поскольку галеры дожили до рубежа XVIII–XIX веков, те же источники упоминают, что из-за неприличного запаха эти суда стыдливо задвигали в отдаленные закоулки порта, ибо гребцы не имели привилегий даже в отправлении обычных человеческих надобностей, последствия которых требовалось регулярно скатывать забортной водой. Неудивительно, что офицеры галер усиленно пользовались всеми видами духов в стремлении избежать сами понимаете чего...

Тактика боя галер той поры заключалась в стремлении навязать противнику абордажная схватку, когда противники сходились, что называется, грудь на грудь. Такой бой редко заканчивался вничью, о чем участники знали заранее, и, вступая в него, готовились к любому исходу. При этом строй галер (поскольку многие столкновения происходили вблизи побережья) часто определялся очертаниями берегов, что каждый раз давало простор тактической фантазии флотоводцев. На больших акваториях командующие стремились образовать фронт (что позволяло использовать в начале боя немногочисленную артиллерию) в стремлении охватить своими флангами фланги противника, чего противник, естественно, всеми доступными средствами стремился избежать. Во многом возможности галер определялись их ограниченной мореходностью и зависимостью от волнения, что требовало знания побережья и умения определяться по виду берегов, хотя компасы использовались на Средиземном море в описываемое время уже достаточно широко. Во избежание неприятностей разного рода в темное время суток галеры ложились в дрейф (особенно в одиночном плавании) в ожидании рассвета. К тому времени артиллерия продемонстрировала свою роль в сражениях на море, но как раз галеры не позволяли, из-за многочисленных весел по бортам, вооружать их пушками: в лучшем случае несколько орудий (обычно не больше пяти) устанавливали на баке над «клювом». Спустя несколько столетий невозможность наращивания артиллерийской мощи решило судьбу галер как боевых кораблей.

Хотя стремление усилить артиллерийскую мощь судов привело в XVI веке к появлению галеасов с пушечным вооружением в деревянных надстройках на носу и в корме, их размеры (особенно высокие борта) при столкновениях с галерами практически исключали возможность абордажа. Корабли этого типа с частичным сохранением весел, одновременно с увеличением огневой мощи, размеров и осадки, теряли в поворотливости и в способности к быстрому маневру. В событиях на Мальте эти качества не понадобились, и галеасы себя никак не проявили, даже в артиллерийской поддержке с моря.

Отметим в событиях на Мальте также галеоны, выполнявшие роль транспортных судов. По размерам они были крупнее галер, достигая в длину до 60 м и отличаясь обширными трюмами, приспособленными для грузов, и, соответственно, обладали более

глубокой осадкой. Первое время на них сохранялись весла, которые играли по сравнению с парусами уже вспомогательную роль. Другим отличием от галер была их повышенная мореходность. Галеоны при необходимости можно было вооружать артиллерией, причем, в отличие от галер, более многочисленной, располагая ее по бортам на палубах за счет отказа от весел. По мере эволюции мореплавания роль галер уменьшалась, тогда как галеоны, прежде всего архитектурно в соответствии с требованиями времени, превратились в линейные корабли и фрегаты позднейшего времени в составе военных флотов или судов дальнего плавания торгового флота под флагами разных торговых компаний.

Мусульманские пираты в Северной Африке часто использовали и суда смешанного весельно-парусного типа, к которым относились тартаны, бригантины, галиоты, палаки и шебеки, отличавшиеся оснасткой, количеством парусов и размерами, а главное — маневренностью. Благодаря этому они успешно противостояли галерам европейских флотов. Действуя количеством, набрасываясь на неуклюжие военные галеры европейцев словно злобная стая охотничьих собак со всех сторон, эти малявки нередко одерживали вверх. Переходя от кораблей к людям, остановимся на главных героях осады Мальты 1565 года.

Со стороны защитников острова это, прежде всего, де Валетт, Жан де Паризо (1494–1568), Великий магистр (гроссмейстер) ордена мальтийских рыцарей, к тому времени достигший почтенного возраста, что компенсировалось солидным военным опытом и также знанием совокупности достоинств и недостатков потенциального противника, которое он усвоил за время пребывания в плену, где овладел также турецким и арабским языками. Именно де Валетту предстояло оказаться на направлении главного удара мусульман. Представитель графского рода Тулузы присоединился к госпитальерам в 1515 году и вместе с ними прошел испытание обороной Родоса в 1522 году, оказавшись позднее на Мальте. В 1534–1536 годах командовал галерой в рейдах на побережье Алжира и Туниса, обзавелся в 1540 году собственным галиотом, на котором угодил в плен к магометанам, превратившись в галерного раба. Обменен на высокопоставленного чиновника Оттоманской Порты, после чего был назначен губернатором Триполи. С падением Триполи участвовал в так

называемом рейде возмездия, в ходе которого было захвачено в плен 1500 мусульман, отправленных затем гребцами на галеры, разумеется, христианские. Легенда утверждает, что однажды де Валетт и Драгут (его главный противник в событиях на Мальте в мае – сентябре 1565 года) встретились, когда их галеры, на которых они оказались в качестве гребцов, и даже узнали друг друга. Продемонстрировав будущему противнику свои цепи, де Валетт якобы произнёс:

– Вот она, солдатская доля...

В ответ Драгут не согласился:

– Нам просто не повезло...

Автор ценных записок о событиях на Мальте Бальби ди Караджио так характеризует де Валетта: «Он высок, хорошо сложен, внушает уважение и хорошо подходит к роли Великого магистра. Он выглядит скорее печальным, но для своего возраста весьма крепок, здоров и в здравом уме. Он очень набожен, мудр, и у него хорошая память. Он очень опытен во всем, что касается военного и морского дела. Он умерен, терпелив и знает много языков». Всем перечисленным качествам вскоре предстояло проявиться в полной мере. Нуждаясь в денежных средствах для укрепления Мальты, орден добывал их неограниченным пиратством у африканского побережья, в котором де Валетт принимал активное участие, продемонстрировав свои военные и организаторские способности, которые позволили ему возглавить орден с 1557 года. Активизации пиратской деятельности способствовал по его инициативе более тесный союз с Испанией, что во многом привело к благополучному исходу мусульманской осады Мальты.

Другой деятель обороны Мальты – Матюрен д’О де Леску Ромегас (1528–1581) – происходил из французской аристократической семьи Арманьяков. Он присоединился к ордену госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского, Родосского и Мальтийского (таким к тому времени стало официальное название ордена) в 1542 году, и уже в декабре 1546 года по заслугам был посвящен в рыцари. Среди его приключений – спасение из перевернувшейся галеры осенью 1555 года, в которой он уцелел, оказавшись головой в воздушном кармане. Большую часть жизни посвятил морской службе, командуя собственной галерой, а позднее эскадрами ордена. Впервые упомянут в письменных источниках в связи с корсарской деятельностью в 1547

году в качестве рядового рыцаря. В августе 1556 года, помощником капитана галеры, отличился в сражении с берберийскими пиратами в Неаполитанском заливе и у острова Стромболи (Липарские острова) в схватке с тремя турецкими галиотами, освободив из неволи 200 христианских гребцов. В патрулировании африканских вод и Сицилии быстро приобретал морской опыт. Однако его активность в атаках на суда мусульман в водах Леванта лишь усилила стремление турок покончить с морской базой христиан на Мальте, поскольку один из пленников христиан, видный мусульманский юрист Саджак-бей Александрийский, выкупленный турками за восемнадцать тысяч дукатов, вернувшись в Константинополь, своими рассказами буквально разжег стремление султана искоренить базу христиан на Мальте. В 1564 году у острова Кефалония (вблизи балканского побережья) Ромегас захватил галеон, принадлежавший главному евнуху султанского двора, с массой товара, предназначенного для султанских жен, стоимостью ни мало ни много 80 тысяч дукатов. Теперь на политические и военные соображения султана Сулеймана I Великолепного наложились вопли и стенания десятков (или сотен) султанских жен и наложниц, оставшихся без украшений и макияжа. Эффект этого события, с одной стороны, отрицать невозможно, но с другой – документального подтверждения в нашем распоряжении нет... Однако известно, что гнев султана перешел мыслимые границы, что, по мнению ряда историков, и привело к событиям на Мальте. Во время осады Мальты в 1565 году Ромегас поддерживал связь по морю между главными опорными пунктами отпора мусульманам – укреплениями Святого Эльма и Святого Ангела.

Со стороны мусульман первыми к осаде острова приступили командующий блокадным флотом Пиали-паша и командир осадного корпуса Мустафа-паша, которым султан настолько не доверял, что подчинил их своему более надежному флотоводцу – Драгут-Реису (1485–1565), который в нашей исторической литературе присутствует с целым букетом имен разного написания: Доргут, Даргут, Торгут, Драгут и многих других, которые можно найти в исторических источниках. (Память о нем сохранило название западного входного мыса в Мерсамексет, напротив восточного входного мыса Святого Эльма с его фортом, у стен которого Драгут позднее нашел свою кончину.)

Уроженец юго-западной Анатолии из бедной крестьянской семьи в двенадцать лет связал себя морской службой, пройдя затем все ступени иерархии в османском флоте, впервые обратил на себя внимание в победном сражении у Превезы в 1538 году, где он успешно командовал правым крылом флота Хадрейдина. После этого он предпринял самостоятельный поиск на западе Средиземного моря, увенчавшийся богатой добычей. В июне 1540 года захвачен в плен на собственной галере (похоже, это неременная ступень в военно-морской карьере многих героев эпохи на Средиземном море), выкуплен у генуэзцев Хадрейдином Барбароссой за солидную сумму. Недавний пленник тут же получил в команду 26 кораблей для нападения на Тунис, с чем справился вполне успешно.

С 1546 года он развернул со своими кораблями настоящее наступление против итальянского побережья и прилегающих островов, включая кратковременный десант на Мальту в 1547 году, а год спустя взял на абордаж мальтийскую галеру с казной ордена (20 тысяч дукатов!), подавил антиосманское восстание в Махдии (Тунис) в 1549-м, в 1551 году совершил ознакомительный визит на Мальту, в район будущих событий великой осады. Так что его появление там с началом осады не было случайным. За трехнедельное пребывание на Мальте в 1565 году организовал артиллерийскую блокаду форта Святого Эльма, чем способствовал его падению. По некоторым сведениям, именно он (что оспаривают другие источники) оставил после себя своеобразный памятник эпохи на острове Джерба, у берегов которого в 1560 году наголову разбил испанский флот, – пирамиду из человеческих черепов, простоявшую до середины XIX века, когда Тунис оказался под протекторатом Франции.

Улудж-Али-Канделисса (1520–1587), итальянский ренегат, выходец с Калабрии. Принял ислам, будучи в плену у Хадрейдина Барбароссы, сделав успешную карьеру, присоединился к Драгуту, губернатору Триполи в 50-е годы XVI века. Отличился в битве при острове Джерба. Позднее сражался на Мальте и у Лепанто, о чем подробнее ниже, однако, не покрыв себя неувядаемой славой.

Такой вот набор исторических персонажей, после знакомства с которыми читатель волен прийти в восхищение от очередной галереи исторических героев или окончательно потерять веру в торжество добра по мере развития исторического прогресса. Политические

симпатии в отношениях Запада и Востока в акватории Средиземноморья менялись настолько часто, что капитаны галер Мальтийского ордена не успевали следить за зигзагами политики и дипломатии, тогда как соблазн добычи по принципу «здесь и сейчас» оставался всегда. На этом фоне упорство и готовность рыцарей-иоаннитов противостоять натиску магометан те ощутили в полной мере очень быстро, тем более что новые хозяева Мальты на всякий случай заняли городок Триполи на африканском берегу. Это противостояние усиливалось стратегическим положением Мальты (всего-то два-три крохотных бесплодных островка, не имевших достаточно даже пресной воды), не позволявшем мусульманам Алжира и Марокко сомкнуть свои силы с мощным флотом турецкого султана в борьбе с «неверными», нараставшей год от года. По этой причине военное столкновение за Мальту было лишь вопросом времени.

Первая проба сил состоялась в 1551 году, когда у берегов Мальты появился объединенный флот из 120 турецких галер и 30 кораблей алжирских пиратов под общим командованием Синама-паши, состоявшего на службе у турецкого султана. Еще одна примечательная личность, о которых говорят: «Пробы негде ставить». Уроженец Смирны, поменявший веру, по кличке «Чесаут» (еврей), знающий навигатор, пользовавшийся заслуженным авторитетом у пиратов. Соратник Хайдреддина Барбароссы и Драгута в битвах в Тунисе и у Превесы. Поскольку его участие в событиях на Мальте оказалось ограниченным, ограничимся и мы сказанным в отношении этой персоны, тем не менее оставившей свой след в истории Средиземноморья.

Поскольку основные укрепления мальтийских рыцарей располагались на восточном берегу Гранд-Харбора, Синам-паша стал на якорь в удобной соседней бухте Мерсамексет, прикрываясь от обстрела артиллерией главной базы мальтийцев в заливе Гранд-Харбор довольно высоким полуостровом Шибerras.

По результатам рекогносцировки Синам-паша быстро пришел к выводу, что любая атака главных опорных пунктов рыцарей, расположенных в заливе Гранд-Харбор современных карт замков Святого Ангела и Святого Михаила без артиллерии не сулит успеха, но выгружать с кораблей тяжелые пушки на необорудованный берег в жару показалось предводителю пиратов слишком обременительным

занятием, и, несмотря на возражения своего ближайшего помощника Драгута, Синам-паша ограничился лишь нападением на Триполи и соседний небольшой остров Гоцо, захватив в рабство практически всё его население порядка пяти тысяч человек. И мусульмане, и христиане понимали, что появление Синам-паши не было простым визитом вежливости, и готовились к предстоящим событиям со всей серьезностью и в полной мере. Они вовремя учли уроки 1551 года, начав строительство форта Святого Эльма на северной оконечности полуострова Шибerras, как часть единой оборонительной системы Мальты.

Магистр ордена (в ту пору им был испанец Хуан де Омер) не только срочно приказал укрепить замки Святого Ангела на полуострове Биргу и Святого Михаила на соседнем полуострове Сангли, но и форт Святого Эльма на полуострове Шибerras, орудия которого позволяли контролировать входы в бухты Мерсамексет на западе и Гранд-Харбор на востоке. Заканчивал подготовку к отражению мусульманского вторжения новый магистр ордена, выбранный на эту должность в 1557 году, уже отмеченный выше де Валетт, с успехом продолжавший пиратствовать в окрестных водах. Помощь с соседней Сицилии была ограниченной из-за голода, поразившего Италию одновременно с поражением христиан у острова Джерба в 1560 году от османского адмирала Драгута, увенчавшего свою победу пирамидой из черепов христиан, простоявшей три столетия, чтобы напоминать старую истину – горе побежденным. Сам Драгут, вскоре возглавивший турецкий флот, образно называл Мальту «змеиным гнездом христиан». Множество признаков подтверждали приближение военного столкновения в борьбе за архипелаг.

Глава 3. Враг у ворот

Крохотный архипелаг теперь оставался единственным чужим звеном в единой цепи морских коммуникаций мусульман на пространстве от Алжира до Босфора. Уже поэтому атака на него становилась вопросом времени, и возникшая задержка была связана с нехваткой гребцов на галерном флоте в Стамбуле, солдат для абордажного боя, продовольствия и даже боеприпасов. Все это пожирала мусульманская агрессия, сметавшая все на своем пути в направлении от Босфора до Дуная, первой жертвой которой стали Балканы.

Целый ряд признаков свидетельствовал о приближении решающего момента. Под видом рыбаков турецкие специалисты-саперы обследовали укрепления Мальты, в результате чего султан получил модель укреплений острова, на которой отрабатывал варианты атак вместе с будущими предводителями правоверного воинства полумесяца. С января 1565 года Стамбул вдруг оказался закрытым городом для иностранцев. В донесениях оттуда испанского посольства отмечалась лихорадочная работа на турецких верфях, лично контролируемых султаном. При этом для серьезной военной операции на Мальте требовались не только пушки и боезапас к ним, но и всё, чего нельзя было получить на Мальте – вплоть до воды и дров. По оценкам сведущих людей (в позднейшие времена называвшихся то шпионами, то разведчиками), указанные мероприятия обошлись Оттоманской Порте в треть годового дохода.

На этом общем фоне временами возникали проблемы экзотического (на современный взгляд) характера: например, транспортировка морем лошадей, поскольку требовалась кавалерийская поддержка войск после десантирования, и, таким образом, даже в те времена десантная операция была сложным делом. Эти приготовления не остались без внимания на Мальте, хотя вице-король Сицилии, отвечавший за поддержку Мальты, дон Гарсия Толедский оказался в затруднительном положении не только из-за голода, поразившего Италию, но и из-за весьма расплывчатых королевских инструкций из Мадрида.

Между тем сам орден решал проблему собственного обеспечения привычным способом, нападая на все суда в доступных акваториях и забирая с них все, что можно было забрать, начиная с пресной воды, не говоря о продовольствии или порохе. После получения тревожной информации с берегов Босфора дон Гарсия Толедский в апреле 1565 года проинспектировал укрепления Мальты, особо указав де Валлетту на роль форта Святого Эльма в системе обороны острова, одновременно обнаружив его опасные недостатки, что подтвердилось позднее. В Гранд-Харбор 7 мая была установлена цепь поперек бухты, разделяющей полуострова Биргу и Сангли. Комендантом крепости Медины в центре острова (всего в 12 километрах от побережья) был назначен рыцарь Педро Мезкито из Португалии, с четким указанием держаться до последнего в случае вражеской осады, поскольку вверенная ему крепость становилась в предстоящих событиях последней надеждой мальтийцев.

Однако на берегах Босфора, при всей спешке и понуканиях султанского двора, дела шли не лучше. Тем не менее перед тем, как заняться Мальтой вплотную, султан Сулейман высказал свою точку зрения вполне однозначно: «Эти сукины дети, которых я уже покарал, спаслись лишь благодаря моему милосердию на Родосе. Я говорю теперь, после их непрерывных набегов и оскорблений: они должны быть наконец сокрушены и уничтожены». Даже с учетом особенностей языка XVI века подобная речь не позволяла двойного толкования. Соответственно, 30 марта огромный караван галер и транспортных галеонов, не считая вспомогательных судов разного назначения, отправился в Мраморное море, причем экипажи и солдаты оставались в неведении о конечном пункте похода и его цели. Зато они знали о крушении галеона с порохом у берегов Греции и гибели на нем нескольких сот человек, как знали о нежелании многих военных принять участие в походе, значительном дезертирстве и многочисленных попытках откупиться в стремлении избежать участия в рискованном предприятии. Естественно, все это не могло не отразиться на настроении рядовых участников плавания, особенно кавалеристов, для которых всегда перевозки по морю оставались особой проблемой. В некоторых исторических трудах отмечено, что это событие происходило в общей атмосфере триумфа. Однако другие источники позволяют в этом сомневаться. Глядя на отплывающий флот

галер в сопровождении транспортов, великий визир Али (который по своей должности не мог не быть в курсе событий) произнес таинственную фразу, которая, возможно, является верхом цинизма, характерного во все времена для политических деятелей верхнего звена: «Отправляются на увеселительную прогулку вокруг прекрасных островов...»

Точно так же ломало голову и командование в стане потенциального противника, получая редкие сообщения со встречных судов, также стремившихся избегать нежеланной встречи, – куда направляется эта армада под зелеными флагами пророка Мухамеда: к берегам Гулеты (испанского анклава в Тунисе), к Калабрии, к испанскому побережью или, наконец, к Мальте? Тем временем грандиозный флот не спеша двигался по направлению к своей цели. 7 апреля он встал на якорь в Афинах, а спустя месяц его обстреляли береговые батареи испанцев и итальянцев в Сиракузах (Сицилия).

Историк ордена Джакомо Брзио так описал появление турецкой армады у берегов крохотного архипелага под командой Пиали-паши: «В 13 милях от Мальты турецкая армада была ясно видна. Парусами был покрыт весь горизонт... Развернувшись в виде огромного полумесяца по спокойному морю, к Мальте двигались сотни кораблей – 130 галер, 30 галиотов, 9 грузовых барж, 10 крупных галеонов и две сотни мелких вспомогательных судов». В тот день мероприятия по подготовке к обороне острова были далеки от завершения, и турки 18 мая 1565 года практически беспрепятственно стали на якорь в бухте Мерсамексет (там же, где и четыре года назад) в готовности высадить на берег войско вторжения общей численностью до 30 000 человек, включая корабельные экипажи. Позднейший историк отметил: «Вот как оно было составлено: 6300 янычар, все отборные воины, 6000 анатолийцев, стрелков и копьеносцев, 2500 греков, 13 000 охотников, зависящих от корпуса дервишей и улемов, нечто вроде религиозной корпорации, давшей обет стать под знамена священной войны; наконец, 3500 искателей приключений, одетых в львиные и тигровые шкуры и носившие на голове перья орлиные и других хищных птиц, дополняли это страшное сборище и казались эмблемами его зверства» (Архенгольц. С. 259).

Особого описания требуют подразделения янычар, игравшие ударную роль во всех предприятиях подобного рода. Они появились

еще в 1363 году при султানে Мураде в качестве личной охраны, и первоначально формировались из христиан, перешедших на сторону турок-магометан, во избежание ненужного контакта с остальными подданными. Со временем их ряды стали пополняться юными отпрысками христиан, воспитанными в мусульманской вере. Теперь их не принимали как христиане, которые видели в них изменников, так и мусульмане, не доверявшие им в силу их происхождения. Это был прием, достойный позднейших иезуитов, но с точки зрения власти, он оправдал себя, потому что этим людям из своего круга некуда было податься за его пределы. Они, почитая султана вместо родного отца, получили особое положение в войске: снабжение, обеспечение обмундированием и снаряжением, при разделе добычи и т. д. Особенностью вооружения янычар были новые аркебузы, более длинные по сравнению с европейскими. Они требовали больше времени для перезарядки, зато стреляли дальше и точнее, что защитники Мальты вскоре испытали на себе в полной мере. Указанный источник в приведенном перечне почему-то не указывает подразделений спаги, близких по назначению к европейским драгунам, которые в зависимости от обстановки могли сражаться как в пешем, так и в конном строю, вооруженных помимо холодного оружия луками, арбалетами и фитильными ружьями. Видимо, количество спаги несколько превышало численность янычар.

В ночь на 19 мая это войско начало высадку под водительством Мустафы-паша (1500–1580). При этом сухопутный и морской начальники не ладили друг с другом, о чем знал султан Сулейман. Поэтому он планировал усилить их кораблями и живой силой из Триполи на границе Ливии и Туниса под командой Драгута, которому поручалось общее руководство операцией по захвату Мальты. Он должен был сглаживать разногласия подчиненных командиров, но оба паши своим прибытием опередили его.

С современной точки зрения, происходившее на Мальте в 1565 году является поучительным примером десантной операции с целью захвата будущей оперативной базы для направленных действий против христианского побережья Европы и, одновременно, защиты собственного североафриканского побережья с его пиратскими гнездами. Правда, некоторые морские историки (например, немец Альфред Штенцель) это важнейшее событие в истории

Средиземноморья не считает таковым, поскольку непосредственного столкновения флотов противников, по его мнению, так и не произошло, одновременно не отрицая, что осада Мальты 1565 года явилась прологом к знаменитому Лепантскому сражению 1571 года. Европа между тем внимательно следила за происходящим на Мальте, не строя себе иллюзий, о чем свидетельствовало высказывание английской королевы Елизаветы I: «Если турки победят на Мальте, невозможно представить себе, насколько станет опасным положение всего христианского мира».

В этом утверждении английской королевы было много справедливого, что подтверждается многочисленными посланиями римского папы Пия IV, отметившего раскол среди европейских монархов перед лицом турецкой угрозы не только на религиозной почве. Для этого достаточно вспомнить позицию французского короля Франциска I. Вот почему духовному главе католиков принадлежит неутешительный вывод: «С учетом нашей слабости и разъединенности, бояться им (туркам. – В. К.) нечего». Такой вывод полностью соответствовал складывающейся в Европе ситуации: Испания завязла в войне с восставшими нидерландскими провинциями и готовилась покарать еретиков в безбожной Англии – попытка, как известно, закончившаяся разгромом Великой Армады; Франция раздиралась религиозными войнами между католиками и гугенотами и т. д. и т. п. Определенно ожидать сплочения христианских сил на этом историческом фоне не приходилось.

Тем не менее испанский король Филипп II отнюдь не бездействовал, в частности назначив дона Гарсия Толедского своим наместником в Сицилии и Южной Италии, однако, как обычно, не учитывая целого ряда конкретных обстоятельств. Так, из-за разобщенности союзных сил флота по различным итальянским государствам и портам к решающему моменту в событиях на Мальте в распоряжении дона Гарсия оказалось в восемь раз меньше кораблей, чем у турок.

Возвращаясь на берега Мальты, отметим, что силам мусульман гроссмейстер Мальтийского ордена де Валетт мог противопоставить не более 8500 бойцов, из которых половину составляли обитатели архипелага, вооруженные аркебузами, только 200 рыцарей ордена и еще 2000 наемных итальянских солдат, срочно присланных в

ожидании вторжения вице-королем Сицилии доном Гарсия Толедским. Правда, защитники Мальты, получая надежные разведданные из самого Константинополя, в чем-то подготовились к такому развитию событий, отправив не способных держать оружие на материк. Взамен те же корабли при возвращении доставили все необходимое для упорной обороны, включая запасы пороха, ядер, оружия и продовольствия. По опыту прежних столкновений, ни та ни другая сторона на милость противника не рассчитывали... Поэтому оставшееся мирное население острова (понятие достаточно условное во все времена) со скотом, пожитками и домочадцами, включая женщин и детей, тут же бросилось на защиту стен замков Святого Ангела и Святого Михаила, укреплений Бармолы на западном берегу Гранд-Харбора. Хотя де Валлетт в основном надеялся на своих орденских рыцарей и наемных солдат, мужчины-мальтийцы оказались также не только вовремя, но и к месту, тем более, что оружия для них вполне хватало. Правда, гроссмейстер считал коренных мальтийцев «за людей невеликой преданности. Они в ужасе разбегутся от аркебузного выстрела. Что случится, когда осадные орудия начнут убивать их жен и детей?» События показали, что гроссмейстер ошибался в оценке этой части своих подданных.

Вся система обороны острова держалась, таким образом, на четырех узлах сопротивления будущему противнику. В бухте Гранд-Харбор это были замки Святого Ангела на полуострове Биргу и Святого Михаила на полуострове Сангли, разделенные неширокой акваторией Докьярд Крик, через которую по указанию де Валлетта был наведен наплавной мост, что позволяло маневрировать личным составом своих подчиненных, перебрасывать их по мере необходимости из одной горячей точки к другой, что сыграло важную роль в последующих событиях. Третий узел обороны, выбор которого, казалось бы, позволял контролировать своей артиллерией обе соседние бухты – форт Святого Эльма, имел существенный недостаток: недостроенный рavelин вблизи главных стен самого форта, что сыграло роковую роль в судьбе самого форта и поставило на грань поражения всю систему обороны мальтийских рыцарей, о чем ниже. Четвертым узлом обороны, несмотря на ветхость крепостных построек, оказалась крепость Медина, оказавшаяся несколько в стороне от основных событий. Она располагалась всего в 12

километрах от места основной высадки турок и пиратов в бухте Мерсамексет. Такое расположение объектов обороны Мальты, как оказалось, имело свои плюсы и минусы. Все вместе перечисленные объекты свидетельствовали о несомненном стратегическом мышлении тех, кто выбирал и строил эти сооружения.

Обитатели Мальты все же успели надежно укрепить подходы к замку Святого Ангела и усилить оборону форта Сент-Эльм на крайней северной точке полуострова Шибerras между бухтами Мерсамексет с запада и Гранд-Харбора с востока. Именно здесь, на площади всего чуть больше квадратного километра, развернулись основные военные действия.

Форту Святого Эльма и предстояло сыграть в обороне Мальты важнейшую роль, особенно на начальном этапе, в полном смысле заслонив собою столицу острова. Правда, начатое и не законченное укрепление треугольных очертаний у западных стен форта (так называемый равелин) оказалось его наиболее слабым местом, это оказался наиболее серьезный просчет в обороне Мальты, за который ее защитники заплатили по полной.

Была также отработана система сигнализации между отдельными узлами обороны в пределах всего архипелага. После первых сообщений о высадке противника де Валетт, обращаясь к рыцарям, заявил: «Нет лучше случая, чем этот. Поспешим же, братья, на этот алтарь, вспомним наши клятвы!» Этот взгляд разделяли и остальные защитники Мальты, включая аборигенов, которых рыцари поначалу не принимали в качестве серьезной военной силы. Для гроссмейстера ордена предстоящее противостояние выглядело продолжением деяний предшественников, отстаивавших интересы ордена в пустынях Палестины, Сирии, на Родосе, но в отличие от них на этот раз речь шла уже о самом существовании ордена, которому было уже отступать некуда, что порождало совершенно новую ситуацию для ордена в целом и для каждого рыцаря в отдельности.

Непосредственно военные действия на суше начались с высадки турецкого десанта, которую командор Копьер во главе небольшого отряда кавалерии из Медины в центре главного острова архипелага, возглавлявший силы обороны в бухте Месамексет, прозевал. Однако, когда турки приступили к строительству бастионов, вооруженных артиллерией, у защитников острова не осталось сомнений в

серьезности намерений врага: «Если мальтийцам дотолле оставались еще сомнения насчет цели экспедиции. то теперь уже должно было разубедиться. Оставалось прибегнуть к Господу, что и было первой мыслью гроссмейстера. Процессии и всенародные молебствия предшествовали войне» (Архенггольц. С. 259), – сообщает тот же источник. Эти мероприятия продолжались слишком недолго, поскольку, используя кавалерию, мусульмане уже с первых дней контролировали практически всю территорию острова за исключением крепости Медина в центре, форта Святого Эльма на севере полуострова Шибerras и замков Святого Ангела и Святого Михаила на полуостровах Биргу и Сенгли в соседней бухте Гранд-Харбор современных карт. 20 и 21 мая без особого успеха мусульмане попробовали прорвать оборону ордена. С позиций обороняющихся открывшаяся картина могла внушить чувство ужаса. Турецкая армия покрыла всю окружающую местность огромной массой в виде гигантского полумесяца в соцветье массы флагов разного цвета, под звуки незнакомой военной музыки. Де Валетт, дождавшись, когда эта громадная людская масса оказалась в пределах его орудийного огня, после первых залпов приказал молодым рыцарям, рвавшимся в бой, идти на вылазку, возглавив ее. Результат этой вылазки оказался показательным по соотношению потерь один к десяти в пользу христиан, причем повторная атака завершилась с тем же результатом. Надо отметить, что турки поверили пленному рыцарю де Ривьеру, который под пытками обманул врага, показал якобы наиболее слабые места укреплений. Пожертвовав, таким образом, собственной жизнью, он заставил мусульманских военачальников вернуться на полуостров Шибerras с фортом Святого Эльма на его северной оконечности, тесную блокаду которого, казалось, было несложно осуществить. Однако одна только доставка артиллерии на новые позиции обошлась мусульманам ценой огромных усилий. Солдат Франческо Бильби со стен Биргу наблюдал, как упряжки по десять быков и множество людей волокли каждую пушку, тем не менее уложившись с этой операцией всего за двое суток. Теперь против южных стен форта Святого Эльма возникла сплошная стена батарей, где каждая пушка отделялась от соседней деревянным ящиком, заполненным камнями, образующими в совокупности огнедышащую позицию с укрытием для пушкарей.

Сам форт Святого Эльма очертаниями своих стен с выступавшими бастионами напоминал многолучевую звезду неправильной формы. С западной стороны, обращенной к бухте Мерсамексет, находился тот самый недостроенный обособленный рavelин, вооруженный всего двумя пушками, которому в дальнейшей осаде Святого Эльма предстояло сыграть далеко не самую лучшую роль. Буквально в первые дни осады форта дезертир-итальянец подсказал мусульманам идею нарастить высоту этого укрепления, с тем чтобы получить обзор внутреннего пространства форта, скрытое снаружи стенами, – теперь мусульмане получили возможность стрелять из своих дальнобойных аркебуз по защитникам на выбор! При этом гарнизон форта Святого Эльма насчитывал всего до 600 бойцов, из них только до полусотни орденских рыцарей, остальные наемные солдаты и местные мальтийцы. Указанные особенности форта показались обоим турецким начальникам достаточно привлекательными, но это первое впечатление оказалось, как показали дальнейшие события, оказалось неверным, что в значительной мере сказало на исходе всей операции по захвату Мальты.

В свою очередь намерения турок вплотную заняться Сент-Эльмом выдал де Валетту перебежчик-мусульманин, весьма осведомленный охранник Мустафы, нередко присутствовавший при принятии решений пашой. Такая информация вполне устраивало руководителя обороны Мальты. Надо отметить, что в событиях на Мальте перебежчикам принадлежала важная роль: очевидно, религиозный фанатизм с обеих сторон великолепно уживался с ограниченным понятием верности у наемных вояк.

Командор Копьер, завершив свои богоугодные мероприятия, с наличными (находившейся всего в 12 километрах от места описываемых событий) силами (всего около 1200 солдат) почти непрерывно продолжал из Медины партизанить и вести разведку в окрестностях высадки мусульман, пользуясь своим знанием местности. Он постоянно тревожил неприятеля в попытках определить его силы и намерения в отдельных стычках, и скоро убедился, что силы мусульман превышают его собственные примерно в десять раз, и даже самое благоприятное соотношение потерь в этих столкновениях не могло изменить его положение к лучшему. В ближайшие дни турки и пираты развили активную деятельность.

Практически с 24 мая они приступили к непрерывному обстрелу стен форта Святого Эльма, сосредоточив главные свои усилия на его захвате, что вполне устраивало де Валетта. Из сведений разведки он отчетливо представлял намерения противника: «Их план – взять приступом форт Святого Эльма, чтобы ввести флот в гавань и перезимовать. После Святого Эльма они осадят замок Святого Ангела». Мусульманские стратеги не учли три важных обстоятельства, которые привели позднее к общей неудаче: 1) недостаток у них войск для одновременного захвата всех укреплений ордена, 2) близость враждебной Сицилии, способной питать осажденную Мальту с постоянной угрозой блокады их собственному флоту, 3) невозможность зимовки на Мальте из-за ограниченности местных ресурсов, включая воду. (Предвидя развитие событий, накануне появления вражеского флота де Валетт приказал завалить источники воды павшими животными, так что турки с самого начала военных действий оказались не только в стесненных, а еще и в антисанитарных условиях, гарантировавших им огромные потери от кишечных и других заразных заболеваний, на что вояки всех времен не обращали особого внимания.) Еще больше указанная проблема возросла, когда захват форта Святого Эльма вместо ожидавшихся четырех-пяти дней занял почти месяц, но время для осаждающих было упущено безвозвратно, а количество разлагающихся на жаре трупов возросло, поскольку турки не успевали хоронить своих убитых, что привело к повышенной заболеваемости в рядах войска Аллаха элементарным поносом, не считая тифа.

К разочарованию обоих турецких военачальников, укрепления мальтийцев в районе высадки оказались значительно сильнее, чем это было известно по сведениям Синан-паши и собственным первым впечатлениям. Несмотря на это, оба паши приступили к осаде форта Святого Эльма (комендант де ла Серда) вплотную, на чем особенно настаивал Пиали-паша, считавший, что его резервы бесконечны, особенно в сравнении с возможностями осажденных. Несколько сот христианских голов, продемонстрированных будущему руководству в лице Драгута, могли стать доказательством рвения обеих пашей, но как раз именно этого и не случилось. Эти первые атаки, несмотря на весь свой напор, показали плохую подготовку мусульманского воинства, когда, например, янычары отправились на штурм со

слишком короткими лестницами и т. д. Более того, уже в первых атаках турки несли ощутимые потери, особенно от «огненных колес», обручей от бочек, обмотанных пенькой и тряпками, пропитанными горючим составом, которые, врезаясь в плотную толпу атакующих в широких одеждах, поджигали их, выводя из строя.

Командующий гарнизоном форта Святого Эльма Хуан де ла Серда считался вассалом испанского короля Филиппа II и по известному правилу «вассал моего вассала – не мой вассал» полагал, что его обязанности по отношению к ордену ограничены. Это уже отразилось в его рапорте де Валетту: «Форт невелик, слаб для обороны, без фланговой защиты уподобляется чахоточному телу, которому для поддержания жизни нужно много лекарств». Де Валлетт поблагодарил его за столь ценную информацию, направив подкрепление из 120 солдат во главе с капитаном Медрано, что на время подняло настроение осажденных. Тем не менее состояние обреченности не покидало их, и де Валетту пришлось приложить немало усилий, чтобы переломить его.

Все же в Биргу 6 июня было получено из Сент-Эльма очередное послание за подписью всех рыцарей, по сути, просившихся на самоубийственный бой, чтобы погибнуть не в качестве пушечного мяса, а в соответствии со своими понятиями чести. Однако подобное не входило в планы де Валлетта. Его ответ гласил: «Можете уходить. На место каждого найдутся четыре добровольца». Рыцари, в соответствии с канонами ордена о подчинении, вняли увещаниям главы ордена. Вместе с небольшим очередным подкреплением в форт были переправлены «огненные обручи» от бочек, обмотанные тряпками, пропитанными горючим составом, которые, пущенные по склону на атакующих, врезаясь в их плотную толпу, выводили из строя сразу нескольких воинов.

Между тем в рядах осаждающих происходили раздоры, когда представители флота во главе с Пиали-пашой предъявляли многочисленные претензии сухопутным войскам Мустафы-паши, а оба паши вместе поносили янычар, не оправдавших себя в первых боях.

Глава 4. Сражение за форт Святого Эльма. Гибель Драгута

Тем не менее осада продолжалась. Под убийственным огнем со стен форта турки вели к ним траншеи-апроши, не ставя ни в грош жизни рабов, которых они использовали в качестве подневольных саперов. С завершением этих работ немногочисленные стрелки-аркебузеры на стенах Сент-Эльма сами оказались под огнем множества мусульманских солдат, которые своей численностью буквально задавили противника. Положение ухудшилось в результате неудачной вылазки осажденных, когда, пользуясь ночной темнотой и возникшей суматохой, турки овладели недостроенным укреплением у западной стены форта, так называемым равелином. Последовав совету дезертира-итальянца, турки надстроили захваченный равелин по высоте, получив тем самым обзор пространства внутри форта, скрытого прежде стенами. Турки сделали это с помощью местного камня и даже мешков с шерстью, так что внутреннее пространство форта оказалось у них теперь как на ладони. Теперь защитники форта не могли поднять головы из-за прикрытия стен, чтобы не попасть под губительный обстрел янычар и пиратов.

Подавив огонь защитников форта, янычары приступили к сооружению штурмового моста из корабельных мачт с равелина на стены самого форта, не считаясь с потерями среди рабов-саперов, которым предстояло умереть или от пуль аркебузеров-христиан, или от рук собственных надсмотрщиков – янычар. Несмотря на огромные потери среди подневольных строителей-саперов, мостик неумолимо приближался к стенам форта Святого Эльма, пока последние бревна не легли на сами стены, соединив, таким образом, равелин с фортом. Теперь этот мост, даже оставаясь недостроенным, превратился в самое жаркое место в обороне форта, куда и обороняющиеся, и атакующие направляли свои усилия, обстреливая друг друга из огнестрельного оружия и луков с самых коротких расстояний, временами схватываясь врукопашную. Защитники форта неоднократно пытались поджечь этот мост, который атакующие обильно поливали водой, а затем стали делать защитную присыпку из грунта.

Разведчики регулярно докладывали обстановку де Валетту, находившемуся в своей резиденции в замке Святого Ангела в Биргу. Великий магистр видел, что турки связали себя, упершись лбом в форт Святого Эльма, который оказался для них твердым орешком, с одной стороны, и явно второстепенным объектом в системе обороны христиан – с другой. Де Валетт рассчитывал, что противник напрасно израсходует боезапас и понесет при захвате Святого Эльма такие потери, что остальная Мальта окажется ему уже не по зубам, что полностью подтвердилось в обозримом будущем. Правда, в создавшейся ситуации могла возникнуть необходимость пожертвовать фортом Святого Эльма вместе с защищавшим его гарнизоном, но на войне, как на войне... По этим причинам де Валетт даже запретил вылазки за пределы замков Святого Ангела и Святого Михаила, чтобы сберечь собственные силы, которые он намеревался использовать в решающий момент, который должен был наступить, несмотря ни на что.

Утром 2 июня рыцари, оборонявшие форт Святого Эльма, были разбужены залпами турецких батарей. В первый момент они решили, что турки ведут огонь по кораблям дона Гарсия Толедского, наконец-то явившегося с долгожданной помощью от берегов Сицилии. Действительность оказалась намного хуже – это был салют эскадре Улуч-Али и самого Драгута из 45 кораблей с 2500 воинов на борту, хотя указанные оценки значительно расходятся по разным источникам. К этому времени форту Святого Эльма были уже нанесены существенные разрушения, наряду со значительными потерями в гарнизоне. Особенно пострадали от артиллерийского огня турок выступы-бастионы. Несмотря ни на что, форт продолжал успешно обороняться, тем более что потери мусульман были значительно выше, чем у обороняющихся. Однако осаждающие регулярно получали пополнение с кораблей, тогда как защитники Святого Эльма такой возможности не имели, сохраняя, однако, ограниченную связь со штаб-квартирой в Биргу, где обосновался и де Валетт. Ознакомившись с ситуацией, Драгут, который фирманом султана становился командующим осадой Мальты, тут же созвал военный совет, на котором выступил с уничтожающей критикой своих предшественников, за то, что они в своих действиях пошли на поводу у де Валетта, в чем был абсолютно прав. (Таким образом, выяснилось,

что взгляды командующего осадой острова Драгута и руководителя обороны Мальты де Валетта полностью совпадали – оба они считали, что бои за Сент-Эльм лишь истощают силы осадного корпуса, отвлекая его от главной цели.) Драгут, убедившись, что ему не удалось примирить своих соперничающих помощников, принял решение: продолжать начатое, поскольку отступление в глазах друзей и врагов будет истолковано как неудача. Такой вариант устраивал как Пиалипашу, так и Мустафу-пашу, поскольку он снимал с них ответственность, тем более со ссылкой на такие высокие инстанции, выше которых на земле не бывает.

Солидный возраст около восьмидесяти лет и весь предшествующий военный опыт подсказывали Драгуту, что для начала правильным было бы овладеть соседним островом Гоцо, который практически превратился в перевалочную базу для поступления с соседней Сицилии продовольствия и боеприпасов (хотя и в незначительном количестве) и был великолепным наблюдательным пунктом за окружающей акваторией. Только затем он собирался нанести удар по укреплениям христиан на полуостровах Биргу и Сенгли в Гранд-Харборе, где были сосредоточены основные силы ордена. Именно это и пытались сделать поначалу оба паши в своем первом неудачном приступе, от которого по первым результатам отказались. Таким образом, Драгуту предстояло расхлебывать кашу, которую заварили другие, причем, как оказалось в ближайшие дни, без какой-либо поддержки Аллаха, полагаясь больше на собственную артиллерию, тем более, что он оценил число защитников форта Святого Эльма в 500 солдат, включая чуть больше полсотни рыцарей, не считая небольшого количества вооруженных местных жителей. С прибытием Драгута были созданы новые артиллерийские позиции на западном входном мысу в залив Мерсамексет, откуда начался уничтожающий артиллерийский огонь на поражение по западному участку форта в районе рavelина, напоминавшего очертаниями неправильный треугольник. Поскольку он обрывался стеной к стенам самого форта Святого Эльма, в исторических описаниях фигурирует нередко как контр-эскарп.

Всего против обреченного форта действовали десять 80-фунтовых пушек и две кулеврины, стрелявшие 60-фунтовыми ядрами. Особую опасность для немногочисленного гарнизона представлял василиск,

одним выстрелом посылавший 160 фунтов картечи. Одновременно мусульмане стали засыпать вырубленные в скале из мягких коренных пород рвы, мешавшие им подойти к стенам форта, под защитой которых в непростреливаемых участках они сами предполагали накапливать силы для последнего решительного броска.

Осажденные в Сент-Эльме уже по результатам первых атак и обстрела поняли, что продержаться долго им не удастся. Всё складывалось против защитников Сент-Эльма настолько безнадежно, что уже 5 июня шевалье Миранда, имевший репутацию безупречного воина, в замке Святого Ангела высказал мысль, что придется пожертвовать обреченным фортом. Однако уперся де Валетт, решивший продолжать оборону Святого Эльма до последней крайности, обрекая его гарнизон на гибель с целью нанести мусульманам наибольший ущерб, для чего он направил морем в обреченный форт комиссию из одиннадцати своих соратников, которая подтвердила оценки командующего, одновременно разрешив желающим покинуть форт, переправившись в Гранд-Харбор: этим предложением никто не воспользовался.

Свое решение де Валетт мотивировал следующим образом: «Я знаю, что форт не может держаться, но для спасения ордена необходимо, чтобы вы защищали форт до последней минуты, хотя бы вам пришлось погresti себя под его развалинами. От одного дня больше или меньше зависит спасение Мальты, и теперь представился случай, чтобы вы по данному вами обету должны считать жизнь ни во что, если жертвование ею может быть полезно вере. Я доставлю вам подкрепление и снаряды и сам, будьте в том уверены, явлюсь, чтобы умереть среди вас» (Архенгольц. С. 264). Это было обычное военное решение, когда частным приходится жертвовать ради главного, но на войне, как на войне.

Положение форта Святого Эльма ухудшалось с каждым днем, особенно когда он оказался под продольным обстрелом батарей с мысов Тинье (западный берег бухты Мерсамексет) и Виселец (восточный входной в соседнюю бухту Мирса-Сироко, на современных картах Гранд-Харбор), начиная с 4 июня, охватывающих полуостров Шибerras с обеих сторон. На следующий день траншеи турок вплотную подошли к стенам форта, окончательно отрезав его от

сообщения с Гранд-Харбор, откуда морем еще могла поступать помощь.

Сообщение очередного перебежчика о состоянии гарнизона форта настолько вдохновило Мустафу-пашу, что он 14 июня предложил капитуляцию защитникам Сент-Эльма по примеру Родоса. Защитники форта отогнали парламентаря выстрелами, это была еще одна неудача осаждающих.

На следующий день в лагере магометан были проведены мероприятия идеологического характера: на отдыхе муфтии и имамы читали правоверным молитвы, благословляя воинов пророка на боевые подвиги.

16 июня, «едва солнце осветило театр верховной борьбы, – пишет летописец, – как оттоманский флот явился в гавани Мерсамексет, чтобы соединить свой огонь с огнем осаждающих. 4000 стрелков находились в траншеях контр-эскарпа, под защитой их штурмовая колонна, снабженная лестницами, заняла ров и в величайшем безмолвии выстроилась у подножия стены. В крепости были приняты все меры для отражения штурма. Рыцари и воины находились в засадах за укреплениями в единственной позиции, которую уже давно могли сохранять, то есть лежа или стоя на коленях. Один только часовой наблюдал за неприятелем. Через каждые три солдата находился рыцарь и между двумя копьеносцами один аркебузер. Кучи камней, копий, копий, гранат, мечей, кругов из смоляной пеньки были расположены в порядке и изобилии, бочки с водой, поставленные близ сражающихся, должны были восстанавливать силы их. Даже раненым были назначены опасные поручения: они должны были приносить съестные и воинские припасы и уносить убитых...

...Пушечный выстрел и водружение большого мусульманского знамени были сигналом к штурму. После совершенного безмолвия раздался вдруг страшный шум, турки приходят в движение, бросаются на брешь и до небес посылают крики “Аллах, Аллах”, заглушаемые стуком оружия, мечей и стонами раненых. Первые, идущие на приступ, – те страшные воины, одетые в тигровые шкуры, с лицами, расписанными самым страшным образом. Всё оружие их – щит и меч. Ничто не останавливает их: ни великость опасности, ни страх смерти, ни отчаянная храбрость христиан – и все падают в проломе» (Архенгольц. С. 265). Отметим, что в лучших мусульманских

традициях эти воины шли на приступ, предварительно подкрепившись гашишем, что не было принято в европейских армиях, так же как и у защитников Мальты.

Еще накануне решительной атаки Драгут сам провел рекогносцировку позиций противника и сделал свои выводы, суть которых заключалась в следующем. Размеры укреплений форта были невелики, что упрощало ведение осады. Более или менее был укреплен бастионами с рavelином в виде полумесяца лишь участок форта, обращенный к суше, в самом центре полуострова Шибerras. Здесь-то и намечалось провести главные боевые действия, поскольку, во-первых, только в этом месте осадный корпус мог сосредоточить свои главные силы и ударную огневую мощь артиллерии, и, во-вторых, этот северный участок представлял по отношению к остальному форту господствующую высоту, и, таким образом, овладение этой ключевой позицией имело решающее значение. Чтобы помешать осажденным очищать рвы, Драгут поставил еще три дополнительные батареи, поражавшие их с флангов, помимо той, что обстреливала внутренние сооружения форта. Казалось, такая огневая мощь могла за несколько дней полностью сокрушить оборону Святого Эльма.

Засевших на рavelине турецкие аркебузиры своим огнем позволили разведчикам мусульман установить результаты обстрела у стен форта. Хотя разведка показала, что ущерб от артобстрела не достиг цели, зато разведчики обнаружили низко расположенную бойницу, позволявшую проникнуть внутрь форта, которой мусульмане и воспользовались уже на рассвете следующего дня. Обороняющиеся проспали появление противника, задержав его обстрелом из аркебуз уже во внутренних помещениях, которые быстро перешла в рукопашную схватку, временами больше напоминавшую свалку.

Одновременно происходил штурм внешних стен форта, описанный историком в следующих выражениях: «Такому яростному нападению осажденные противопоставили самый энергичный отпор. Камни, кипящая смола, горящие круги пеньки, смоченной в смоле, осыпают нападающих, отбрасывают их с верха стен, заключают их в огненный круг, покрывают их страшными ожогами, зажигают их одежду и, наконец, заставляют отступить. Битва началась на рассвете и кончилась только в час пополудни. Две тысячи турок были убиты и ранены, только двадцать мальтийских рыцарей и шестьдесят солдат

заплатили своей кровью за честь этого дня». Тем не менее рavelин остался в руках нападавших, чем они и не замедлили воспользоваться. Последствия этого захвата описаны так: «Отбитые с уроном, неверные принялись опять за свои земляные работы. Они подняли выше рavelин посредством земли, тюков шерсти и фашинов и, несмотря на огонь из последних оставшихся у защитников форта орудий, успели подняться выше стен, которые продолжала громить турецкая артиллерия. С этой минуты положение христиан сделалось пагубным. Две пушки, поставленные турками на рavelине, сбили их последние орудия, стрелки стреляли во внутренность форта и делали невозможным почти всякое сообщение... Укрепившись в приобретенной позиции, турки снова принялись за работу во рвах и занялись наполнением их камнями и фашинами. Они также перебросили мост с контр-эскарпа на эскарп (т. е. с рavelина на стены форта. – В. К.). Осажденным удалось несколько раз ночными вылазками и горючими веществами сжечь мост и фашины, но турки... остались обладателями рвов. Особенно привязались они к западному фасаду, обращенному к заливу Мирса-Мушиет (Гранд-Харбор современных карт). Пробивая скалу, они высекли в ней лестницы, сооружали на мосту новые леса, разрушили часть парапета и беспрерывно расширяли брешь, через которую надеялись проникнуть в форт. Однако христиане, свидетели столь страшного упорства, не унывали. Они ели, спали и стерегли поочередно свои посты, подавляемые тяжестью вооружения и ужасной жарой. Никто не был без ран, лица всех были обожжены, руки изъязвлены, большая часть хромала или носила руку на перевязи, и мостовая форта была усеяна кусками мяса и оторванными членами. Сам бальи Эгарас, командовавший обороной, жестоко страдал от раны в ноге, но он отказался оставить форт и на увещания гроссмейстера отвечал, что, будучи стар, никогда уже не найдет случая закончить жизнь со славой» (Архенгольц. С. 263–264). Однако всем было ясно, что силы защитников Святого Эльма приближались к опасному пределу.

В очередном сообщении гроссмейстеру де Валетту защитники форта так описали свое положение: «Враги готовы ворваться в крепость. Бреша обширна, все оборонительные сооружения разбиты, кавальер разрушен, а рavelин, находясь в руках неверных, превратился в источник гибели христиан. Форт, возможно, продержится еще

несколько дней, но с огромными ежедневными потерями, когда противник истребляет нас на расстоянии без риска для себя. Мы готовы держаться до последнего во славу ордена и веры, если вы найдете это необходимым». В сложившейся обстановке де Валетт потребовал от последних защитников форта Святого Эльма невозможного, заведомо обрекая их на гибель, поскольку пощады им ждать не приходилось: «Знаю, что форт не может держаться, но для спасения всего ордена необходимо, чтобы вы защищали его до последней крайности, даже если вам предстоит погибнуть под его развалинами. Днем позже или раньше – от этого зависит спасение или гибель Мальты. Напоминаю, что в силу вашего обета ваша жизнь ничто, если вы не можете пожертвовать ею во имя веры. Постараюсь доставить вам подкрепление и припасы и сам явлюсь, если исчезнет надежда, чтобы погибнуть с вами». Последним защитникам Святого Эльма предстояло с честью сложить свои головы в неравной схватке, несмотря на все приятые меры. После потери равелина оборону форта возглавил профессиональный солдат Меринда, утверждавший, что «главное для солдата – деньги». Соответственно, он разрешил своим воинам играть на жалованье и даже увеличил винную порцию. Тем не менее в гарнизоне форта не всем была понятна позиция де Валетта, несмотря на воинскую дисциплину, свойственную ордену, что могло в конечном итоге привести к мятежу. Де Валетту в этой обстановке пришлось еще раз провести смену командования форта, поставив во главе его обороны Мельхиора де Монсеррата. При этой замене прежний командующий Миранда вел себя по-солдатски, посоветовав гарнизону «продать свою жизнь варварам подороже».

Канун решающего штурма в лагере мусульман был объявлен днем отдыха, молитв и наставлений воинов имамами и муфтиями – во все времена идущие на смерть подвергались интенсивной идеологической обработке.

Появление мусульманского флота в заливе Мерсамексет 16 июня подняло настроение в войсках, изготовившихся к штурму. Тем временем штурмовая колонна с многочисленными лестницами по рвам подобралась вплотную к стенам форта в ожидании сигнала к атаке, а турецкие стрелки-аркебузеры заняли позиции в траншеях контрэскарпа в готовности открыть огонь по защитникам форта, как только те появятся на стенах по сигналу атаки, чтобы обрушить на головы

атакующих камни, кипящую смолу и пропитанные смолой круги из пеньки, особенно эффективные против скоплений противника. В поредевшей цепи обороняющихся через два солдата занимал свою позицию орденский рыцарь, а между двумя копейщиками находился воин, вооруженный аркебузой. К обороне привлекались даже раненые – по мере возможности им поручалась доставка на стены всего необходимого и эвакуация тел павших. Тягостная тишина наконец была прервана орудийным выстрелом с мусульманских позиций, за которым последовал топот бегущих, звон оружия, вопли раненых и боевой клич «Аллах акбар!»... Очередной штурм начался, чтобы спустя несколько часов заглухнуть под интенсивным огнем единственной пушки форта (помимо огня стрелков, не жалевших зарядов), а главным образом из-за артиллерийского обстрела из замка Святого Ангела, вносившего опустошение в ряды атакующих на правом фланге. Тогда при личном участии Драгута и Мустафы-паши усилия атакующих были перенесены на левый фланг (недоступный обстрелу с другого берега Гранд-Харборе), но и там атака также постепенно выдохлась. Потери атакующих многократно превышали потери осажденных, которых помимо коренных мальтийцев осталось в живых всего сто пятьдесят солдат и тридцать рыцарей. Этим воинам выручки ждать уже не приходилось.

Глава 5. Когда оставшиеся в живых позавидовали участи павших

Осаждающие и осажденные приводили себя в порядок с установкой новых батарей на наиболее возвышенной части полуострова Шибerras, началась контрбатарейная борьба с артиллеристами христиан из замка Святого Ангела, от которых также страдали турецкие траншеи-апроши у восточных стен форта Святого Эльма. Чтобы убедиться в этом после очередного совета мусульманских военачальников, командиры турок 18 июня отправились на рекогносцировку. Появление группы турецких военных в чересчур ярких одеждах привлекло внимание артиллеристов в замке Святого Ангела, и метко пущенное ядро ударило поблизости, осколками камня нанеся ранение наиболее важным персонам, из которых самым важным оказался сам Драгут. Правда, по другим сведениям, ядро было выпущено из турецкой пушки, но тем не менее последствия оказались вполне конкретными: Драгут получил тяжелое ранение головы осколками камня, причем от мгновенной смерти на месте его спас большой туго завязанный тюрбан. Мустафа-паша, скрывая потерю от окружающих, накрыл раненого собственным плащом, чтобы затем переправить его в лагерь. Это была очередная и не последняя из неудач, на общем, казалось бы, благоприятном фоне развития событий для мусульман. Не приходя большей частью в сознание, Драгут дожил до 23 июня – дня, когда пал форт Святого Эльма.

Вероятно, со смертью Драгута осада Мальты и закончилась бы, но неожиданное прибытие еще 16 июня короля алжирских пиратов Гассан-паши, сына Хайдреддина, заставило осаждающих продолжить свои попытки по захвату «змеиного гнезда» христиан, к чему у них были по крайней мере две причины: первая – они уже не испытывали явного давления любимца султана Драгута, вторая – в случае удачи слава победителей и весь почет со стороны «тени Аллаха на земле» достался бы им полной мерой. Наконец, действовало и третье соображение: казалось, после многих потерь и затрат сил и боезапаса полуразрушенный форт Святого Эльма с немногими оставшимися

защитниками вот-вот должен был оказаться в их руках, словно перезревший плод.

Последние дни обороны форта, по свидетельству немногих оставшихся в живых, проходили следующим образом. Максимально приблизив осадные позиции к стенам форта, мусульмане защитили их от огня артиллерии замка Святого Ангела искусственными валами из камня и земли. 21 июня последовал новый приступ: «Везде оттоманы встречают яростное сопротивление... Едва появляются они в бреши, как на месте разрушенных укреплений восстает живая стена, которая приходит в движение, бросается на них, опрокидывает обратно в ров, осыпает железом, свинцом, огнем и теми страшными смоляными кругами, которые, обхватывая сразу пять или шесть человек, покрывают огнем одежду, руки, лицо и принуждают устремляться к морю, чтобы в нем погасить пожирающее их пламя. Но по телам отраженных и убитых беспрестанно подходят новые враги, между тем как защитники, не отходя от бреши, умирают от изнеможения и ран... Жар полудня и сознание неудачи заставили наконец турок упасть духом и прекратить штурм. Самые ужасные потери заплатили за славу христиане, двести человек было убито, а прочие почти все ранены. Полковники Мас и Миранда были ранены так опасно, что сначала их сочли убитыми, но они, почерпая в великости опасности новую силу, после первой перевязки приказали отнести себя назад на стены, чтобы умереть там. Бальи Эгарас, старый, дряхлый, покрытый ранами, сохранял еще твердость героической души, увещевал своих соратников умереть со славой, указывая им на тела, покрывающие землю, которые уже не оставалось сил похоронить... Осажденные потеряли всю надежду и, видя приближение последнего часа, решаясь пасть с оружием в руках, причастились, обнялись на прощанье и возвратились на свои посты, где могли едва укрываться от выстрелов» (Архенгольц. С. 267–268).

В замке Святого Ангела командиры христиан понимали, что дело идет к развязке. Тогда де Валетт кинул клич добровольцам, готовым отправиться в форт Святого Эльма во главе с Ромегасом. Таких набралось на пять кораблей, но турецкая артиллерия не позволила этому пополнению прийти к своим товарищам на помощь – участь этого укрепления определилась однозначно на самое ближайшее время.

«На рассвете 23 июня турки, уверенные, что в форте осталось лишь немного людей, способных держать оружие, подошли для решительного боя. Они полагали войти без сопротивления – их ожидал яростный бой. Осажденные, убедившись, что выбора им нет, дорого продают свою жизнь, с презрением к опасности, увеличившим их последние силы. В продолжении четырех часов они оспаривают у турок залитые кровью развалины. Истоцив весь запас пороха, они ищут оставшиеся заряды на мертвецах. На стенах оставались едва 60 человек, копье и меч остаются их единственным оружием. Они держатся так гордо, решимость их так тверда, что турки, боясь слишком большой потери, прекращают приступ и отступают еще раз... Около часа пополудни приступ возобновился. Последние защитники Сент-Эльма сражались уже без надежды остаться в живых или победить.

Теперь мусульмане действовали предельно осторожно, и даже когда боезапас последних защитников Святого Эльма был исчерпан, стрелки мусульман предпочитали с безопасного расстояния расстреливать их из аркебуз. Предвидя неизбежный исход штурма, капитан Ланфредуччи с восточной стены форта дымом костра подал даже не условный, а скорее прощальный знак своим соратникам на западном берегу Гранд-Харбора, где теперь располагались основные силы ордена. Практически одновременно турки и пираты бросились в развалины форта Святого Эльма, чтобы схватиться с его последними защитниками врукопашную. Навстречу им из-за груд трупов поднимались окровавленные и истощенные шатающиеся фигуры, в изорванной и обгоревшей одежде, едва способные держать оружие. Шестьсот трупов на укреплениях и внутри форта свидетельствовали о тех, кто пал со славой. Бальи Эгарас, в последней схватке орудовал алебардой, внушая страх туркам до последнего мгновения жизни. Полковник Мас со сломанной ногой приказал отнести себя на стену и, действуя двуручным мечом, отбивался до последнего мгновения. При виде такого сопротивления Мустафа-паша расщедрился на четыре золотые монеты за каждого живого рыцаря. Уцелевшие погибли в невыразимых муках. Сохранили только девятых, которых приковали к гребным скамьям на галере паша. Пять мальтийских солдат спрятались между скалами, ночью бросились в воду и благополучно приплыли в замок Святого Ангела.

За три недели осады форта Святого Эльма погибло 1200 христиан, потери турок простирались до 4000 человек с лишком, они истратили более восемнадцати тысяч пушечных зарядов из имевшихся восьмидесяти тысяч, гораздо больше, чем могли себе позволить. Над павшим фортом Святого Эльма воцарилась мертвая тишина, словно время остановилось в своем беге при виде того, что творили люди.

Немногочисленным уцелевшим в последнем штурме предстояло в полном смысле позавидовать участи мертвых, когда свой успех победители обесчестили самыми гнусными и бесчеловечными пытками: «Одних убивали тупыми стрелами, другим, повешенным за ноги, распарывали живот, вырывали внутренности и отрубали руки. Даже мертвые не были пощажены: им отрубали головы, а на трупах делали на спине широкие разрезы в виде креста, а потом со скрещенными руками привязывали их к шестам и бросали их в море в расчете, что волнение отнесет к побережью города эти грозные свидетельства страшной мести» (Архенгольц. С. 269).

После описанного де Валетту не приходилось уговаривать своих подчиненных на сопротивление врагу. Чтобы не оставаться в долгу, Великий магистр приказал отрубить головы пленным мусульманам и, зарядив ими пушки, салютовать погибшему гарнизону форта Святого Эльма. Как отметил летописец, при известии о падении этого форта Драгут, в течение нескольких дней находившийся в забвении, на минуту оживился, услышав о падении форта, высказал подобие радости и, по словам летописи, «отведал щербет мученичества и покинул тщеславный мир». Самый прозорливый из руководителей осады знал, что сопротивление форта Святого Эльма из-за колоссальных потерь в людях и вооружении положило конец надеждам на овладение Мальтой. Однако если потери в людях при осаде форта были сопоставимыми (четыре тысячи у осаждавших и тысяча двести в гарнизоне форта), то расход боеприпасов делал перспективы штурма на восточном побережье современного Гранд-Харбора главных твердынь христиан на полуостровах Биргу и Сангли весьма сомнительными, тем более что базы снабжения христиан располагались поблизости – на Сицилии.

Реакция европейских столиц на падение форта Святого Эльма на далекой Мальте едва не повергла в ужас христианский Запад. Получив это известие, папа Пий IV повел себя так, как если бы мусульманское

войско стояло у ворот Рима, приказав докладывать новости с Мальты и Сицилии в любое время суток, независимо от дня и ночи. Решив, что этого мало, папа всенародно поклялся в том, что не намерен покидать Рим в любой ситуации. Разумеется, трагедия Святого Эльма стала поводом для де Валетта, чтобы срочно запросить у дона Гарсии помощь в десять тысяч солдат, гарантируя смести мусульман с берегов Мальты, поскольку большинство из них – «мусор и неопытная солдатня». Даже если предводитель обороны Мальты ошибался в своем определении, у него были все основания умолять о помощи.

Однако он не знал о распоряжении Филиппа II беречь ограниченные морские силы дона Гарсии, поскольку, по его королевскому мнению, потеря флота была страшнее потери Мальты. Именно это и связало руки дону Гарсии, лишив его свободы действий, хотя к началу августа он накопил достаточно кораблей, экипажей и солдат, чтобы пойти навстречу де Валетту, но... Правда, дон Гарсия переправил на Мальту пополнение из семисот воинов, которые через Медину 3 июля вошли в Биргу, которой предстояли сложные испытания, возможно, тем самым решив ее судьбу. Неудивительно, что народ приветствовал появление подкрепления звоном колоколов и радостными кликами, вызвав в лагере осаждающих недоумение. К несчастью для христиан, один из рыцарей на пути из Медины в Биргу вместе со свитой оказался в плену. Пытки развязали пленным язык, что, однако, не пошло воинам Аллаха на пользу.

Действовал против них и еще один существенный фактор, когда осадная армия Мустафы предъявила свои серьезные претензии флоту Пиали, что привело к росту взаимного дальнейшего недоверия в рядах мусульманского воинства. На этом фоне в Биргу вскоре от очередного перебежчика-ренегата, грека по национальности, Филиппа Ласкариса стало известно о намерении осаждающих перебросить посуху часть своего маломерного флота, используя катки и доски, смазанные жиром на перешейке полуострова Шибerras, плавсредства, освободившиеся после взятия форта Святого Эльма из Гранд-Харбора. Это была пренеприятная новость, но де Валлетт руководствовался известной мудростью: предупрежден, значит вооружен, причем весьма успешно.

Глава 6. Непрístupная Мальта

После потерь, понесенных при штурме форта Святого Эльма, осаждающим потребовалось немало времени, чтобы привести свое потрепанное войско в порядок. Неудивительно, что между 3 и 7 июля главные военные события переместились на берега Гранд-Харбора, и связаны с усиленными (и напрасными) попытками мусульман овладеть системой обороны ордена на полуостровах восточного побережья с замками Святого Ангела (на полуострове Биргу) и Святого Михаила (на полуострове Сенгли). Разделявший их залив, шириной до 300 метров, обороняющиеся заперли цепью, частично установленной на буйках, чтобы преградить вторжение в залив судам мусульман, одновременно соединив полуострова ближе к куту^[1] залива наплавным мостом, получив, таким образом, возможность маневра своими ограниченными силами. С суши подходы к этим укреплениям защищала еще одна линия обороны в виде стен и валов из камней, в совокупности образующих вместе с замками побережья укрепленный узел под названием Бормола, по размерам значительно превосходящий форт Святого Эльма.

Разумеется, информация перебежчика – грека Филиппа Ласкариса, еще ребенком оказавшегося в турецком плену, усложнила оценку складывающейся ситуации для де Валлетта, тем более что объяснение причин такого поступка (якобы неким велением сердца под воздействием Святого Духа) предводитель, немало повидавший на своем веку, едва ли принял за чистую монету. Важнее оказалось, что информация Ласкариса стала подтверждаться в самые ближайшие дни, начиная с 6 июля, когда наблюдатели с передовых позиций сообщили де Валетту о появлении в куту Гранд-Харбора шести крупных шлюпок мусульман. Затем их количество стало возрастать с пугающей быстротой, достигнув к середине месяца восьмидесяти. Тем самым сведения Ласкариса подтверждались: действительно турки собирались доставить в Гранд-Харбор свои плавсредства не с устья этого залива, а перетащить посуху в самом узком месте полуострова Шибerras, используя катки и доски, смазанные жиром, а в качестве тягловой силы – собственных солдат, а также, разумеется, пленных, и даже

трофейных быков. Эту работу можно было наблюдать невооруженным глазом с берегов Биргу и Сангли, как днем, так и ночью, по обилию костров, при этом количество этих плавсредств в куту Гранд-Харбора, оккупированного турками, увеличивалось с каждым днем, чему надо было помешать любым путем, размышлял де Валетт.

Во-первых, он активно использовал наплавной мост между Биргу и Сангли, что позволяло ему маневрировать собственными ограниченными силами, и, во-вторых, на юге у берегов Сангли были оборудованы подводные препятствия, которые существенно мешали шлюпкам вражеского десанта добраться до берега. Между тем подкрепления получали не только осажденные, но и осаждающие еще в середине июня с эскадрой из 28 пиратских кораблей правителя Алжира Гассан-паши, сына Хайреддина Барбароссы, «цвет храбрецов между пиратами», по утверждению летописца, величавшими себя непобедимыми, пополнили силы Пиали-паши и Мустафы-паши. Тогда на развалинах Сент-Эльма Гассан-паша заметил, что со своими пиратами уложился бы в гораздо более короткие сроки... В свою очередь Мустафа-паша со своим опытом боев за этот форт Святого Эльма пообещал направить его в самое в самое пекло завершающих боев на Мальте, скорее всего, со скрытым злорадством, предоставив ему (если пользоваться русской поговоркой) честь получить шкуру убитого медведя. Тем более, что защитники Биргу и Сангли, только что пережившие трагедию гарнизона форта Святого Эльма, не собирались сдаваться. По всем описанным причинам подготовка к последнему сражению за Мальту заняла у осаждающих почти три недели, причем по предложению Гассан-Паши главный удар наносился по полуострову Сенгли с моря силами обоих уже известных читателю пашей, и с суши алжирцами. Осажденные также не теряли времени даром: по свидетельству очевидцев, «тридцать тысяч гранат, смоляные круги, столь губельные при штурмах, камни, мечи, пики были расположены на всех валах и пунктах атаки... Рыцари и солдаты спали в полном вооружении на стенах, готовые каждую минуту к битве» (Архенгольц. С. 271).

15 июля защитники Мальты стали свидетелями грандиозного и одновременно страшного зрелища – по сигналу пушки мусульманский флот из залива Мерсамексет, обогнув с севера полуостров Шибerras с разрушенным фортом Святого Эльма, перешел в воды залива Гранд-

Харбора и направился к замку Святого Михаила, приступив ночью к осаде Биргу уже силами не только десанта с моря, но и сухопутных войск, для чего солдатам Мустафы-паши пришлось с орудиями и военными припасами обходить с юга массив Шибerras, чтобы выйти на подступы к укреплениям Бормолы с востока.

На море командовать этой армадой Гассан-паша поручил своему ближайшему помощнику, очередному ренегату, принявшему в мусульманстве имя Улуч-Али (оказавшегося на Мальте вместе с Драгутом), с которым читателю предстоит познакомиться на страницах нашей книги немного позже более детально. Таким образом, заключительная стадия осады цитадели ордена заключалась в том, чтобы зажать ее в клещи, как с моря (кораблями Улуч-Али), так и с суши (солдатами и десантниками Мустафы-паши). Определенно постепенное развитие событий уже в ближайшие дни должно было приобрести характер кульминации в виде кровавого столкновения сторон, прошедших в своем противостоянии далеко за точку возврата.

Очевидцы оставили колоритное описание начала боевых действий на новом направлении с 15 июля 1565 года. На палубе передового корабля выстроилась своеобразная духовная гвардия магометан, поражавшая обороняющихся своим внешним видом: «Наряд их был странен: большие зеленые шляпы закрывали их головы, в руках держали они книги, на которых читали магические заклинания против осажденных», то есть суры Корана, призванные вдохновлять атакующих. Однако, судя по складывающейся обстановке, такой прием не слишком помог правоверным, хотя в целом ряде мест им удалось высадиться на берег, что называется, зацепившись за него в узкой полосе, несмотря на артиллерийский обстрел из замка Святого Ангела и Бормолы, что было отмечено троекратным кличем «Аллах акбар!». В некоторых местах атака мусульман оказалась столь стремительной, что артиллеристы христиан просто не успели выстрелить ни разу по наступающим. При этом дурную услугу воинам Аллаха оказал приказ Мустафы-паши вести непрерывный огонь без чистки орудий, что привело при разрыве орудия к взрыву склада боеприпасов и гибели нескольких десятков турецких солдат, что в целом не изменило ситуации ни для одной из сторон. Это были достаточно типичные и вместе с тем случайные события накануне приближения кульминации,

в ожидании которой с трепетом затаились солдаты и моряки как на мусульманской, так и на христианской стороне.

Несомненно, меры, принятые де Валеттом по сооружению подводных препятствий в виде цепей на опорах, мешавшие перегруженным и глубоко осевшим шлюпкам подойти к берегу, оправдали себя. Магометане сделали попытку устранить их вручную, что позволяло мелководе, но де Валетт бросил против них своих великолепных пловцов-мальтийцев, сцепившихся врукопашную с противником на мелководе. Пока десантники магометан буквально барахтались у неглубокого берега, пытаясь избавиться от остановивших их препятствий, артиллерийский огонь, как и обстрел из аркебуз, продолжался, и практически ни одну из поставленных задач мусульмане так и не решили, хотя кульминация сражения была впереди. «Тогда начались для турок самые страшные потери: ничто не закрывало их от огня замка, и несколько выстрелов картечью потопили множество судов и внесли смерть в сжатые толпы неверных. Однако, несмотря ни на опасность, ни на смерть, поражавшую их со всех сторон, отоманы продвигались вперед и с такой силой бросились на угловое укрепление, что казалось, будто они непременно овладеют им. Французский рыцарь, защищавший его, был убит (им оказался сын дона Гарсии, оставленный де Валлетту в качестве своеобразного живого залога. – В. К.). Смерть его придала осаждающим новую бодрость, и они были готовы овладеть парпетом, когда залп артиллерии, направленный рыцарем де-Боралем, поразил половину наступавших и посеял ужас между остальными» (Архенгольц. С. 271).

На самом деле при попытке шлюпок с отборным десантом (по сто янычар в каждой из них) обойти полуостров Сенгли с севера они буквально напоролась на замаскированную батарею рыцаря де Боралья, подпустившую их примерно на двести метров и открывшую огонь, что называется, в упор. В результате девять шлюпок сразу были потоплены, и только одна успела юркнуть назад, прикрывшись оконечностью полуострова Сенгли. Это и означало кульминацию сражения, поскольку, не получив поддержки, высадившиеся десантники ударились в панику и бросились к берегу, в надежде на поддержку флота. Однако командующий им Пиали старался максимально сберечь свои суда, а Мустафа – свою живую силу, что толкало этих командиров нередко на противоречивые действия. В свою

очередь Улуч-Али, в попытке разобрать путаные сигналы того и другого и уяснить, кого он должен слушаться, еще более запутывал обстановку, наблюдая, как переполненные паникующими вояками плавсредства одно за другим переворачивались и шли на дно. Тем временем на берегу началось настоящее избиение магометан, в котором защитники Мальты, что называется, отвели душу. Сильный артиллерийский огонь заставил мусульман буквально метаться на своем гибельном плацдарме в попытках найти слабое место в обороне мальтийцев. Неразбериха у мусульман еще более усилилась, когда прошел слух, что воинам Гассан-паши удалось через пролом ворваться в пределы Биргу, впоследствии опровергнутый. Улуч-Али пытался внести порядок в свое воинство, над которым он все больше терял контроль, в то время как артиллерия замка Святого Ангела истребляла мусульман в огромном количестве, что отмечено в описании хрониста: «Немногие барки, остававшиеся на берегу, быстро наполнились, иные остались на мели, а другие опрокидывались и тонули под тяжестью беглецов. Обезумевшие турки то бежали, то возвращались к форту, оставаясь под выстрелами пушек, поражавших их целыми рядами. Один французский рыцарь, заметив этот беспорядок, взяв с собой горстку храбрых, вышел из форта со шпагой в руке и бросился в гущу беглецов. Ему едва сопротивлялись: турки, завидев его, бегут, бросаются в море, в котором находят верную гибель. Другие падают на колени и просят пощады, только немногие падают, сражаясь. Христиане убивают всех без милосердия, восклицая при каждой новой жертве: “Это вам за Сент-Эльм!” Ужасно было зрелище моря, окрашенного кровью, покрытого оружием, знаменами, чалмами, людьми, борющимися со смертью и умирающими, цепляющимися за опрокинутые барки. Мустафа-паша послал шлюпки на помощь несчастным: они спасли только немногих, которые еще плавали или поддерживались на воде своими широкими одеждами. Несмотря на множество жертв, христиане взяли в плен только двух человек, отличавшихся богатством своего наряда. Можно было полагать, что они занимали значительное место в войске. Они были приведены к грессмейстеру, допрошены и отданы народу, который разорвал их на куски» (Архенгольц. С. 272). По другим сведениям, таких несчастных оказалось четверо, что в целом не меняет сути дела, когда на виду у остатков уцелевших на воде мусульман победители приступили к

сбору трофеев. Среди них, например, оказались пучки нарезанных веревок, чтобы вязать пленных, а также победные реляции, адресованные в Стамбул, помимо гашиша в качестве подкрепляющего средства. Это не считая звонкой монеты в карманах и кошельках павших, не говоря о дорогих украшениях на оружии и тому подобное. Впрочем, мародерство на поле боя не считалось грехом, и много позже, без различия верований, выступая в качестве своеобразной материальной заинтересованности доблестных воинов.

Однако в других местах обороны Мальты события развивались не столь однозначно. Гассан-паша бросил своих алжирцев (к тайному удовлетворению Мустафы-паши) в самое пекло сражения у бреши Бормолы, где гул артиллерии и треск выстрелов аркебуз сменился лязгом холодного оружия вперемежку со стонами и проклятьями на разных языках. Стойкость воинов Мальты мусульмане компенсировали натиском свежего пополнения. Неоднократно успех сражения переходил от одной стороны к другой, пока де Валетт не ввел в дело свой последний артиллерийский резерв. «Одна или две пушки, оставленные в резерве для этой решительной минуты, вдруг были выдвинуты и распространили смерть в бреши. Алжирские храбрецы падают, поражаемые тысячами ударов, и даже самые мужественные вынуждены отступить. Они бегут, но только для того, чтобы лететь на новое побоище: в другом месте тоже пробита брешь – они бросаются туда и встречают де-Ру, французского рыцаря, мужество и опытность которого были необыкновенны. Отбитые с уроном, они ищут другой пункт, на который могли бы устремить свою ярость, – алжирский паша указывает им пост, защищаемый рыцарем Симоном де-Мело, и они бросаются на него подобно потоку. Борьба возобновляется здесь сильнее, чем где-нибудь. Неверные удваивают дерзость против хладнокровного мужества христиан. Главные средства обороны здесь гранаты, камни и особенно горящие круги. Действие последних было страшное, и большая часть непобедимых алжирских пиратов сделалась добычей огня, и, покрытые ужасными ожогами, могли считать за счастье, если им удавалось дотащить до моря. Гассан-паша видел гибель лучших воинов своих, он довольно испытал храбрость и стойкость осажденных и потому, отказавшись от дальнейшего приступа, уступил место Мустафе-паше, который в продолжение шести часов штурмовал те же самые посты с

храбрейшими янычарами своими» (Архенгольц. С. 272–273), но с тем же результатом. Этот штурм обошелся в 2500 жизней атаковавшим, и только в 200 солдат и сорок рыцарей – защитникам. Так приобретал свой опыт у стен Бармолы Гассан-паша, тот самый, которым был сыт по горло Мустафа-паша у стен Святого Эльма, к тайному удовольствию последнего.

Дальнейшие события на Мальте зависели от сроков прибытия помощи, ибо подобное положение не могло сохраняться слишком долго, даже несмотря на очевидное стремление турок сберечь собственные силы за счет алжирцев, поддерживая их боевой пыл перспективой добычи после взятия города. Затянувшаяся осада Мальты все больше приобретала характер войны на истощение. Тем не менее 22 июля на Сенгли и Биргу обрушился огонь 14 мусульманских батарей из 64 орудий, по определению защитников, напомиравших некое постоянное землетрясение. Гул орудий доносился до берегов Сицилии. Выяснилось еще одно тактическое препятствие для турок – они не могли реализовать свой перевес в огневой мощи и в людях, поскольку фронт противостояния в Биргу имел в ширину всего километр, и, таким образом, буквально ни один заряд ее защитников не миновал цели в плотных построениях мусульман, тогда как христиане, мало того, что оставались укрытыми среди развалин города, они имели еще и другие средства маскировки. Неудачной для воинов пророка оказалась и попытка подкопа, на что солдаты де Валетта ответили контрподкопом, завершившимся в их пользу.

2 августа защитники Биргу и Сенгли были поначалу озадачены новинкой, примененной врагом. При интенсивном обстреле с полуострова Шибerras и с вражеских галер оказалось, что у противника, при наличии пороха, не осталось ядер – артиллерия мусульман использовалась уже как орудие не физического, а только морального давления. Неудивительно, что события очередного штурма 7 августа завершились совсем не так, как его планировали теперь все три паши: Гассан, Пиали и Мустафа.

Накануне очередной перебежчик, испанец Франческо де Агульяр, своим рассказом вдохновил перечисленных пашей на очередную попытку штурма. Не ведая об этом, исходя из сложившейся обстановки, рыцари на военном совете предложили своему предводителю с архивом и казной ордена перебраться в Замок Св.

Ангела, что было отвергнуто старым воякой. «Непоколебимое мужество, удивительная плодовитость ума и знание военного дела скоро открыли ему решение задачи. Прогнав неприятеля, он с неимоверной быстротой соорудил новый вал на развалинах старого и, таким образом, закрыл брешь, которую турки считали вратами к победе» (Архенгольц. С. 275).

События 7 августа описаны солдатом Бильбо ди Караджио в таких выражениях: «Генеральный штурм, восемь тысяч атакующих у замка Святого Михаила, четыре тысячи у кастильского форта... Когда они покинули траншеи, мы были уже на своих местах. Когда они полезли на стены, их встретили как дорогих гостей. Штурм продолжался девять часов, от рассвета до послеобеденного времени. Больше двенадцати раз турки получали подкрепление, мы же подкреплялись лишь разбавленным вином и хлебом. Победа снова была за нами, хотя никто не мог уже стоять на ногах из-за ран и усталости».

После того как алжирец Гассан-паша потерпел неудачу, оба турецких паши разделили между собой направления атак: усилия Мустафы теперь направлялись против полуострова Санглия, а Пиали – непосредственно на город с замком Святого Ангела. Однако Мустафа, помня об уроках Святого Эльма, в своих усилиях не проявил должного напора и вскоре был отбит. Зато Пиали-паша, дождавшись, когда внимание осажденных было приковано к полуострову Сангли, ворвался в одну из брешей, водрузив на ней зеленое знамя, чем поверг жителей города в состояние ужаса. Де Валетт принял непосредственное участие в бою, заклиная рыцарей и солдат не поддаваться страху и сомнениям. «Чем бы ни кончился бой, этот день за нами!» – уверял он своих воинов. Только его прямое вмешательство на этот раз спасло положение. Всё тот же источник, однако, отмечает и героизм рядовых мальтийцев: «Народ мальтийский, женщины, дети, воодушевленные примером гроссмейстера, поражали врагов тучами камней... Бились на кучах мертвых и умирающих, потому что с обеих сторон не имели ни времени, ни средств убирать их. Жан де Валетт появлялся на самых опасных местах, и, казалось, само провидение охраняло его среди стольких опасностей» (Архенгольц. С. 275). Однако на этот раз дело было не в некоем провидении, благоприятствующем на войне той или иной стороне, а следствием

инициативы рыцаря из Медины итальянца Винченцо Анастаджи во главе отряда примерно из ста всадников, который за неделю до описываемых событий скрывался в окрестностях турецкого лагеря. То ли лихие кавалеристы сумели так замаскироваться, что противник не обнаружил их присутствия, то ли турки в своем лагере оказались беспечными сверх меры, что позднее дон Винченцо отметил в своем отчете: «Лагерь не был окружен траншеей, а турки спали, не выставив часовых». Неудивительно, что он решил, что настало его время.

Атака мальтийцев-кавалеристов на беззащитный лагерь была молниеносной. Немногочисленная пробудившаяся охрана была перебита вместе с ранеными. В лучших традициях своего времени последовал грандиозный грабеж, увенчавшийся столь же грандиозным пожаром. Образовавшиеся огромные клубы дыма и защитники Бармолы, и осаждавшие его мусульмане поначалу приняли за признаки появления долгожданного дона Гарсии. Пока они предавались созерцанию непонятого явления, пытаясь понять его причины, лихой кавалерист столь же молниеносно возвратился с трофеями в Медину, прежде чем прочухавшиеся командиры мусульман убедились, что дон Гарсия к атаке на лагерь не имеет никакого отношения, но было уже поздно. Главное, мусульмане не реализовали очередного шанса на близкую победу, которая в очередной раз испарилась самым непредвиденным образом. Снова в лагере христиан вздохнули с облегчением.

После налета кавалеристов из Медины турецкие военачальники решили, не снимая осады с Сенгли и Биргу, разобраться с этой крепостью, благо она находилась всего в 12 километрах от их главного лагеря на берегу. К этой операции они приступили практически без промедления, возможно, рассчитывая перехватить кавалеристов Анастаджи при возвращении. К своему изумлению, они увидели на стенах крепости множество испанских солдат, оказавшихся там самым неведомым образом. Сюрприз произвел на мусульман тем большее впечатление, что, ожидая встретить до предела истощенного и изнуренного противника, воины Аллаха, целиком полагаясь на его поддержку, не взяли с собой артиллерию. Тратить время накануне наступления штормовой поры им совсем не хотелось, и они были вынуждены вернуться в свой лагерь на побережье под прикрытие

флота. «Гарнизон» Медины на ее стенах испустил вздох облегчения, поскольку состоял из женщин и детей, переодетых в солдатские доспехи.

Этот «обман» последующие историки им простили, возможно, с учетом ожидавшей их судьбы в случае успеха воинов Аллаха, не отличавшихся, как известно, покладистым характером. Правда, спустя всего десять дней мусульмане поступили аналогичным образом, имитируя прибытие подкрепления на тридцати галерах, переодев в облачение янычар всех кого можно и кого нельзя, вплоть до недавних пленников, что, впрочем, не изменило их положения к лучшему. Если в Медине путем переодевания христиане все же добились своего, то мусульмане, используя такую же хитрость, ничего не получили после колоссальных боевых потерь в личном составе, помимо разнообразных болезней (особенно дизентерии). При этом падение боевого духа достигло такого уровня, что Аллах уже ничем не мог помочь своим правоверным, ежедневно возносившим молитвы к его стопам.

Даже своих янычар Мустафе пришлось поднимать в одну из последних атак, только действуя личным примером, как это произошло в середине августа, но даже это не помогло. Не лучше положение складывалось и у христиан, настолько, что де Валетт приказал взорвать мост, ведущий в замок Святого Ангела. При взаимном предельном истощении все решила погода, отметившая конец лета продолжительными дождями, от наступления которых опять-таки выиграли христиане: в своем лагере у турок сохранность пороха оказалась хуже, чем у христиан в осажденном городе, а вдобавок в решительный момент отказала размокшая тетива луков. В распоряжении де Валетта оказались старые арбалеты, тетива которых выдержала испытание влагой. Таких мелочей со временем становилось все больше и больше, причем с преимуществом у христиан, что турки ощущали на себе также все чаще и чаще.

Не помогли мусульманам и инженерные новинки в атаках на замок Святого Ангела, когда они пытались использовать осадные башни. Атаку Кастильского бастиона турки начали с подкопа, чтобы путем взрыва разрушить часть стены, а затем продолжить вторжение с помощью осадной башни, таким образом, играющей роль своеобразного танка. Однако в первом случае обороняющиеся

подвергли ее такому артиллерийскому обстрелу, что она закачалась, и ее «экипаж» был вынужден спуститься на грешную землю, чтобы разделить свою участь с остальными атакующими. Во втором – защитники Биргу сами атаковали эту неуклюжую махину: сначала они огнем скрытой пушки пробили в ней у основания солидную пробоину, по которой проникли в саму башню, после рукопашной овладели ею. Не дали результата и попытки подкопов для последующей установки порохового заряда. При атаке Сенгли мусульман подвел слишком длинный фитиль, игравший в ту пору роль бикфордова шнура. Обороняющиеся вовремя обнаружили его тление и вовремя сбросили заряд на головы атакующих и т. д.

Между тем дон Гарсия Толедский в Сицилии накопил до 11 тысяч солдат и 80 галер и был готов выступить на помощь Мальте, если бы не категорические распоряжения из Мадрида: ни в коем случае не рисковать флотом, тем более что количественное преимущество в корабельном составе пока оставалось за турками. Во главе христианского войска, подчиненного дону Гарсии, был поставлен бывалый кондотьер Асканио делла Коридже, срочно освобожденный из папской тюрьмы, где он отбывал срок по целому букету обвинений, включая грабеж, убийства, изнасилования и т. д. С Мальты поступали душераздирающие известия. Анастаджи из Медины 22 августа настаивал: «400 человек еще живы, не теряйте ни часа». В разгар начавшихся дождей, когда обе стороны в полном смысле по уши увязали в грязи, Билби ди Караджио, оценивая состояние противника, отметил: «Они были так же истощены, как и мы». Вся совокупность доступных для нас источников свидетельствует, что дело шло к развязке.

Решающие события на Мальте произошли в августе и отмечены усилением раздоров в лагере мусульман, распространением желудочно-кишечных болезней, недостатком воды и продовольствия. Пираты были сильны в лихом кратковременном налете и изначально не готовы к длительной осаде, которая могла завершиться успехом, а могла и просто провалиться. Теми же чертами отличались и их начальники, несмотря на понукания из Константинополя и обещания наград и наказаний. Но в экипажах сотен турецких и алжирских кораблей с их интернациональным сбродом со всего Средиземноморья, жаждавшим добычи, но отнюдь не переселения на тот свет в

сомнительные объятия гурий, все больше и больше зрело желание обратиться подальше от Мальты, которая, как переспелый плод, не желала падать с дерева, суля только беды и гибель в бою. Задумываться пираты не привыкли, дисциплиной не отличались, голод, жажда и усталость от неопределенности ближайшего будущего (в первую очередь – добычи) делали свое дело. Всё чаще понукания командования сменялись угрозами наказания, не достигавшими цели. «Если бы мы хотели писать полную историю этой знаменитой осады, то мы должны были бы исчислить обширные осадные работы турок, их бесчисленные траншеи, подземные галереи... мины, подведенные под стены, мосты, переброшенные с контр-эскарпа на эскарп, хитрости, ложные известия, которыми старались лишить мужества осажденных, нечаянные нападения и отчаянные атаки, и тысячи отдельных примеров мужества и жестокости, обозначающих все войны» (Архенгольц. С. 273).

Изменение погоды давало слабую надежду осажденным, что смена ветров заставит вражеский флот удалиться от берегов Мальты. Однако магометане, перед тем как возвратиться восвояси, решили еще раз испытать благосклонность Аллаха, не однажды водившего за нос правоверных, доверившегося ему.

Все время над турками висела угроза появления флота дона Гарсии с Сицилии, угрожавшего запереть корабли магометан в Гранд-Харборе, превратив ее в западню, и надежды на победу легко могли обернуться разгромом на суше и море. Именно неудача 7 августа оказалась для мусульман решающей в цепи событий, связанной с осадой Мальты. На протяжении еще месяца они неоднократно пытались предпринять по инерции наступательные действия, но все они шли по нисходящей, каждый раз возникали какие-то случайные причины, которые руководство мусульман толковало в свою пользу. Ситуацию на берегах Гранд-Харбора сохранившиеся свидетельства рисуют в одинаково мрачных тонах. Франциско Бальби позднее вспоминал, что, находясь в развалинах Биргу, обе враждующих стороны находились настолько близко друг к другу, что «мы могли пожалить туркам руки». Ему вторят записки Анастаджи: «Наши люди большей частью мертвы. Стены рухнули, и видно все, что творится в городе. Существует опасность, что нас просто сомнут следующей атакой». Сколько раз на разных материках и в разных веках

повторялась эта картина ожидания финала военной трагедии, тщательно подготовленной и осуществленной, свидетельство высочайшего искусства военачальника, которой на этот раз удостоился де Валлетт и его подчиненные, не уступившие врагу ни в чем. Пришлось туркам возвращаться в Константинополь без галеона с дарами, предназначенного женам и наложницам Султана Великолепного и захваченного Роменгасом, который так и остался стоять у причалов Биргу.

Действительно, паруса христианского флота по всему горизонту вскоре появились в виду Мальты, и тотчас разведчики Улуч-Али вышли на его опознавание. Хотя до боевого столкновения дело не дошло, но перспектива оказаться запертым в заливе выглядела настолько вероятной, что Пиали-паша заявил остальным командирам мусульман о своей готовности отказаться от захвата Мальты, все же согласившись на очередную, самую последнюю попытку. «Начальники не знали, – пишет летописец событий, – к какому средству прибегнуть, чтобы привести войска в повиновение, когда Гассан-паша объявил, что лично пойдет на штурм со своими пиратами и собственной рукой водрузит знамя Алжира в брешу. Мустафа поклялся, что сам ворвется в брешу и, если останется в живых, покажет своим войскам путь к победе! Немедленно сделали все приготовления, каждому был указан его пост, пушки загрохотали снова, и всё предсказывало беспощадную борьбу. Но эта последняя попытка не удалась» (Архенгольц. С. 276). Войска мусульман утратили веру в победу, и последние атаки проводились больше для отчета в Константинополь, причем с неизменной ссылкой на волю Аллаха, отказавшего пиратам в своем благоволении: в глазах высшего руководства подобные объяснения пять веков назад проходили.

7 сентября испанские моряки начали высадку восьмитысячного корпуса, которая проходила в таком порядке, что осаждающие узнали о ней после того, как упрямая крепость Святого Ангела огласилась приветственными кликами и звоном колоколов приветствовать избавителей пушечным салютом осажденные не могли из-за отсутствия пороха. Хотя на следующий день Алуч-Али вышел в море с намерением атаковать испанский флот, но это была только очередная демонстрация. Теперь на глазах защитников замка Святого Ангела уже на следующий день силы мусульман стягивались к Сент-Эльму. Когда

на суда под зелеными флагами стали грузить осадную артиллерию, намерения осаждавших стали понятны для защитников Мальты.

Все же бедствия героической Мальты еще не миновали, поскольку в последний момент шпион известил Мустафу, что силы христиан на исходе, вселив в него надежду на удачу. Тем не менее мусульманский флот 11 сентября отправился к источникам пресной воды, готовясь к возвращению в свои базы, а 13-тысячный десант вновь подступил к стенам непокорного города. Кончилось это тем, чем должно было закончиться, – мусульмане потеряли еще три тысячи человек, не добившись ни желанной добычи, которая на протяжении нескольких месяцев дразнила их воображение, ни славы... Защитники Мальты в последнем сражении добавили еще 14 убитых к своим потерям. Всего же в сражении за Мальту ее защитники отдали 9000 жизней, а бесплодные усилия их противника обошлись в 20 000 убитых – практически половина высаженных четыре месяца назад на берега Мальты. Еще важнее, однако, был сам факт неудачи не знавших прежде поражений претендентов на господство в Средиземном море.

Итоги осады Мальты, по свидетельству участника событий Бильби ди Кораджио, выглядели следующим образом: «С тех пор как они начали осаду, противник потерял тридцать пять тысяч человек, включая Драгута. Когда я уехал с Мальты, шестьдесят пять тысяч ядер, все из литого чугуна, были собраны в замке Святого Ангела. Более двух с половиной тысяч солдат всех национальностей погибли во время осады. Были убиты семь с половиной тысяч мальтийцев, мужчины, женщины, девочки и мальчики, а также 500 рабов, принадлежащих ордену. Если бы не дальновидность Великого магистра и сделанные им приготовления, из нас не выжил бы никто». Свидетельство этого источника крайне важно, поскольку объясняет отказ на продолжение осады, прежде всего, использованием боезапаса турками. Если только в замке Святого Ангела было собрано больше 80 % ядер от доставленных на Мальту (это не считая тех, что не собрали, а также использованных при осаде Сент-Эльма), возникает вопрос: а чем собирались воевать дальше воины Аллаха? Но если молитвы им не помогли раньше, то едва ли они могли восполнить им недостающий боезапас. Одновременно это короткое свидетельство объясняет, почему турки палили по христианам холостыми еще в первых числах августа – как говорится, все одно к одному...

Строго говоря, события на Мальте 1565 года оказались своеобразной ничьей, но с далеко идущими последствиями для обеих сторон. Определенно турки и алжирские пираты не одержали сколько-либо убедительной победы. Однако рыцари-иоанниты вместе с аборигенами Мальты лишь устояли перед мусульманской агрессией. Тем не менее по результатам осады было нетрудно сделать вывод: при ином соотношении сил оборона Мальты легко могла превратиться в поражение мусульман, как это и произошло спустя несколько лет. Недаром многие историки считают, что неудача у Мальты стала предвестником поражения мусульманского флота в знаменитой битве у Лепанто в 1571 году, с которой начался закат Оттоманской Порты.

Из событий минувших времен историк делает свои выводы, актуальные и для нашего времени. Много столетий назад в мусульманском обществе воин занял первенствующее положение, оттеснив работягу-производителя в системе формирующихся мануфактур на периферию общественных интересов, когда само мусульманское общество и его верхи жило за счет грабежа и трофеев. В итоге никакой героический эпос (в былые времена заменявший пропаганду) не мог остановить общественное и экономическое отставание самых могущественных государств Востока, утративших былое влияние на ход мировых событий, когда Мальта не однажды выступала в роли камня преткновения, о который неоднократно спотыкались сильные мира сего на крутых поворотах истории. Если бы человечество могло учитывать уроки, которые преподносит история...

Глава 7. Мальта как пролог к Лепанто

С завершением осады Мальты и возвращением основной массы ее участников в Константинополь, где обоим пашам предстояло давать объяснения наместнику Аллаха на земле по поводу очередной неудачи правоверных, в оперативной обстановке на Средиземном море наступило некоторое затишье, поскольку обеим сторонам затянувшегося конфликта надо было осмыслить случившееся. Обе стороны на этой основе приняли одинаковое решение – довести силовое решение до конца, силой и только силой, строго по принципу – сила есть, ума не надо. Каждая по-своему, с полной мобилизацией наличных сил, прежде всего флотов. Нужен был только повод, каким явились события на Кипре, который в те времена принадлежал Венеции, при новом султানে Селиме, явно не обладавшего талантами своего предшественника.

В значительной мере на Кипре в 1571 году повторилось то, чего турки не добились на Мальте в 1565 году, причем тактическая победа вскоре обернулась для них стратегическим (и одновременно историческим) поражением. В самой Венеции 12 сентября 1569 года грандиозный пожар не только уничтожил верфи этой богатейшей торговой республики, но привел к взрыву на пороховых складах флота и имел другие разрушительные последствия. Однако, вопреки распространившейся молве, в корабельном составе потери ограничились всего четырьмя галерами, в то время как на постройку подобного судна уходило всего три месяца. В Константинополе решили, что лучшего способа поправить подмоченную после Мальты репутацию момента не найти. В результате «герои» осады 1565 года оба паши Пиали и Мустафа получили приказ овладеть Кипром, чтобы оправдаться за неудачи на Мальте, что они с готовностью и выполнили с флотом из 360 судов.

На берег было высажено до 50 тысяч бойцов, помимо двух тысяч кавалеристов. Окончательно судьба острова при очевидном неравенстве сил решилась с падением крепости Фамагуста на востоке острова 1 августа 1570 года. При первоначальной договоренности с турками можно было думать, что события могут пойти по варианту

Родоса в 1523 году, поскольку жителям и гарнизону острова гарантировали право беспрепятственно покинуть город. Однако капитуляция была нарушена с самого начала, и чтобы не повторять натуралистических описаний последствий захвата форта Святого Эльма на Мальте, ограничимся лишь сообщением о судьбе коменданта Фамагусты Брагадино: после пыток с него живым была содрана кожа и в виде чучела отправлена в качестве подарка султану. На обычные жестокости Средневековья еще наложились и сугубо местные восточные традиции. Как это было воспринято в христианском мире Европы, останавливаться нет надобности, и мы опишем лишь военно-политические последствия событий на Кипре, когда христианские государства Средиземноморья (за исключением Франции) решили выступить объединенным фронтом против мусульманской угрозы, прежде всего турецкой, преодолев существовавшие между ними противоречия.

В сложившейся ситуации папа Пий V увещевал католические державы Европы под угрозой повторения судьбы Кипра объединиться против мусульманской угрозы, на этот раз добившись своего. После продолжительных переговоров, продолжавшихся пятнадцать месяцев, в конце мая 1571 года в Риме был заключен формальный союз между римским папой Пием V, королем Испании Филиппом II и Венецией под названием Священная лига. В соответствии с достигнутыми соглашениями союзники обязались выставить флот из двухсот галер и ста транспортных судов (преимущественно галеонов), а также пятьдесят тысяч немецких, итальянских и испанских наемников в качестве солдат для абордажного боя. Во главе этой армады был поставлен дон Хуан Австрийский, внебрачный сын испанского короля, в двадцатилетнем возрасте предпринявший неудачную попытку принять участие в событиях на Мальте в 1565 году. В должности адмирала моря (*Capitan general de la mar*) он возглавил формирующуюся союзную армаду, имея, по сути, лишь небольшой опыт в сражениях с алжирскими пиратами. Тем не менее, как показали дальнейшие события, выбор командующего оказался удачным.

24 августа 1571 года он прибыл в Мессину, на сборный пункт флота, состоявшего из 77 испанских, 6 мальтийских, 3 савойских, 12 папских и 106 венецианских галер, помимо шести галеасов, первых судов с преимущественно артиллерийским вооружением. Эти корабли

строились лишь на венецианских верфях, и в крупном сражении они принимали участие впервые, так что их возможности и, тем более тактика использования, на тот момент, строго говоря, оставались неизвестными. Всего со стороны христианской коалиции в сражении приняли участие 210 кораблей с экипажами общей численностью примерно 80 тысяч моряков, солдат и подневольных гребцов.

Особо необходимо остановиться на характеристике галеасов. Эти неуклюжие корабли, частично сохранившие весла, с артиллерией, размещенной в таких же неуклюжих надстройках на баке и корме, были значительно крупнее галер, достигая в длину до 57 метров, при соотношении длины к ширине 6: 1 водоизмещением от 800 до 1000 тонн. Разумеется, они были гораздо медленнее галер и в такой же степени уступали им в маневренности, отличались валкостью, особенно при боковом ветре (галфвинд), но под парусами в скорости хода нередко превосходили галеры. Наиболее крупное орудие, стрелявшее 80-фунтовыми ядрами, стояло на носу. Флагман галеасов «Сан-Лоренцо» имел всего 50 орудий, из которых четыре были 60-фунтовыми, семь – 30-фунтовыми, шесть – 18-фунтовых и т. д., при общем весе залпа в 370 фунтов, тогда как суммарный вес залпа наиболее вооруженных галер обычно не достигал 200 фунтов. Экипаж «Сан-Лоренцо» приближался к 700 человек, включая 130 матросов, 260 солдат, остальных гребцов. Несмотря на очевидные преимущества, боевым кораблям этого типа еще только предстояло их доказать, продемонстрировав в предстоящем сражении. Еще одно преимущество галеасов заключалось в высоте борта над ватерлинией, что практически исключало опасность abordaja низкобортными галерами.

По Штенцелю, дон Хуан Австрийский с «испанской эскадрой» прибыл, наконец, 24 августа в Мессину, где Вениеро и Колонна давно его ожидали. Вскоре отношения между честолюбивым и вспыльчивым главнокомандующим, опыт которого в морском деле был очень невелик, и начальниками его эскадр сделались очень недружелюбными, в особенности отношения между ним и престарелым Вениеро; между испанцами и венецианцами издавна существовала взаимная зависть; между тем венецианцы нуждались в помощи, и вместе с тем с тем смотрели очень недружелюбно на появление значительных чужеземных морских сил в восточной части Средиземного моря. С другой стороны, советники дона Хуана были

исполнены недоверия к венецианцам, вследствие их ненадежности вообще в политических делах. К тому же венецианские корабли были недостаточно укомплектованы солдатами и матросами, а когда дон Хуан приказал назначить 4000 испанских и неаполитанских солдат на венецианские корабли, имея в виду, может быть, точное исполнение своих приказаний венецианскими кораблями, то это возбудило величайшее неудовольствие и дало повод к резким спорам и даже кровопролитию, и серьезным разногласиям между начальниками.

Все это вызвало проволочки в ходе дела; кроме того, за каждым шагом дона Хуана стали следить и обо всем тайно доносить королю, что, конечно, отрицательно влияло на его горячее отношение к делу; Филипп II давал дон Хуану мелочные, связывающие его инструкции, часто выражал ему неудовольствие и требовал, чтобы он действовал в полном согласии с начальниками своими. Такие ограничения власти главнокомандующего нельзя не считать ошибочными. В особенности необходимо доверие к главнокомандующему, в тех случаях, когда флот состоит из кораблей различных наций; впрочем, Филипп II вообще не отличался доверчивостью и на всех смотрел подозрительно.

Между тем приближалось время осенних штормов, наступавших вскоре после равноденствия, что заставило торопиться обоих противников, поскольку дальше откладывать решительную встречу, судьбоносную для всего Средиземноморья, было уже невозможно. Вследствие всего перечисленного флот дона Хуана вышел из Мессины 16 сентября, в составе четырех эскадр по 30–64 галер. Флот двинулся небольшими дневными переходами через Таранто к Корфу, где часть его оставалась. Между тем дон Хуан с остальными кораблями 30 сентября стал на якорь у берегов Эпира... Высланная на разведку галера принесла сюда известие о падении Фамагусты и об ужасной участи коменданта Брагадино, которое всех привело в негодование. Отсюда флот отправился в Коринфский залив» (Штенцель. С. 157–158).

На обоих противостоящих флотах большое значение придавалось, выражаясь современным языком, повышенное значение идеологической работе. У христиан папский легат внушал своим подопечным слепую уверенность в победе, ссылаясь на волю небес, тогда как на флоте мусульман служители Аллаха, помимо аналогичной поддержки, внушали своей пастве по опыту былых сражений

презрение к неверным собакам, осмелившимся бросить вызов воинству самого Аллаха. По Архенгольцу, однако, по сути, «два флота искали друг друга – не для того, чтобы уничтожить один или другой, но чтобы поочередно гоняться за врагом, и никто не ожидал встретить серьезное сопротивление» (Черчилль. Т. 2. С. 279). Тем разительнее оказался эффект исторической морской битвы, к которой не столько морское командование, сколько государи оказались не готовы, что имело самые определенные последствия, о которых ниже.

В сведениях о противостоящем флоте магометан, который возглавил капудан-паша Али, большинство морских историков его корабельный состав определяют в количестве 220–230 кораблей, полагая, что, таким образом, он несколько превышал численностью союзный флот христиан, отмечая одновременно некомплект в экипажах галер. Командующий флотом магометан Али во время пребывания в Коринфском заливе был вынужден перевести на свои корабли часть гарнизонов из ближайших береговых крепостей. Такое пополнение просто не успело из солдат превратиться в моряков, что, несомненно, отразилось на их боевых качествах. Кроме того, у мусульман практически отсутствовало огнестрельное вооружение, (аркебузами были вооружены только две тысячи янычар), они больше полагались на луки и самострелы. В отличие от турок, солдаты (точнее, морская пехота) флота дона Хуана были защищены кирасами и нагрудниками, не считая шлемов, а также щитов по бортам, предохранявших воинов и гребцов от вражеских стрел. Хотя численность воинов-магометан несколько превышало количество таковых на христианском флоте, отмеченные обстоятельства уравнивали шансы сторон на победу. В день сражения, состоявшегося 7 октября 1571 года, погода оставалась ясной, причем легкий бриз около десяти часов поменял свое направление с восточного на западное.

Своим построением флоты противников перегородили поперек устье Коринфского залива вблизи его устья, причем галеры капудан-паши Али располагались восточнее нестройной линии христиан, заранее продемонстрировав попытку охвата своими флангами фланги флота дона Хуана, что было обычной практикой тех лет. В свою очередь христиане продемонстрировали ряд тактических новинок, которые во многом обеспечили их успех в ходе сражения: во-первых,

они выдвинули вперед в центре своего построения все шесть венецианских галеасов, вооруженных артиллерией, и, во-вторых, также в центре, создали резерв из галер испанца Санта-Круса, тем самым подкрепив и без того сильный центр своего построения. Это в принципе обещало флоту дон Хуана разобщение корабельного построения флота противника на два обособленных прибрежных отряда в случае разгрома его центра. Важно, что усилия обеих сторон были сосредоточены на поражении именно центра противника с последующим охватом флангами. Это был важный шаг в развитии тактики морского боя, который, однако, не мог быть воспринят одновременно всеми флотами.

В противостояние правого фланга магометан, упиравшегося в северный берег залива, во главе с бейлербеем Александрийским Магометом Сирокко выступал венецианец Барбариго, в центре дон Хуан отражал натиск флагмана магометан Али-паши, а на левом (южном фланге магометан) друг против друга столкнулись Улуч-Али и генуэзец Джиованни Дориа.

Военный совет накануне сраженья дон Хуан закончил словами: «Время совета исчерпано. Ни о чем не беспокойтесь, просто сражайтесь». На следующее утро накануне боя он прошел вдоль строя кораблей с распятием в руках, заверяя своих подчиненных в правоте своего дела, а также в грядущем отпущении грехов. Затем он приказал поднять на своей флагманской галере стяг с изображением Спасителя, что послужило сигналом к бою, причем в оценках значимости происходящего на различных участках происходящей битвы в литературе существуют существенные различия. По мнению автора, все же именно центр сыграл определяющую роль в исходе битвы, и поэтому именно ему мы уделяем основное внимание.

Историк позднейшего времени так описал начало битвы: «Пушечный выстрел с обеих сторон, сделанный в одно время, начал битву, которая вскоре сделалась всеобщей. Гром артиллерии, треск ружейной пальбы, крики сражающихся и густой дым, омрачавший день, внезапно посеяли в эту страшную борьбу кровавое смущение» (Архенгольц. С. 280). Действительно, в самом начале боя огонь венецианских галеасов расстроил плотный строй галер Али-паши, утопив по крайней мере два вражеских корабля. Турецкие галеры в своем натиске миновали неуклюжие громады венецианцев, словно

обтекая их, используя свою скорость, однако, испытав от огня противника немалые повреждения и в меру убедившись в огневом преимуществе противника, что вызвало определенное смущение даже в рядах испытанных воинов. Правда, на этом участие галеасов в сражении при Лепанто закончилось, и их экипажам предстояло оставаться в роли болельщиков своеобразного кровавого матча, исход которого на протяжении многих часов оставался неясным. Естественно, при этом наибольшую обиду испытывали артиллеристы, поскольку основные события развернулись за пределами дальности боя их орудий, и, таким образом, они не могли продемонстрировать свои преимущества, сверх того, что удалось сделать в самом начале сражения.

В едином порыве навстречу флагману дона Хуана «Реалу» устремился флагман Али-паши «Фанал», который ударом «клюва», проломив борт противника, проник в его корпус до четвертой скамьи гребцов. Поэтому обе галеры не могли освободиться друг от друга, создавая тем самым идеальные условия для абордажа. И грянул бой, рукопашный и беспощадный, без пленных с обеих сторон, причем образовалась уже настоящая свалка галер, оцетинившихся своими веслами, которыми часто было уже невозможно пользоваться по назначению. В сложившейся ситуации возможность какого-либо маневра была полностью утрачена, и исход баталии определялся умением и способностью солдат к рукопашной схватке. Хотя довольно быстро определились преимущества христиан, исход схватки флагманов долго оставался неясным, поскольку «Фанал» дважды переходил из рук в руки, прежде чем окончательно определился окончательный успех дона Хуана с помощью команд с других галер, подоспевших на помощь, пробираясь буквально с борта на борт разных судов, зажатых вплотную к друг к другу. Об окончательной победе в центре сражения в лучших традициях своего времени возвестила голова Али-паши, воздетая на пике для наглядности перед всеми участниками баталии, хотя ее обладатель, по некоторым сведениям, погиб от вражеского ядра, которое его разорвало надвое. После чего испанцы усилили натиск и сорвали султанский флаг на «Фанале», водрузив на его место штандарт Священной лиги. Когда турецкий центр был окончательно смят, на помощь дону Хуану подоспели галеры Санта-Круса, что позволило ускорить истребление

остатков турецкого флота. Сам дон Хуан в своем отчете королю Филиппу II так описал происходившее: «Прошел час, но оба адмиральских корабля продолжали сражаться. Два раза наши солдаты проникали на турецкий корабль и доходили до главной мачты. Однако всякий раз были вынуждены отступать на свой корабль, так как мусульмане получали большое подкрепление. Наш корабль дважды выдерживал атаку лишь благодаря невероятной храбрости Лопе де Фегуэра. Через полтора часа бог благословил наш корабль, после чего Али-паша и более 500 турок были убиты, его флаги и стандарты были сорваны и вместо них на грот-мачте был поднят наш флаг с крестом» (Нойкирхен. С. 191–192).

Между тем события на обоих флангах сражения развивались далеко не однозначно. При попытке обойти левый (северный) фланг христиан под начальством Барбариго множество галер Магомеда Сирокко оказались на мели, и, воспользовавшись этим, экипажи стали покидать свои корабли, чтобы где вплавь, а где вброд добраться до берега, чтобы избежать дальнейшего участия в сражении, попросту дезертировав, хотя при этом множество народа утонуло. В последующих абордажных схватках Сирокко был убит, что окончательно сломило боевой дух турок. Одна за другой турецкие галеры становились добычей моряков и солдат Священной лиги, хотя их командир Барбариго незадолго до завершения сражения погиб от стрелы, поразившей его в глаз.

На южном фланге христиан под командованием Джиованни Дориа успех поначалу клонился на сторону противостоящего ему алжирца Улуч-Али, поскольку тот в самом начале битвы успешно обошел христианские галеры, как будто тем самым оголив свой фланг, подставив себя под удар христиан. Генуэзец попался на эту уловку, несмотря на то, что дон Хуан своими сигналами неоднократно пытался вернуть на отведенное ему первоначально место. Однако Дориа настолько растянул свои корабли, что этим воспользовался его противник, прорвавшийся на свободу из акватории Коринфского залива, уничтожив или взяв в плен несколько христианских кораблей, включая мальтийский флагман, экипаж которого был полностью вырезан турками, которые в качестве трофея получили его флаг. Более того – на буксире они попытались увести и саму галеру в качестве ценного трофея, однако вовремя подоспевший Санта-Круз не позволил

им сделать этого. «После измены союзника, на которого надеялись больше всего, турки совершенно потеряли мужество: ужасное бегство и страшная резня довершили их бедствия. Флот их доставил 300 пушек христианам, которые убили в тот день более 30 000 тысяч человек» (Архенгольц. С. 280). Тем не менее Улуч-Али ценой собственного бегства спас остатки турецкого флота в количестве около тридцати галер, заслужив от потомков не самую лучшую характеристику в качестве морского командующего: «Несмотря на выдающуюся храбрость, Улуч был все-таки скорее морским разбойником, чем флотоводцем, так как после того как он бросил руководство своей эскадрой, он больше не достиг никаких успехов» (Штенцель. С. 160). По своим результатам это была решительная победа, не позволявшая какого-либо иного толкования, поскольку вражеский флот практически был полностью уничтожен. Именно так восприняла битву при Лепанто остальная Европа, ликовавшая по получении известия о победе христианского флота, предполагая тем самым устранение опасности с Востока, что больше имело моральное значение. В реальности на положение Османской империи как лидера мусульманского мира гораздо большее значение имела смерть Селима II и последующее разложение Оттоманского государства по сугубо внутренним причинам, включая пресловутую коррупцию и сопутствующие ей явления. Государство, живущее военной добычей и трофеями, без собственного производства, как показала история, обречено на экономическое отставание и общественную деградацию. Последующие второстепенные победы Архенгольц назвал «последним отблеском оттоманского могущества. Лепантская битва нанесла ему гибельный удар, от которого она никогда не оправилась. Начиная с этого времени, обширные подвиги мусульманских пиратов уже исчезают на Средиземном море. Алжир и Тунис объявили себя независимыми государствами и признавали за Константинополем лишь воображаемое господство» (Черчилль. Т. 2. С. 281).

Потери сторон в этом наиболее кровопролитном сражении всех времен и народов по Штенцелю выглядят следующим образом: «Из правого турецкого крыла около 30 кораблей приткнулось к берегу, причем остатки их экипажей попрятались; эти корабли и еще много других было сожжено, 117 галер было захвачено победителями с крупной добычей, в числе которых было 117 тяжелых и 256 легких

орудий, то есть в среднем по три орудия на каждом корабле. Потери турок людьми исчислялись в 25 000 убитых, 3500 матросов пленными; солдаты, по-видимому, все были перебиты. В числе убитых не показаны, вероятно, рабы-гребцы; их было взято в плен около 15 500, в том числе 12 000 христиан, которые были отпущены на свободу.

Союзники также понесли значительные потери офицерами и солдатами; потери эти составили 8 – 10 тысяч человек; кораблей они потеряли только 12–15, которые почти все были потоплены Улuch-Али; убитых было 7600 и, кроме того, в ближайшие дни умерло 2500 тяжело раненных, всего, значит, более 10 000 человек; число легко раненных не указано.

Таким образом, с обеих сторон было 35–40 тысяч убитых, цифра, которая превосходит потери в наиболее кровопролитных сухопутных сражениях новейшего времени» (Штенцель. С. 162). Отметим на будущее, что человеческие жертвы этого сражения значительно превзошли будущие морские сражения, начиная от англо-голландских войн XVII столетия и кончая Пёрл-Харбором, не говоря о сухопутных битвах, что подтверждается всеми существующими историческими документами и исследованиями.

В заключение отметим главные особенности первой осады Мальты. Во-первых, первопричина осады носила чётко выраженный религиозный (идеологический) характер, позволивший участникам искать утверждения своих целей и намерений в обращении к высшим силам на небесах, причем у обеих сторон. Во-вторых, религиозный характер, в прошлом определявший характер многих событий на Мальте, к рубежу XVIII и XIX столетий себя исчерпал, и определялся уже складывающейся системой межгосударственных отношений, в которых не было места религиозным проявлениям. В-третьих, сами военные события 1565 года практически ограничивались территорией острова. В-четвертых, эта осада показала зависимость острова от материка. В-пятых, обе стороны военного конфликта стремились к решению своего конфликта столкновением на суше, без такого же на море. В-шестых (как результат), морской десант мусульман отражался только сухопутными силами без участия морских. В-седьмых, потери обороняющейся стороны многократно были меньше потерь атакующих, несмотря на то, что количество атакующих многократно

превышало число обороняющихся. В-восьмых, обе стороны на суше широко использовали огнестрельное оружие, включая артиллерию.

Средиземноморское интермеццо, или Мальта между осадами 1565 и 1940–1943 годов

После осады 1565 года почти на протяжении двух веков архипелаг оказался на периферии исторических событий, время от времени потрясавших мир. Мальта отнюдь не изменила своего положения, просто граница европейского (христианского) и азиатского (мусульманского) миров в акватории Средиземного моря оставалась долгое время неизменной, создав полосу своеобразного военно-политического вакуума, в котором нашлось место и такому своеобразному, скорее даже экзотическому для условий XVIII века религиозно-политическому образованию, как Мальтийский орден, просуществовавший еще больше двух веков после великой осады 1565 года. В летописи Мальты отмечены, например, такие события, как эпидемия чумы 1676 года, стоившая жизни почти девяти тысячам мальтийцев, или разрушительное землетрясение 1693 года с его многочисленными жертвами, но долгое время отсутствуют значительные события военно-политического характера, которые до поры до времени миновали легендарный архипелаг, воспетый еще Гомером как прибежище гесперид, пленивших своим пением самого Одиссея. Снижение военной угрозы зашло так далеко, что к середине XVIII века служители ордена постепенно стали утрачивать свое бывшее военное предназначение, постепенно вырождаясь (по словам известного путешественника Кука) в «сборище декадентствующих джентльменов». Эти изменения привели к тому, что бывшая гроза мусульманского мира могла превратиться в разменную монету европейских политиков, к чему в известной степени оказалась причастна и Россия.

За два века после Лепанто военное судостроение ушло настолько вперед, что классическая галера перестала быть даже на Мальте господствующим типом боевого корабля, уступив свою роль двух – или трехдечному линейному кораблю с трех мачтах преимущественно с прямыми парусами. Его вооружение теперь достигало от 66 до 120 орудий на специальных станках-лафетах на четырех небольших колесиках, позволявших после выстрела и сопутствующего отката

возвращаться в прежнее положение с помощью специального устройства. Корабли этого типа с экипажем, нередко превышающим тысячу моряков, составляли основу европейских флотов. Именно они в линейном строю были призваны нанести удар морской мощи противника. Остальные типы военных судов, начиная с фрегатов, по сути, предназначались на вспомогательные роли, начиная с разведки и т. д. Транспортную и снабженческую функции выполняли обычные торговые суда, привлекавшиеся по мере необходимости. Очевидно, следует остановиться на характеристике исторических лиц, причастных к судьбам Мальты на переломе XVIII и XIX веков, хотя и в ограниченном количестве, в совокупности составившим настоящее созвездие исторических личностей первой величины.

Как ни странно, первым в этой когорте стоит российский император Павел I, поскольку именно он в 1797 году по одному из довольно частных случаев утвердил «заведение помянутого Ордена в своих владениях». В ответ на это Совет ордена на Мальте (видимо, с учетом неизбежных последствий Французской революции 1789 года) возложил на Павла I должность протектора (покровителя) означенного ордена, что в принципе открывало ему путь на пост гроссмейстера. По мере обострения политической и военной ситуации вокруг Мальты такой вариант мог вполне превратиться в реальность. Император Павел был настолько вдохновлен подобной перспективой, что известил о ней все европейские дворы, а при своем собственном провел целый ряд мероприятий, свидетельствовавших о серьезности своих намерений в обозримом будущем. Например, при маневрах русского флота ряд кораблей участвовали под мальтийскими флагами (Белавенец, 1909). В те годы военные и политические события развивались порой настолько стремительно, что свои нововведения воплотить в реальность император Павел просто не успел, тем более, что остров в 1798 году захватил французский генерал Наполеон Бонапарт, о роли которого в истории Мальты речь подробнее пойдет ниже.

В компанию штатских политиков, определявших судьбу Мальты XVIII века, несомненно, попал также премьер правительства его величества Уильям Питт-старший, который, на зависть своим коллегам из других держав, разработал, а главное – применил на практике основные принципы периферийной стратегии, служившей позднее

Великобритании на протяжении столетий, и первоначально использованной на Мальте. На рубеже XIX и XX веков в труде американского моряка А. Т. Мэхена под характерным названием «Влияние морской силы на историю» ее основной принцип получил следующее оформление: «Никогда не прерывавшиеся операции в отдаленных водах стали вестись в больших размерах и с большой активностью после того, как уничтожение французского флота освободило англичан от страха вторжения» (Мэхен. С. 233). Суть этой стратегии заключалась в стремлении воевать чужими руками на чужих территориях, используя свой флот в качестве решающего аргумента в подходящий момент. Это великое открытие действовало по меньшей мере свыше двухсот лет и, как будет показано ниже, в полной мере оказалось применимо к Мальте даже в условиях Второй мировой, как будет показано ниже. Отметим, что сам Уильям Питт-старший в отличие от многих других, перечисленных ниже, даже не почтил своим присутствием Мальту, тем не менее оставив в ее судьбе самый заметный след.

О Наполеоне написаны тома и тома, причем его тема в истории, по-видимому, еще не исчерпана. Он был причастен к судьбам Мальты в пору, когда был просто генералом Бонапартом, одним из ярких военных деятелей эпохи Французской революции 1789 года.

Нашему вице-адмиралу Ушакову также принадлежит заметное место в плеяде исторических личностей, связанных с Мальтой на рубеже XVIII и XIX столетий. Его успехи и победы на службе России читатель может легко найти на страницах разных изданий, однако применительно к описываемому периоду реальные возможности нашего выдающегося флотоводца были ограничены решениями не самого выдающегося из российских государей.

Его коллега Горацио Нельсон, реальный соперник Ушакова в событиях вокруг Мальты, действовал в совершенно иной обстановке, не сковывавшей его при принятии решений. Свой чин контр-адмирала он получил только в 1798 году в возрасте тридцати девяти лет, будучи вскоре назначен командующим Средиземноморской эскадрой. Этот выдающийся исторический герой-любовник весьма подходил для претворения в жизнь заветов Питта-старшего, не пощадив собственной жизни в Трафальгарском сражении, одновременно направив усилия Наполеона далеко на восток, где тот сначала успешно погорел в 1812

году в Московском пожаре, а затем, оказавшись не в курсе об особенностях русской зимы, в полной мере испытал ее на собственной судьбе, чему, правда, немало способствовал Кутузов, затянувший войну до зимних морозов вдали от виноградников Шампани. Что касается взаимоотношения обоих адмиралов в событиях вокруг Мальты, они складывались не лучшим образом, чему были свои причины, о которых также пойдет речь ниже.

Однако еще до появления созвездия исторических личностей первой величины на арене истории острова произошли события, позволившие сформироваться особой ситуации на Мальте, с которыми они столкнулись на рубеже XVIII – XIX веков, поскольку целый ряд европейских государств в самом начале XVII века предпочли откупиться от алжирских пиратов, заключив с ними договоры на взаимовыгодных условиях: Франция в 1598, Англия в 1604, Голландия в 1609 году и т. д. Однако у этой медали была своя обратная сторона, поскольку пираты вышли в Атлантику, где им хватало другой добычи в виде судов, плававших под флагами других государств, помимо перечисленных. В 1622 году мусульманские пираты показали себя в Английском канале, в 1627 году они разорили Рейкьявик (Исландия), а в 1631 году – побережье Ирландии. Нельзя утверждать, что на этом фоне сами рыцари Мальтийского ордена существенно снизили свою активность в этом не слишком уважаемом промысле, но они вынуждены были считаться со своими европейскими единоверцами, чтобы рассчитывать на их помощь в случае осложнений с правоверными почитателями Корана.

К тому времени заметными стали изменения в типах судов, используемых пиратами, поскольку они по-своему следили за прогрессом в судостроении, тем более, что галеры или всякая мелочь вроде шебек, тартан, полак или бригантин не слишком подходили для условий Атлантики, прежде всего по мореходным качествам. На смену им в XVII веке пришли галеоны, более приспособленные как для артиллерийского, так и для абордажного боя с европейскими торговыми судами, нередко вооруженными, благо в те времена по своей архитектуре и размерам военные корабли и торговые суда не слишком отличались друг от друга. Что касается пиратства, к которому оказался сопричастен описываемый архипелаг, то его искоренение

произошло в Средиземном море только с присоединением Алжира к владениям Франции уже в 30-х годах XIX века.

Мальта несомненно произвела впечатление на генерала Бонапарта, поскольку она, по мнению означенного генерала, «располагает наилучшим портом Средиземного моря, имеет 30 тысяч жителей, красивые дома, прекрасные набережные, великолепные склады для хлеба, изящные фонтаны. Укрепления отличаются большой протяженностью, построены из тесаного камня, все склады – вне пределов досягаемости бомб. Различные фортификационные сооружения, батареи и форты нагромождены друг на друга». В этих замечаниях в одинаковой степени проявился как вкус французского жителя, так и трезвый взгляд стратега-аналитика высшего класса.

По его сведениям, Мальтийский орден для защиты побережья Южной Европы «мог иметь 6–7 линейных 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и вдвое меньше мелких судов с тем, чтобы одна треть их постоянно крейсировала перед Алжиром, Тунисом и Триполи. Он мог бы положить конец варварийскому разбою, принудив пиратов жить в мире. В этом случае орден заслужил бы благодарность всего христианского мира. Половины его доходов было бы достаточно, чтобы достигнуть этого великого и благодетельного результата. Но рыцари, по примеру других монахов, присвоили имущество, которое им было предоставлено ради общественного блага и нужд всего христианского мира. Роскошь приоров, бальи, командоров вызывала возмущение всей Европы...

...Ополченцы, гордые, как и все островитяне, чувствовали себя оскорбленными наглостью и высокомерием рыцарей-дворян. Они жаловались, что являются у себя на родине иностранцами, не допускаемыми к занятию доходных и почетных должностей. У них не было привязанности к ордену. Они видели во французах защитников своих прав. К тому же сама организация ополчения находилась в небрежении, ибо орден давно уже не опасался вторжения турок и, напротив, боялся установления гегемонии коренных жителей. Если фортификационные сооружения и материальные средства обороны были достаточно обширны, то моральный фактор сводил их к нулю...» С прибытием французов на пути к берегам Египта «никогда Мальта не видела столь бесчисленного флота в своих водах. На большом

протяжении от берега море было покрыто кораблями всех размеров, чьи мачты напоминали огромный лес...

...Бальи, командоры, сенешали, должностные лица ордена были стариками, не участвовавшими в войнах, холостяками, проведшими жизнь в самом приятном обществе... Их не вдохновлял ни один из тех мотивов, в силу которого люди пренебрегают большими опасностями. Что могло заставить их рисковать жизнью ради сохранения бесплодной скалы посреди моря? Религиозные чувства? Они были малорелигиозны. Сознание собственной полезности? То гордое чувство, которое побуждает человека идти на жертвы, потому что он защищает родину и себе подобных? Они ничего не делали и никому не приносили пользы» (Иванов. С. 31). Определенно характер и нрав былых иоаннитов со времен великой осады 1565 года изменился настолько, что захват Мальты в 1798 году обошелся Наполеону всего в троих погибших; видимо, это была одна из его самых бескровных побед. По поводу сил ордена один из генералов Наполеона выразился так: «Хорошо, что у них хватило людей, чтобы открыть нам ворота».

Теперь можно было приступить к преобразованиям на завоеванном острове, для чего Бонапарт переселился на сушу, где первым делом создал комиссию из местных нотаблей под председательством собственного комиссара-француза. Темп его деятельности потряс воображение обитателей острова, пребывавших со времен великой осады 1565 года в состоянии затянувшегося летаргического сна. За семь суток пребывания на острове этот невесть откуда взявшийся вояка с присущей ему неумемной энергией отменил все привилегии рыцарей ордена, реформировал деятельность монастырей, гарантировал одинаковые права представителям главных религий острова (христианам, мусульманам и иудеям), освободил две тысячи мусульманских пленников, обреченных быть гребцами на галерах, модернизировал систему образования, учредив пятнадцать школ, в которых ученикам прививали принципы морали и французской конституции. Но не только...

Одновременно он изъял в пользу республики ценностей примерно на семь миллионов франков в виде золотых слитков, серебра и драгоценных камней. Часть этой наличности была отправлена в адрес парижской директории, а другая осела в трюмах флагмана «Ориент», чтобы в полном смысле быть пущенной на ветер при взрыве крьюйт-

камеры этого корабля в Абукирском сражении. В утешение рыцарям он оставил обломок истинного креста... На острове были учреждены муниципальные органы с разделением острова на кантоны и округа, а также созданы отряды Национальной гвардии под командованием французских офицеров. Этот ветер перемен в считанные дни унес большую часть членов ордена на материк, где они получили полную свободу действий.

Что касается самих французов (не считая гарнизона в количестве четырех тысяч человек под командованием генерала Вобуа), в ожидании дальнейшего плавания и предстоящих сражений они предавались радостям жизни, которых обнаружили на острове немало. Хотя члены Мальтийского ордена давали обет целомудрия, новые хозяева острова обнаружили, что «все они имели любовниц, которые были восхитительны и очаровательны», в чем подчиненные генерала Бонапарта успели убедиться за неделю пребывания на острове, тем более, что их прежние обладатели «не были ни собственниками, ни ревнивцами». Это не считая обилия южных фруктов...

Однако свежий ветер перемен в глазах аборигенов острова нередко выглядел как ограбление церквей и монастырей, не считая в меру разнузданного поведения тысяч солдат и моряков в роли освободителей, что в истории наблюдалось неоднократно. Прошло немного времени, и подобные настроения превратились в своеобразную мину замедленного действия, взорвавшуюся вскоре после отбытия Бонапарта за пределы поля зрения с берегов Мальты.

Еще до отбытия с берегов острова генерал Бонапарт информировал Париж о своих ближайших намерениях: «Уже недалеко то время, когда мы будем думать: для того, чтобы по-настоящему разрушить Англию, мы должны захватить Египет». Уже позднее, находясь в Египте, он считал, что поход к Индии потребует от него нескольких месяцев, что обосновал следующим образом: «От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженная на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 60 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через четыре месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!» (Иванов. С. 114).

Правда, нашему современнику может прийти в голову простая мысль: а не забыл ли в своих мемуарах этот один из излюбленных героев мировой истории уроков самой Мальты? Правда, подобные не оправдавшиеся заявки звучали из его уст неоднократно. Так или иначе, но в планах генерала Бонапарта Мальте предназначалась сугубо вспомогательная роль в качестве вспомогательной перевалочной базы, и только, не сопоставимой по своей значимости с целью операций 1565 или 1940–1943 годов.

Для нас важно, что Наполеон овладел Мальтой на пути в Египет. С другой стороны, недельное пребывание Бонапарта на Мальте не стало самым выдающимся событием в его будущей яркой и поучительной биографии. А когда к столь известным историческим персонам вскоре добавился английский адмирал Нельсон, отправившийся вдогон за Бонапартом к берегам Египта, вокруг Мальты возник такой политический узел, по сравнению с которым самый замысловатый из морских узлов, показался бы знатокам сущей безделицей. Несомненно, в то время на небосводе Мальты взошло созвездие ярких личностей первой величины, к которым присоединился вскоре и наш адмирал Ушаков.

Произошло это так. В феврале 1798 года российский самодержец Павел I получил сведения, что из Тулона вышел большой французский флот общим направлением на восток Средиземноморья, возможно, с целью атаковать южное побережье России в Черном море. Он приказал эскадре вице-адмирала Ушакова срочно выйти навстречу ожидавшемуся противнику. В сложившейся необычайно сложной и запутанной обстановке, под дулами корабельных орудий эскадры Ушак-паши (как звали русского адмирала правоверные мусульмане после знакомства с ним в битвах на Черном море) турки перепугались настолько, что, вступив в союз со своим извечным врагом Россией, подкрепили эскадру Ушакова собственными кораблями. Вот тогда-то проблема Мальты, причем в условиях сложных политических и личных отношений, замаячила перед нашими моряками. «Главной целью, указанной Ушакову при его отправлении, было освобождение от французов Ионических островов, изгнание французов, при содействии англичан, из Южной Италии, освобождение Мальты и содействие англичанам при блокаде Александрии и в других местах»

(Веселаго. С. 178). Таким образом, Мальта значилась в планах Ушакова практически последним пунктом.

Как сказано выше, Мальта оказалась в руках Бонапарта в полном смысле попутно, когда на всякий случай на пути в Египет он зашел в Гранд-Харбор, чтобы запастись водой на дальнейший путь. Предлог был явно надуманный, поскольку продовольствием французы были обеспечены на ближайшие три месяца, а водой – по крайней мере на сорок дней, тогда как до берегов Египта оставалась всего неделя пути. Поскольку положение с водой на архипелаге уже известно читателю, мальтийцы вполне обоснованно заявили, что они могут снабдить водой только четыре корабля, тогда как французская эскадра насчитывала только одних линейных кораблей тринадцать, не считая сотен транспортов с войсками общей численностью до тридцати тысяч человек. Характер «просьбы» не оставлял сомнений, тем более что она была подкреплена десантом общей численностью в пятнадцать тысяч солдат и моряков, высадившихся на остров 10 июня. Тем не менее, судя по дальнейшим событиям, едва ли в планах Бонапарта Мальта играла важную роль.

Хотя орденские рыцари к этому времени порядком утратили прежний боевой пыл, и их общие силы в количестве 332 членов ордена и почти двух тысяч наемников противостоять противнику отнюдь не могли в любом случае, но гроссмейстер ордена фон Гомпеш вдруг вспомнил о былой славе, а его воины (не считая переметнувшихся на сторону французов наемников), включая самых старых и хилых, продержались в пределах Валетты целый день. Генерал Бонапарт, понимая, что при таком соотношении сил в глазах просвещенной Европы славы ему не сыскать, предпочел предоставить орденским рыцарям почетную капитуляцию. По ее условиям, острова архипелага становились владением Французской Республики, бывшие рыцари ордена могли отправиться в Европу, кто куда пожелает. Накопленные богатства ордена (естественно, включая пиратскую добычу) становились трофеями французов, о чем до сих пор напоминают туристические проспекты. Покидая Мальту, генерал Бонапарт оставил на ней гарнизон под командованием генерала Вобуа. Правда, после разгрома французского флота у Абукира в дельте Нила вездесущим Нельсоном надобность в такой передовой базе отпала, как вскоре отпал из зоны французских завоеваний и сам Египет.

Тем не менее реакция на захват Мальты в России и Англии оказалась практически одинаковой, хотя и по разным причинам. У императора Павла отняли любимую игрушку, тем более, что англичане еще в декабре 1798 года неоднократно заявляли о готовности вернуть ее в расчете на дальнейшую помощь со стороны России в предстоящих войнах с Наполеоном. Со времен Тулона они убедились в опасности этой личности, в то время как после капитуляции гроссмейстера иоаннитов фон Гомпеша Павел I становился его преемником. В такой ситуации его кандидатура в качестве потенциального союзника становилась для Лондона вполне приемлемой.

Талант Нельсона-стратега заключался в том, что многие его решения опережали стремления правящих кругов Британии, что полностью относилась и к Мальте, тем более, что в своих русских союзниках Нельсон больше видел опасных конкурентов. В письме к капитану Беллу сам Нельсон свое отношение к проблеме государственной принадлежности Мальты отразил следующим образом: «Король неаполитанский есть законный государь острова Мальты, и я согласен с тем, что его флаг должен развеяться во всех пунктах острова. Но так как я не сомневаюсь, что неаполитанский гарнизон сдаст остров любому, кто пожелает заплатить, то необходимо, чтобы Мальта находилась под покровительством Великобритании на всем протяжении войны. Поэтому король неаполитанский желает, чтобы во всех пунктах, где развевается неаполитанский флаг, рядом с ним был бы поднят английский флаг. Я уверен, что неаполитанское правительство без каких-либо возражений уступит владение Мальтой Англии. На днях я вместе с сэром Уильямом Гамильтоном добился у короля тайного обещания не уступать Мальту никому без согласия британского правительства. Вы не должны допустить, чтобы на острове развеялся какой-либо флаг, кроме английского и неаполитанского. В случае, если какая-либо группа мальтийцев захочет поднять русский флаг, то впредь ни король, ни я, не позволим мальтийцам ввозить из Сицилии хлеб для собственных нужд» (Трухановский. С. 188). Другие источники также подтверждают эту позицию, поскольку, по мнению адмирала, это «даст большое влияние на Левант и на всю южную часть Италии. Из этих соображений, я надеюсь, мы ее никогда не отдадим» (Махов, Созаев. С. 246). Такая точка зрения окончательно возобладала с постройкой Суэцкого канала,

но было очевидно, что адмирал опережал планы собственного правительства, что и делала его стратегом мирового уровня. Правда, Мальту еще предстояло вырвать из рук французов, а события на ней развивались, как показала история, весьма своеобразно.

А ведь беспокойство Нельсона по поводу судьбы архипелага имело самые определенные основания, потому что для британских верхов судьба острова еще не определилась, в то время как военная помощь России еще могла понадобиться. Действительно, статс-секретарь по иностранным делам королевства В. Гренвилл заявил российскому послу в Лондоне о том, что «если Павел пожелает получить Мальту, то Англия с искренним удовольствием на это согласится». О том же Гренвилл предупреждал в самом начале 1799 года британского посла в Петербурге Ч. Уитворта: «Король отрекается за себя от всякой мысли или желания удержать за собой Мальту, как британское владение» (Махов, Созаев. С. 245). Совсем не случайно Уитворт информировал Безбородко, ведавшего российскими иностранными делами, о согласии на занятие Мальты вооруженными силами Англии, России и Неаполя. Не стоит удивляться, что такой оборот событий совсем не устраивал Нельсона, возможно, с подачи пресловутой леди Гамильтон. Оговорюсь, что последнее является авторским домыслом. При этом сам адмирал оказался, несомненно, в сложной ситуации. Его чрезмерная активность могла привести к появлению российских сил на Мальте, а с другой стороны, он понимал, что после Корфу не считаться с присутствием Ушакова было невозможно. Тем не менее за адмиралов принимали решение более высокие инстанции, да и ситуация на самой Мальте совсем не находилась у них под контролем, несмотря на складывающиеся благоприятные обстоятельства.

Поведение французов на Мальте быстро вызвало восстание местного населения менее чем спустя три месяца после того, как Бонапарт (именно он определял события, а не командующий его эскадрой адмирал Брюэс) и его воинство скрылись за горизонтом по направлению к Александрии. 4 сентября 1798 года Собрание Мальты отправило гонцов к королю Обеих Сицилий Фердинанду, умоляя о помощи, тем более что слухи об Абукирском побоище уже дошла до Мальты, что подтвердили моряки со спасшихся линейного корабля «Гильом Телль», фрегатов «Жустис» и «Даян» под трехцветным

флагом, надеявшиеся отстояться от англичан на Мальте под защитой орудий Вобуа, с его 2700 французов, запертыми в цитадели Валетты совсем не в комфортных условиях.

Нельсон посчитал необходимым провести блокаду Мальты, но, как предписывала стратегия периферийных действий, ограничил свое участие самым скромным образом. После Абукира он отправил к ней лишь небольшую эскадру португальских кораблей под командой адмирала маркиза де Низа, а 23 сентября того же года в Гранд-Харбор ненадолго заглянули корабли Джеймса Самареца, сопровождавшие захваченные призы из Абукира. Самарец повторно направил в Валлетту парламентаря к генералу Вобуа с требованием сдать крепость, получив повторно отрицательный ответ. В сложившейся ситуации англичане ограничились снабжением мальтийцев ручным оружием и боеприпасами к ним и проследовали дальше на запад. С прибытием эскадры самого Нельсона на пути в Неаполь спустя месяц ситуация повторилась: мальтийцы получили еще оружия и боеприпасов, Вобуа вручили очередной ультиматум, на который француз повторил прежний ответ, после которого Нельсон продолжил плавание в Неаполь, прямо в объятия той, о которой втихомолку судачила вся Европа. Читатель, смотревший старую кинокартину военных лет под названием «Леди Гамильтон», знаком с ее содержанием, и поэтому нет надобности повторяться. Автор, не будучи киноведом, не рисует высказываться или морализировать на указанную тему, тем более, что всем ясно, что Нельсон умел одерживать исторические победы под всеми широтами, и не только в морских просторах. С другой стороны, про этого самого известного английского адмирала, имя которого вошло во все учебники военно-морского дела, никак не скажешь – ничего личного... Видный немецкий военно-морской историк А. Штенцель по этому поводу сделал следующее примечание по поводу деятельности Нельсона на Средиземном море, «где слава его так пострадала вследствие его отношений к леди Гамильтон: он настолько подпал под ее влияние, что даже пренебрегал своими обязанностями по отношению к начальникам и отечеству. Это последнее обстоятельство нанесло его репутации больший ущерб, чем какие-нибудь действительные нравственные недостатки» (Штенцель. С. 293). Что ж, подобное случается не только среди британских флотоводцев...

Для нас важнее, что в событиях на Мальте того времени как англичане, так и французы избегали или не могли провести решительной тесной блокады, поскольку архипелаг, в отличие от осад прошлого 1565 и будущих 1941–1943 годов, играл в происходящих военных событиях совсем не решающую роль, несмотря на то, что его судьбу в то время решали самые выдающиеся исторические деятели той поры, к которым, однако мы не относим короля Обеих Сицилий с его присными. В любом случае события на Мальте на рубеже XVIII–XIX столетий трудно назвать осадой в полном значении этого слова.

Только 28 октября наконец Директория в Париже распорядилась начать снабжение своих войск на Мальте, используя албанских контрабандистов. Между тем англичане стали наращивать свои силы вместе с моряками из Неаполя, используя в качестве артиллеристов местных мальтийцев, не показавших особых достоинств в этом деле. Заменявшие их пушкари из Неаполя оказались не лучше, вызвав справедливое замечание командующего осадой капитана 1-го ранга Бэлла: «Если их накроет батарея противника, это будет полезней...» Тем не менее эти вояки заставили перейти французские корабли «Гильом Телль», «Жустис» и «Даян» из Гранд-Харбора в соседнюю бухту Марсамексетт, оставив без поддержки осажденных в Валетте французов Вобуа. Французы, занятые контрбатарейной борьбой, допустили высадку на берег семнадцати английских батальонов. Определенно англичане готовились к решению проблемы Мальты всерьез и надолго, без излишней спешки, как и рекомендует пресловутая стратегия периферийных действий.

Однако к апрелю 1799 года на Мальте начался такой голод (едва ли не самое серьезное последствие блокады), что командующий осадными силами Бэлл, поддерживая мальтийцев, был вынужден делиться с ними собственным продовольствием. Французы же, используя неплотный характер блокады, стали наращивать продовольственную помощь своим войскам, но в целом на острове сложилась ситуация военного равновесия, которую флоты противоборствующих держав не могли нарушить в свою пользу. Это мог сделать Ушаков, но реакцию Нельсона, не доверявшего своему русскому союзнику, невозможно представить. (На рубеже 1798–1799 годов он так отзывался о своих союзниках: «Поведение русских не лучше, чем я всегда ожидал, и я считаю возможным, что они своим

поведением принудят турок заключить мир с французами вследствие еще большего страха перед русскими... Терпеть не могу русских», и т. д. и т. п.) Скорее всего, подобное отношение сложилось у него после первой встречи с Ушаковым в Палермо, где «оба адмирала по разности своих характеров и взглядов тотчас стали во враждебное положение друг к другу. Нельсон почему-то ожидал встретить в Ушакове покорное орудие, которое под его влиянием будет действовать в интересах Англии; но, против своего ожидания, нашел в нем умного, самостоятельного русского адмирала» (Веселаго. С. 187).

После похода франко-испанского флота Брюи в Лигурийское море для поддержки французских войск, терпевших поражение за поражение от Суворова в Северной Италии, Бэлл со своими кораблями в попытке противостоять флоту Брюи был вынужден практически снять блокаду Мальты с мая по июль, оставив без поддержки на суше силы капитана Вивона, уцелевшие только потому, что противостоящие им французы были достаточно обессилены, как на суше, так и на море. Тем не менее, воспользовавшись этим, французы своими полуголодными войсками заблокировали англичан в гаванях Святого Павла и Гранд-Харбора, практически одновременно доставив немного продовольствие своим войскам, в то же время не пропуская патрульными судами доставку провианта своим противникам, у которых к тому времени возникла масса проблем, например, с порохом и кремневыми ружьями, у которых из-за долгого употребления стали отказывать кремни. Помимо того, оказалось, что английские солдаты слишком долго не получают положенного жалованья, а среди повстанцев даже возник заговор против англичан, которых они начали подозревать в пособничестве якобинцам и т. д., и т. п. Одним словом, последствия отсутствия как блокады, так и деблокады, стали сказываться в полной мере, поэтому возвращение кораблей Бэлла в июле в значительной мере приостановило развитие этого процесса, тем более что с этим событием связано изменение соотношения французских войск (около двух тысяч) и британских (не менее пяти тысяч) на острове. Решающими для Мальты оказались совсем другие события: 24 августа 1799 года на фрегате «Миюрон» Бонапарт, успешно миновав английские морские патрули, покинул Египет и, благополучно высадившись в Тулоне, 9 ноября того же года произвел государственный переворот в Париже, установив военную диктатуру.

Одновременно он предупредил Вобуа, продолжавшего сопротивление на Мальте, чтобы тот был готов к почетной капитуляции с наступлением критической ситуации. Это означало, что Наполеон уже не нуждался в этом острове. Как, впрочем, и разочаровавшийся в своих союзниках Павел I.

Возникшую ситуацию наш военно-морской историк описал таким образом: «Французы держались еще в Мальте, но участвовавшая в блокаде португальская эскадра возвратилась в Лиссабон, и англичане не имели достаточно возможности собрать силы для взятия Ла-Валетты. Поэтому теперь Нельсон и король неаполитанский убеждали Ушакова идти с флотом к Мальте, и он решился отправиться туда. Задержанный исправлением судов, заготовлением продовольствия и противными ветрами, адмирал смог выйти в море только 20 декабря... На эскадре Ушакова, состоявшей из 7 кораблей, 1 фрегата и 8 мелких судов, находились также 2 тысячи гренадер под начальством генерал-майора князя Волконского, назначенных быть главным гарнизоном Ла-Валетты, главной крепости на острове Мальта. На пути из Неаполя в Мальту, в Мессине Ушаков получил приказание возвратиться с флотом и бывшими при нем сухопутными войсками к своим портам» (Веселаго. С. 188). Как и все, что он делал, Павел поменял собственные планы и намерения решительно и бесповоротно, на этот раз отказавшись от сотрудничества с Англией в пользу Франции, за что вскоре поплатился жизнью.

Что касается Мальты, то на рубеже XVIII–XIX веков ее судьба складывалась по принципу ни шатко, ни валко, крайне неспешно. Англичане всё больше и больше наращивали свои силы, французы в меру голодали и считали последние патроны, сами мальтийцы приходили в себя после всех испытаний, с нетерпением ожидая их завершения. Прибывший последний транспорт с продовольствием на бриге «Марджери» отсрочил сдачу французского гарнизона на три месяца.

У англичан 6 июня 1800 года на корабле «Си хорс» прибыл новый командующими силами Леванта генерал Ральф Аберкромби, при котором количество британских войск на острове достигло одиннадцати тысяч солдат и моряков. Его прибытие было отмечено активизацией военных действий, в частности, подрывом склада артиллерийских припасов, когда погибло 70 французов и было

потеряно до двух тысяч зарядов. 5 августа последние корабли под трехцветным флагом – фрегаты «Даян» и «Жюстис» – сделали попытку вырваться из заблокированного Гранд-Харбора, что удалось только «Жюстис». Когда запасы провианта практически были исчерпаны, настало время той самой критической ситуации, о которой Бонапарт предупреждал Вобуа, что позволило ему выступить с англичанами с предложением о почетной капитуляции, каковую он и получил под гарантии неучастия его солдат в военных действиях на протяжении полугода. Противник был настолько любезен, что доставил пленных французов на собственных кораблях в Тулон. Такие тогда были времена, уважаемый читатель, ближе к нашему времени подобное, увы, не повторялось... С той поры, как Мальту покинули отмеченные выше исторические звезды первой величины, интерес к ней у европейских дворов постепенно затих.

Судьба Мальты решилась, таким образом, без российского участия. На протяжении двух лет она обошлась всего в 1280 французских жизней и примерно в тысячу английских, что согласитесь, не тянет на потери во время первой осады, да и второй тоже. Больше всех заплатили погибшими в боях и от голода сами мальтийцы – порядка пяти тысяч. Кроме продолжительности затянувшейся на два года блокады, ничто не позволяет в сравнении с военными событиями 1565 и 1940–1943 годов отнести сражения 1798–1800 годов на архипелаге к осаде, в лучшем случае весьма условно. Пусть читатель решит сам, насколько описанные события подходят под это определение.

Со сменой российских императоров, по Штенцелю, «в Англии снова начались вооружения, и через год война возобновилась из-за Мальты и связанного с ней господства на Средиземном море» (Штенцель. Ч. 4. С. 301). Однако остров гесперид упал в объятия «коварного Альбиона» окончательно и бесповоротно лишь в 1814 году по условиям Парижского мирного договора, в полном смысле всерьез и надолго, как показали грядущие события. Для остальных европейских держав, включая Россию, Мальта оказалась за пределами их интересов, в то время как «коварный Альбион» (по определению Наполеона) не дремал на основе своей пресловутой периферийной стратегии.

В заключение для объективности попытаемся разобраться, чем занимался Нельсон во время то ли осады, то ли простой блокады Мальты, в решении судьбы которой спокойно обошлись без него, что само по себе показательно. Да и была ли Мальта нужна что англичанам, что французам после Абукира, тем более что все военные задачи решались на полях Италии, где флот мог оказать условную ограниченную поддержку лишь вблизи побережья? За два года более или менее сложная обстановка возникла только однажды, когда французский флот из Бреста весной 1799 года под командованием адмирала Брюи в составе двадцати линейных кораблей, пяти фрегатов и многих других судов, битком набитых провиантом и боезапасом, вместе с двумя тысячами пятистами солдатами на борту вошел в Средиземное море с непонятной целью, чего больше всего убоился король Фердинанд с королевой Каролиной и обоими Гамильтонами. Их испуг увеличился, когда с присоединением испанцев силы этого флота возросли до более чем сорока линейных кораблей. Однако страх – плохой советчик, поскольку целью Брюи оказалась не деблокада Мальты и не попытка вывезти французоз из Египта, а поддержка французских сил на севере Италии, терпевших одно поражение за другим от войск Суворова. Самого Нельсона в это время вполне устраивала его позиция в средней части Средиземного моря, как исходя из реальной военно-морской обстановки, так и близости к семейству короля Фердинанда с обоими Гамильтонами. Так или иначе, больших сражений на Средиземноморском ТВД после Абукира в это время не состоялось. Однако Мальта внушала опасения на будущее, и с ней надо было что-то делать, для чего и был вызван Ушаков. Но время, отведенное ему историей на Средиземноморском ТВД, также истекло, возможно, к удовольствию другого адмирала из породы заклятых друзей. Но это уже из области авторских домыслов, поскольку документального подтверждения в нашем распоряжении нет.

Пока только отметим, что события на Мальте 1797–1800 годов по размаху военных операций, количеству участников и значению в сравнении с событиями первой осады 1565 года (не говоря о второй 1940–1943 годов, о которой речь пойдет впереди) просто несопоставимы, и уже по этой причине не могут считаться осадой. Скорее это военные действия на истощение на удаленном ТВД, когда

по разным причинам решающие события происходили совсем в других, достаточно удаленных местах. Однако для историка важно отметить, что предвидение Нельсона в отношении Мальты оправдалось с постройкой Суэцкого канала, что полностью подтвердилось событиями Второй мировой войны, о которых пойдет речь ниже.

Какую-то роль в качестве перевалочной базы Мальта сыграла в Крымской войне 1853–1856 годов и в некоторых последующих британских войнах в Африке. В Первой мировой войне 1914–1918 годов остров оказался также в стороне от путей прорыва германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» «в Черное море, вызвавшее пристальное внимание в военно-морских кругах многих стран. Однако в те годы основные решающие боестолкновения противостоящих сторон также проходили вдали от Мальты, которая тем не менее оставалась базой снабжения и ремонта союзников, являясь одновременно главным госпиталем союзников на Средиземноморском ТВД, способным принять до 25 тысяч раненых и больных. Достаточно упорные бои шли за Дарданеллы и Адриатическое море, откуда в госпитали на Мальту поступало большое количество раненых, нуждавшихся в медицинской помощи, помимо поврежденных судов для ремонта. С прекращением военных действий на море поздней осенью 1918 года жизнь британской военно-морской базы замерла практически на два десятилетия.

Так, руководствуясь принципами периферической стратегии по Уильяму Питту-старшему, без кровопролитных сражений и штурмов, под звуки «Правь, Британия, морями...» и с поднятием «Юнион Джека», на целых полтора века Мальта стала британским владением, чтобы пройти испытания Второй мировой, как это будет описано ниже.

**Часть II. Вторая осада Мальты. 1940–
1943 годы**

Глава 1. Когда история повторяется

За четыре века, разделяющих конец Средневековья и события Нового времени в середине XX века, даже не колесо истории, а скорее нечто, больше напоминающее рулетку в казино, где ставкой на кону служили десятки миллионов человеческих судеб и жизней, странным образом задержалось на обострении противостояния великих европейских стран. В нем, с одной стороны, выступали ведущие морские державы той поры, Англия с Францией, а с другой – фашистская Италия и нацистская Германия. За этими коалициями проглядывали интересы СССР и США, проявившиеся впервые в испанских событиях 1936–1939 годов. «Коварный Альбион», до поры до времени спокойно взирая на складывающуюся обстановку на берегах и акваториях Средиземноморья, тем не менее не собирался жертвовать ключевыми участками транспортной артерии, соединявшей воедино различные части Британской империи, на которой определенно сказались не только последствия Первой мировой войны. К ним относились Гибралтар (с 1714 г.), Мальта (по Парижскому договору 1814 г.) и сам Суэцкий канал с момента постройки в 60-х годах XIX века. Интересы Англии были подтверждены англо-египетским договором 1936 года. Подобная периферийная стратегия, заявившая о себе еще в XVIII веке, во времена премьеры Уильяма Питта (старшего), с военно-политической (точнее, военно-морской) точки зрения оказалась гораздо более живучей, чем, например, идея мировой революции.

Суть периферийной стратегии, по мнению этого выдающегося политического деятеля, заключалась в следующем: во-первых, опора на флот, препятствующий любому противнику высадке непосредственно на берега Туманного Альбиона. Во-вторых, флот позволял отодвинуть наиболее кровопролитные затратные по человеческим жизням сражения подальше от берегов Британии, сберегая тем самым эти жизни, естественно, в первую очередь британские. В-третьих, флот позволял путем маневра осуществлять концентрацию вооруженных сил в нужном месте и в нужное время. Едва ли сам Уильям Питт (старший) предвидел появление ВВС, но,

несомненно, с точки зрения указанной стратегии этот вид вооруженных сил появился очень вовремя, в свою очередь стимулировав появление нового класса военных кораблей – авианосцев.

Приходится признать, что без обращения к, казалось бы, забытым основам указанной периферийной стратегии и к самим авианосцам понять происходившее в просторах самого лазурного и, казалось бы, самого гостеприимного Средиземного моря в эпоху Второй мировой войны невозможно, что читатель должен иметь в виду. Едва ли указанная стратегия может быть поставлена в вину британскому правительству времен Второй мировой (в конце концов, каждое правительство обязано заботиться о сбережении жизней своих подданных), однако остальные союзники указанного Альбиона, несомненно, должны были бы считаться с этой стратегией, хотя, как показывает наш собственный российский опыт, по разным причинам не считались. Поскольку это другая тема, обратимся к той, что ближе к Мальте.

Вскоре после завершения Первой мировой неожиданно фашистская Италия вспомнила о величии Рима, и на этом основании сделала ряд заявок по перекройке политических границ на берегах «маре нострум» (нашего моря, по объяснению бывшего социалиста Муссолини). До поры до времени Европу более волновал назревающая гангрена нацистской Германии, не подозревавшей, что интересы Гитлера однажды распространятся и на Средиземноморье. Отметим, что просчеты подобного рода, как показывает наша собственная история, свойственны иным странам с совсем иным общественным строем, и, таким образом, наше повествование о судьбах одинокого крохотного архипелага на перепутьях коммуникаций, возможно, самого благословенного из морей, совсем не ограничивается только его территорией.

Были, однако, и более скрытые проблемы в гонке вооружений морских держав в предвоенную пору. Неожиданно оказалось, что программа строительства флота Французской Республики странным образом противостоит планам на море бывшего союзника по Антанте – Великобритании. В свою очередь послевоенные планы «царицы морей» учитывали возможность столкновения на море с флотом Соединенных Штатов. Само собой, бывшее величие Рима, в

представлении Муссолини, в акватории пресловутого «маре нострум» требовало обеспечения новейшими линкорами и грандиозным подводным флотом, не укладывающимся в рамки ограничений международных соглашений предвоенной поры. Впрочем, важнее оказалось то, что этот деятель не задумывался, на каком топливе будет сражаться его замечательный флот, тем более, что месторождения жидкого топлива надежно держали в своих руках британцы и французы, а на богатых берегах Апеннинского полуострова не нашлось ни одной мало-мальски завалящей нефтяной скважины. Одним словом, клубок военно-политических проблем XX столетия оказался гораздо сложнее, чем противостояние лозунгов «Аллах Акбар!» и «Господи, спаси!» в XVI веке, как и «Свобода, равенство, братство!» против «За Бога и короля!» на рубеже XVIII – XIX столетий.

Воистину XX век оказался даже не железным, а заведомо стальным, что на суше, что на море, откуда начисто исчезло бывшее корабельное дерево вместе с парусами еще задолго до Первой мировой. Прогресс, от поступи которого трепетало все живое на свете, вдруг оказался накануне Второй мировой дьявольски неудобным и неустроенным, если не считать технических достижений в области военного судостроения и средств поражения противника, а заодно и просто мирного обывателя, которому было некуда деваться, что на суше, что на море, а теперь еще и от атак с воздуха. В такой ситуации было о чем задуматься самому отъявленному патриоту, независимо от его политических взглядов, с кем он...

Главное, что отличало ситуацию XVI, рубежа XVIII – XIX и середины XX веков на Средиземном море, – это наличие Суэцкого канала, позволявшего связать различные участки Британской империи (или Британского Содружества, кому как нравится) в единое целое. Для дряхлеющей после Первой мировой войны Британской империи позволить нарушить эту коммуникацию хотя бы на одном участке означало поставить под сомнение собственное существование. Следовало ожидать, что бывшая царица морей будет защищать свои позиции на Средиземном море с отчаянной яростью в сочетании с присущим ей политическим опытом, в котором пресловутая периферийная стратегия образца XVIII века занимала отнюдь (как

предстояло убедить всех участников Второй мировой) не последнее место.

Как показало дальнейшее развитие событий, на этом главном обстоятельстве сказалась еще и целая серия второстепенных, которые нельзя не учитывать. К ним относятся: первое – быстрый крах Франции в начавшейся Второй мировой войне, второе – разница в боевых качествах вооруженных сил Германии и Италии, третье – русский фактор, несомненно, незримо присутствовавший в событиях на Средиземноморье, способный склонить чашу весов в событиях на этом ТВД в ту или иную сторону, в чем читателю предстоит убедиться также неоднократно. Как до поры до времени еще и неизвестная позиция Соединенных Штатов Америки, в которой могли победить сторонники нейтралитета и самоизоляции, противоборство которых не представляло секрета.

Вторая мировая война в акватории Средиземного моря и его побережья началась с 5 июня 1940 года, когда фашистский диктатор Муссолини после завершения эвакуации англичан из Дюнкерка из опасения остаться без трофеев срочно решил присоединиться к своим союзникам по Тройственному пакту, о чем поведал в письме Гитлеру за неделю до своего вступления в войну. Реакция фюрера была восторженной: «Если и было что-нибудь такое, что могло укрепить мою непоколебимую веру в победоносное завершение этой войны, так это ваше заявление... Сам факт вашего вступления в войну является элементом, рассчитанным на нанесение сокрушительного удара нашим противникам». Как и во многом другом, Гитлер ошибся и на этот раз, что подтвердил в своем дневнике глава МИД Италии и ближайший родственник Муссолини граф Чиано уже 12 июня: «Муссолини совершенно унижен, так как наши войска не продвинулись ни на шаг. Даже сегодня утром они потерпели неудачу в наступлении и остановились перед первым французским укреплением, оказавшим некоторое сопротивление».

Что касается событий на берегах Средиземного моря, то они ограничились обстрелом нефтеочистительных заводов и нефтяных резервуаров возле Генуи 14 июня французскими кораблями. Когда же английская авиация попыталась вылететь из Марселя на бомбежку Милана и Турина, ей было отказано в этом, что само по себе было показательным и свидетельствовало о грядущих переменах в

отношениях бывших союзников. Действительно, уже 21 июня в Компьене было подписано перемирие между Францией и Германией, которое вскоре привело к образованию правительства Виши во главе с героем Первой мировой войны маршалом Петеном, на этот раз выступившим предателем Франции. Из статей, относящихся к акватории Средиземного моря, самым важным была нейтрализация французского флота на своих стоянках с полным подчинением правительству Виши. Немецкая оккупация распространялась только на большую часть северной Франции, и немецкие войска обязались не занимать французские военно-морские базы на Средиземном море. Однако, учитывая антианглийское настроение военно-морского министра правительства Виши адмирала Дарлана и известную готовность нацистов к соблюдению достигнутых договоренностей, британскому командованию на Средиземном море при любом раскладе событий не приходилось ожидать ничего хорошего.

Теперь от общеполитического фона перейдем непосредственно к характеристике людей и кораблей, которым предстояло действовать на этом непростом ТВД.

Глава 2. Корабли и люди

Приведенные ниже сведения относятся только к Средиземноморскому ТВД, хотя общий взгляд на линкоры, как основу флотов стран – участников Второй мировой, первоначально оставался в силе. Надо также учесть, что британские линкоры на востоке Средиземного моря были преимущественно постройки 1913–1915 годов, отличаясь сходными характеристиками в вооружении (по 8 орудий калибра 381 мм), а на западе – для начала два «систершипа» – «Нельсон» и «Родней» (девять орудий 406 мм), вступивших в строй в 20-е годы XX века, которые в процессе военных действий время от времени подменялись линкорами других типов, чаще всего «Король Георг V», с десятью орудиями калибра 356 мм. Скорость линкоров времен Первой мировой колебалась в пределах 22–23 узла, тогда как спущенные на воду в 30-е годы XX века развивали скорость до 30 узлов.

Что касается коллекции разнотипных и разновозрастных линкоров Франции, с созданием правительства Виши они перестали быть союзными. Главным противником английских линкоров на Средиземноморском ТВД оставались итальянские постройки времен Первой мировой войны (три корабля) с десятью орудиями 320 мм и три новейших линкора предвоенной постройки с девятью орудиями калибра 381 мм, представлявших реальную силу в противостоянии с Королевским флотом Великобритании. Скорость итальянских кораблей не уступала английским, но, как показало ближайшее будущее, этого противостояния на море так и не произошло по совокупности причин, начиная от недостатка топлива и кончая отсутствием необходимого взаимодействия с другими подразделениями вооруженных сил фашистского королевства, включая авиацию.

Решающую роль в событиях на Средиземноморском ТВД сыграли, однако, авианосцы, которыми располагала только Англия, именно им-то в обороне Мальты принадлежала определяющая роль. Важно, что радиус действия самолетов той поры не позволял использовать авиацию с удаленных баз, причем среди государств,

столкнувшихся в своих интересах в этой акватории, только Великобритания (по крайней мере до вступления в войну Соединенных Штатов) располагала на Средиземноморье этим классом боевых кораблей. При этом на востоке Средиземноморского ТВД они использовались для атак не только вражеских кораблей, но и для нападения даже на главную базу флота в Таранто, а на западе – для регулярного снабжения Мальты самолетами для прикрытия архипелага с воздуха. Для этого авианосцы приближались к острову на расстояние в несколько сот миль, затем выпускали самолеты (обычно истребители или торпедоносцы) в свободный полет, с тем чтобы в дальнейшем они самостоятельно садились на сухопутные аэродромы этого острова. Каждый подобный рейс очередного авианосца, в зависимости от типа самолетов, позволял доставить несколько десятков таких машин. При этом линкоры, регулярно участвовавшие в таких конвоях, уже не сокрушали огнем вражескую мощь кораблей аналогичного класса, а лишь играли роль охраны, нередко от нападения с воздуха. Такое использование линкоров в конвойных операциях свидетельствовало о кризисных явлениях стратегии морской войны на начальных стадиях Второй мировой. В целом роль линейного корабля в условиях Средиземноморского театра оказалось достаточно ограниченной и, соответственно, основные потери они понесли не от своих собратьев под зелено-красно-белым итальянским триколором, а от подводных лодок и авиации. Что касается их сравнительных качеств, то английские превосходили итальянские по броневой защите и калибру орудий, а итальянские оказались более быстроходными. Традиционно английские боевые корабли отличались слаженностью и тренированностью своих экипажей, поскольку по сравнению с противником больше времени проводили в море.

Из британских авианосцев наибольшая нагрузка выпала на «Арк Роял», который в первые два года отличился в доставке самолетов из Гибралтара на Мальту. Обладая солидным водоизмещением (полное до 22 тыс. тонн) он нес до 48 самолетов (в транспортном варианте до 72) и огромным экипажем в 1600 моряков, авиационных специалистов и пилотов, развивая скорость до 31 узла. Примерно такими же характеристиками отличался авианосец с бронированной палубой «Илластриес», базировавшийся на Александрию. Первоначально авианосцы несли тихоходные, но маневренные бипланы «Свордфиш»,

использовавшиеся в качестве торпедоносцев, позднее авианосцы доставляли на Мальту в основном истребители «Харрикейн» и «Спитфайр», защищавшие остров от атак немецких истребителей «Мессершмитт-109» и пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» и «Юнкерс-88», не считая некоторых других типов.

Английские бипланы «Свордфиш», с мотором около 700 л.с., прозванные на флоте «авоськами» за старомодный вид и перкаль, обтягивающий металлический набор фюзеляжа, с экипажем из двух человек – пилота и штурмана, проявили себя при торпедировании трех итальянских линкоров в гавани Таранто в ноябре 1940 года и атаке «Бисмарка» в мае 1941 года, закончившейся повреждением рулевого устройства, что в конечном итоге и привело к гибели красы и гордости кригсмарине уже в первом и единственном походе. Внешне «Свордфиш» во многом напоминал наш У-2, и позднее в качестве торпедоносца был заменен более современными воздушными машинами, но свою роль в обороне Мальты он выполнил с честью, хотя непосредственно остров защищали истребители «харрикейны» и «спитфайры», отлично проявившие себя в Битве за Англию в 1940–1941 годах.

Основными врагами суперкораблей, какими заявили себя на будущее авианосцы, на Средиземном море оказались не вражеские авианосцы (как на других ТВД), а подводные лодки и авиация противника, особенно немецкие, экипажи которых по сравнению с итальянскими отличались упорством и настойчивостью. Как ни странно, итальянцы обзавелись торпедоносной авиацией только после урока, полученного от англичан в ноябре 1940 года в Таранто. Больше того, итальянская авиация не готовилась к войне на море, руководствуясь слишком общими соображениям по поддержке вооруженных сил вообще. Флот в лучшем случае мог рассчитывать лишь на поддержку разведывательной авиации, в том случае, если она не была занята какими-то иными целями.

Отличия в использовании подводных лодок у итальянцев и немцев были похожи на те же, что и в авиации. Правда, огромное количество итальянских субмарин (свыше сотни) поначалу озадачило англичан, но вскоре они убедились в их низком качестве и слабой подготовленности экипажей, так что на долю итальянцев на Средиземноморском ТВД пришлось немного побед, тогда как

немецкие «семерки» утопили два авианосца («Арк Роял» и «Игл») и один линкор («Бархэм»), что само по себе показательно.

Что касается английских подводных лодок, базировавшихся на Мальту, то им досталась большая работа на морских транспортных коммуникациях, связывающих итальянский «сапог» с Ливией, где разворачивались бои на суше под начальством сначала маршала Грациани, а затем при участии немецкого африканского корпуса Э. Роммеля. В конечном счете англичане выиграли борьбу на морских коммуникациях, на что потребовалось почти три года, при участии преимущественно малых подводных лодок, более подходящих для условий мелководья. В то же время более крупные субмарины под флагом Святого Георга в условиях плотной вражеской блокады самой Мальты нередко использовались в качестве транспортных, порой в виде подводных танкеров.

При описании военных событий 1940–1945 годов на Средиземноморском ТВД нельзя обойти проблему использования малых подводных лодок или минисубмарин из специального подразделения князя Боргезе итальянского флота, заслужившего зловещую славу. Благодаря своей скрытности они могли незаметно проникать в охраняемые базы, устанавливая заряды на подводной части намеченных кораблей с последующим подрывом с использованием часового механизма. Они впервые были задействованы итальянской стороной при атаке главной базы британского Средиземноморского флота в Александрии в декабре 1942 года, когда их жертвами оказались линкоры «Куин Элизабет» и «Вэлиент», вышедшие из строя на полгода.

Итальянцы порой успешно использовали, особенно в узкости Сицилийского пролива, торпедные катера. Попытка задействовать взрывающиеся катера при атаке стоянок боевых кораблей в Гранд-Харборе на самой Мальте не принесла итальянцам успеха. Таким образом, вторая осада Мальты в 1940–1943 годах отличалась многообразием использованных типов боевых кораблей, а также самолетов морской авиации, причем отдельные типы кораблей и судов использовались впервые, не считая некоторых особо наукоемких технических средств вроде радиолокации, гидролокаторов, самонаводящихся торпед или шнорхеля.

Многое зависело, разумеется, от командного состава, определявшего тактику и стратегию использования описанных кораблей с самой новейшей техникой. Ко Второй мировой дредноуты Первой мировой устарели настолько, что потребовали замены новейшими авианосцами, не считая того, что авиация стала самостоятельной частью флотов, действуя как с палуб кораблей, так и с сухопутных аэродромов. Важно отметить, что высший командный состав флотов прошел свою школу еще в Первую мировую, и к своему назначению на Средиземноморский ТВД уже приобрел определенный опыт на иных театрах Второй мировой. Остановимся лишь на некоторых флотоводцах, без которых в нашей книге невозможно обойтись.

Кэнингхэм Эндрю (1883–1963), центральная фигура в военных событиях на Средиземноморском ТВД, с которым познакомился еще в Первую мировую войну. Во Вторую мировую войну вступил командующим британским Средиземноморским флотом, базирующимся на Александрию, главной целью которого было прикрытие Суэцкого канала. Занимал активную позицию, в отличие от Адмиралтейства, в части ведения военных действий на вверенной ему акватории. Отозван со своего поста в апреле 1942 года для разработки операции Торч (высадка союзников в Марокко и Алжире) и вернулся на прежнюю должность командующего Средиземноморским флотом в феврале 1943 года для ликвидации немецко-итальянской группировки и подготовки высадки союзников в Сицилии и Италии. Успешно противостоял итальянскому флоту, выиграв целый ряд сражений (воздушная атака главной базы в Таранто с потоплением трех итальянских линкоров, разгром крейсерской эскадры противника у мыса Матапан и другие). Наладил четкое взаимодействие с соединением Эйч при обороне Мальты, успешно противостоял итальянским и немецким подводным лодкам. По мнению Д. Эйзенхауэра, это был «адмирал нельсоновского типа. Он считал, что корабли выходят в море, чтобы искать и уничтожить противника. Он неизменно мыслил категориями наступления, а не обороны. Кэнингхэм был энергичен, вынослив, разумен и доступен. Несмотря на свою строгость, он пользовался исключительным уважением личного состава». Советский адмирал Н. Г. Кузнецов скромно заметил, что этот британский адмирал «внешне не был представителем, но за его

плечами имелся огромный опыт». Роскилл, ведущий западный военно-морской историк, весьма высоко оценивает вклад Кэнингхэма в события на востоке Средиземноморского ТВД: «Почти три года (с 1 июня 1939 по 1 апреля 1942) он обучал и руководил своим флотом с непревзойденной энергией и решимостью. За это время он добился безоговорочного превосходства над итальянским флотом. Когда на помощь итальянцам пришли люфтваффе и германские подводные лодки, он воодушевлял свой флот, помогая ему пройти через тяжелейшие испытания... Всё это время флот оказывал максимальную поддержку нашим войскам» (Роскилл. С. 277).

Джеймсу Соммервилю к моменту назначения командующим соединением Эйч было 57 лет, и одна из первых операций, в которой ему предстояло участвовать, была операция «Катапульта», по нейтрализации части флота Виши, базирующегося в Мерс-эл-Кебир вблизи Орана (Алжир), о чем ниже. Позднее часть его соединения участвовала в погоне и потоплении немецкого линкора «Бисмарк» в мае 1941 года. Практически на протяжении всего 1941 года ему предстояло обеспечивать операции по снабжению Мальты, позднее переведен в воды Индийского океана в связи с нападением Японии на британские владения на Дальнем Востоке. Возможно, оценка рядового участника событий достаточно полно отражает причины успеха англичан на Средиземноморском ТВД: «Блестящая штабная работа, великолепная морская выучка, а также точная оценка возможностей итальянского флота позволили адмиралу Кэнингхэму на востоке и адмиралу Соммервилю на западе превратить флот Муссолини из гордости нации в посмешище всего мира» (Дивайн. С. 259).

Филипп Вайан в чине капитана 1-го ранга на линкоре «Родней» принимал активное участие в погоне и потоплении немецкого линкора «Бисмарк» в мае 1941 года. Летом 1941 года он уже в чине контр-адмирала вел переговоры с командующим Северным флотом А. Г. Головки о взаимодействии наших военно-морских сил на Северном ТВД. По свидетельству последнего, «командовал флотилией миноносцев и отличился при освобождении пленных с транспорта “Альтмарк” у побережья Норвегии. Держал он себя грубовато, с подчеркнутой независимостью, говорил громко и отрывисто» (Головки. С. 90). Использовал свой средиземноморский опыт для пополнения авиацией ВВС Северного флота, двумя этапами: на первом

британские авианосцы приближались к зоне действия немецкой авиации с его последующим перелетом на наши сухопутные аэродромы. Один из наиболее активных участников событий на Средиземноморском ТВД.

Харвуд Генри одержал первую крупную победу над кригсмарине с началом Второй мировой войны, когда во главе крейсерской эскадры в составе одного тяжелого и двух легких крейсеров (с орудиями 203 и 152 мм) он успешно атаковал немецкий «карманный линкор» (шесть орудий калибра 280 мм) «Адмирал граф Шпее», заставив его укрыться в Монтевидео, где тот был вынужден был самозатопиться. В деятельности на Средиземноморском ТВД ему везло меньше, как это описано ниже на страницах настоящей книги. По поводу Харвуда справедливым остается замечание одного из наших критиков: «Не всегда хороший командир эскадры становится хорошим командующим флотом» (Предисловие к Роскиллу. С. 12). По мнению автора, однако, этот адмирал скорее оказался жертвой обстоятельств и не смог в полной мере продемонстрировать свои качества в сложившейся обстановке.

В целом итальянский адмиралитет (Бергамини, Яхино, Кампаниони и другие) на Средиземном море во Второй мировой войне отнюдь не продемонстрировал качеств, достойных противостоящему противнику, за исключением Валерио Боргезе, известного под кличкой «Черный князь», с его идеей человеко-торпед, успешно продемонстрировавших свои возможности при атаке британских линкоров «Куин Элизабет» и «Вэлиент» в Александрии в декабре 1942 года.

Из других флотских деятелей той поры по-своему показательна судьба Жан-Луи-Ксавье-Франсуа Дарлана (1881–1942), одной из наиболее противоречивых и спорных фигур морских командующих Второй мировой. Чин контр-адмирала получил в 1929 году, во многом определял строительство и развитие французского флота в предвоенный период, возглавляя в 1936–1939 годах Морской Генеральный штаб, а с 1939 года – главком французского флота. Отличался антианглийскими взглядами. После капитуляции Франции – морской министр в правительстве Виши. В своей деятельности на Средиземноморском ТВД также отличался непоследовательными и противоречивыми действиями, хотя формально перешел на сторону

союзников в ноябре 1942 года в процессе захвата ими Алжира. Убит неизвестными 24 декабря. Более детально его деятельность и оценка личности – ниже на страницах настоящей книги.

Годфруа – командующий французской эскадрой (флагман линкор «Лоррен», три тяжелых крейсера, один легкий), еще до операции «Катапульта» базировавшейся на Александрию вместе с англичанами. Благодаря тому, что адмиралы Годфруа и Кэнингхэм нашли общий язык, перечисленные корабли избежали участи своих собратьев в Мерс-эль-Кебире и Тулоне (см. ниже), и с декабря 1942 года присоединились к союзникам в составе сил Свободной Франции под общим руководством Де Голля, приняв активное участие на завершающей стадии сражений на Средиземном море.

Таким образом, на Средиземноморском ТВД со стороны союзников действовали опытные военные моряки, обладавшие качествами военачальников и широким кругозором, помогавшим им ориентироваться в складывающейся обстановке. Качества итальянского морского руководства в значительной мере снижались безответственностью и недальновидностью политического руководства страны во главе с Муссолини.

Глава 3. Средиземноморский ТВД накануне Второй мировой

В связи с прогрессом в развитии военно-морских сил и политическими изменениями на карте Средиземноморья его реальные требования и возможности выглядели совершенно иначе, чем в эпоху Мальтийского ордена или Наполеоновских войн. Однако волей истории проблема Мальты по-прежнему сохранялась, поскольку архипелаг не изменил своего положения на пересечении коммуникаций уже совсем иных противников.

В 1930–1940 годах в Риме полагали, что в будущей борьбе за «маре nostrum» (наше море), распространявшейся на все Средиземноморье, само положение «итальянского сапога» определяет наступательный характер будущих операций итальянского флота, разумеется, при интенсивной поддержке ВВС, базирующейся на сухопутные аэродромы. При этом флот и авиация должны были действовать независимо друг от друга, подчиняясь разному командованию и действуя на нескольких удаленных друг от друга ТВД от Апеннинского полуострова до Ливии и Эфиопии и Сомали.

Лидер фашистской Италии Б. Муссолини, уже ввязавшись в военные действия в Африке с 1935 года, а потом последовательно участвуя в нападении на Албанию и Грецию в 1939–1940 годах, первоначально планировал начать активное участие в военных действиях не раньше 1942 года. К этому сроку планировалось вступление в строй четырех новых линкоров (из них половина так и осталась недостроенными) водоизмещением свыше 40 тыс. тонн, вооруженных каждый девятью орудиями главного калибра 381 мм и со скоростью хода до 30 узлов, помимо оставшихся в строю после Первой мировой войны четырех единиц не столь мощных кораблей постройки 1910–1913 годов, что в сумме представляло весьма внушительные силы, превосходившие силы вероятного противника Англии и Франции, вместе взятые, на Средиземноморском ТВД.

Реджиа Аэронаутика (итальянские ВВС) насчитывали до 3100 самолетов, не считая 280 устаревших одномоторных гидросамолетов и еще 20 единиц корабельного базирования, приспособленных для

взлета с катапульты. Серьезным недостатком итальянской авиации было отсутствие в ней самолетов-торпедоносцев, которые появились лишь в 1941 году, после урока, полученного итальянскими ВМС от англичан в своей главной базе Таранто на юге Апеннинского полуострова в ноябре 1940 года.

Транспортный флот Италии в 1940–1943 годах, как показали события, смог обеспечить боевые действия 37 дивизий, включая африканский корпус Э. Роммеля, при возрастающем среднемесячном объеме перевозок в Ливию с 37 тыс. тонн грузов летом 1940-го до 74 тыс. тонн в первой половине 1942 года. Наиболее слабым местом итальянского транспортного флота был недостаток жидкого топлива, запасы которого к началу военных действий немного превышали 1,5 млн тонн, поскольку, по мнению Муссолини, война не будет продолжительной. На практике потребность в топливе оказалась значительно выше, порядка 200 тыс. тонн в месяц.

Внимательный читатель отметит, что по сравнению с первой осадой Мальты 1565 года исход операций определялся уже не личной отвагой участников и количеством галер, и напором массы морских солдат, еще не превратившихся в морскую пехоту, а некой особой военно-морской бухгалтерией с подсчетом сил и средств, задействованных в операции, начиная со шкиперского имущества и кончая содержимым секретных сейфов министерств и адмиралтейств. Это помимо реально существующей, но трудно определимой субстанции, названной Толстым «духом войска», присутствующего в определенный исторический момент также и на просторах Мирового океана.

Специалисты отмечают, что «итальянский флот был хорошо построен. Его линейные корабли и крейсера были превосходными, но легкие корабли имели определенные технические недостатки. Из 129 эскадренных миноносцев, находившихся в строю в 1940 году, 65 были водоизмещением по 650 тонн, вооруженные 100-мм пушками, и только 64 корабля водоизмещением от 1000 до 1700 тонн были вооружены 120 мм орудиями» (Баржо. С. 65). Однако торпедные катера итальянцев показали себя серьезным противником в 1941–1942 годах вблизи побережья и в узкостях, характерных для акваторий вокруг Мальты.

Захват Мальты планировался в итальянских штабах еще до вступления Италии в войну на стороне Германии летом 1940 года,

причем ведущая роль в этой операции отводилась авиации. В дальнейшем эти планы неоднократно подвергались корректировке уже непосредственно в ходе военных действий, так что какое-то время Мальта даже оказалась в стороне от главных событий Второй мировой на Средиземноморье. Но с «духом войска» у итальянцев традиционно дело обстояло плохо, что отмечают большинство источников, нередко объясняя это попыткой заменить его «духом фашизма» в варианте Муссолини.

Возвращаясь в своих воспоминаниях к событиям того времени, артиллерийский офицер с британского эсминца «Файрдрейк» А. Д. Дивайн, несомненно обладавший образным мышлением, так представил свой ТВД, где оперировал его корабль: «Средиземное море состоит из двух больших бассейнов, разделенных посередине длинным языком Апеннинского полуострова. С точки зрения стратегии о такой позиции можно только мечтать. Отечественные воды Муссолини находились в самом центре театра. Он имел отлично защищенный проход из западного бассейна в восточный в виде Мессинского пролива. Он имел прекрасные военно-морские базы, расположенные в центре моря... Он располагал многочисленными вспомогательными авиабазами на Сицилии и Сардинии...

...Существовало два прохода с запада на восток: первый узкий пролив между Сицилией и собственно Италией. Пользоваться им во время войны было просто немыслимо. Второй, более широкий, отделял Сицилию от Африканского континента... На бумаге задача Муссолини выглядела до смешного просто. Он имел пролив шириной 90 миль... У него было достаточно подводных лодок, более чем достаточно торпедных катеров, у него в избытке имелись эсминцы, он располагал крейсерами, чтобы поддерживать эти эсминцы. В качестве основы любой операции могли выступить шесть линейных кораблей. У него была авиация для поддержки действий флота. Казалось бы, что у него в руках абсолютно все козыри...

В качестве противовеса мы имели на Средиземном море три базы. Одна из них, Мальта, находилась в конце Сицилийского пролива. Две остальные базы закрывали западные и восточные ворота, ведущие в то внутреннее море: Гибралтар и Александрия. Гибралтар находился в тысяче миль от Мальты. Мальта – в тысяче миль от Суэцкого канала...

Мальту от сицилийского берега отделяло всего 40 миль и 50 миль от ближайшего итальянского аэродрома» (Дивайн. С. 257–259).

Таким образом, для Великобритании Средиземное море вместе с Суэцким каналом было частью единой морской коммуникации, соединявшей различные части Британской империи в одно целое в ходе Второй мировой войны 1939–1945 годов. Для сохранения этой коммуникации англичанам даже пришлось пойти на уничтожение части французского флота, совсем недавно своего союзника в противостоянии флоту Муссолини с его идеей «маре нострум», о чем подробнее пойдет речь ниже.

За четыреста прошедших лет со времени первой осады Мальты 1565 года изменилась карта Средиземного моря, изменилось оружие противостоящих держав, появились его новые виды, не существовавшие прежде: например, авиация, обычные подводные лодки и даже мини-подлодки для специальных диверсий и т. д. С военной точки зрения изменилось буквально всё оружие. Неизменным осталось лишь значение Мальты на Средиземноморском ТВД! Так возник из мрака столетий своеобразный одновременно исторический и военно-морской феномен Мальты, с которым ведущим державам, участникам битвы за Средиземное море в условиях Второй мировой войны предстояло разбираться на всем пространстве его акватории, совсем как четыре века назад. Значение Мальты в сложившейся ситуации подтверждают все заинтересованные стороны.

Так, У. Черчилль прямо утверждал, что стратегическое значение Мальты никогда еще не было так велико, как во время последней войны» (Черчилль. Т. 2. С. 35). Не отрицая реального вклада этого выдающегося политика в победу союзников во Второй мировой войне, всё же отметим, что он не придумал ничего нового по сравнению со своим предшественником Уильямом Питом (старшим) в части периферийной стратегии (нам ли в России этого не знать!), что полностью относится и к событиям на Мальте. В этом ему вторит С. У. Роскилл: «Единственным вариантом оставалось использование Мальты, господствующей над узкостями» (Роскилл. С. 136). Понятно, что особое значение придавали захвату Мальты немцы, союзники итальянцев. Роммель поставил вопрос об этом еще до своего отъезда в Африку, возвращаясь к этой идее позднее, например, 19 июля 1941 года: «Я продолжаю считать, что проблема Мальты должна быть

решена безотлагательно». Спустя полгода адмирал Редер, командующий кригсмарине, настаивал: «Необходимо как можно скорее захватить Мальту» (Баржо. С. 71) и т. д. и т. п.

Прежде чем обратиться непосредственно к батальям вокруг крохотного архипелага на перекрестке морских путей Средиземного моря, отметим преобладающее направление военных усилий из Италии на Африканский континент в связи с необходимостью снабжения итало-немецкой группировки в Ливии, целью которой было стремление перерезать Суэцкий канал, военное значение которого в системе коммуникаций Британской империи в те годы было трудно переоценить. Таким образом, значение Мальты определялась обстоятельствами далеко за ее пределами.

Соотношение сил на Средиземноморском ТВД к моменту их столкновения выглядело следующим образом. Итальянский флот на тот момент мог выставить со своей стороны четыре линкора эпохи Первой мировой (правда, подвергшиеся модернизации), строительство еще двух новых близилось к завершению, семь тяжелых и 15 легких крейсеров, почти 120 эсминцев, столько же подводных лодок, 13 минных заградителей, 14 тральщиков, 73 торпедных катера помимо учебных и вспомогательных судов. Англичане (испытывав на себе удары немецкого подводного флота) не могли оставаться спокойными перед лицом огромной численности итальянских подлодок на Средиземноморском ТВД, превышавшей сотню. Однако как раз эта угроза в значительной мере на будущее оставалась в значительной степени мнимой по совокупности причин как технического, так человеческого плана, прежде всего, из-за плохой подготовки экипажей, особенно командиров, к военным действиям. По сравнению с немецкой итальянская подводная угроза оказалась просто несопоставимой, тем более что в Атлантике и в водах, примыкающих к самой Великобритании, англичане уже получили богатый опыт борьбы с этой опасностью.

Соединенный флот союзников (до падения Франции летом 1940 года) с баз в Гибралтаре и в Александрии в разное время противостоял ему в количестве 8 линкоров (включая устаревшие), нескольких авианосцев, довольно значительного количества крейсеров (тяжелых и легких), а также подводных лодок. Главное техническое преимущество союзников на Средиземноморском ТВД заключалось, однако, в

использовании асдика (гидролокатора) и радиолокатора, а также использовании ВВС флота в борьбе с подводными лодками противника. Однако союзники совсем не были готовы к тому, что англичанам придется сражаться на просторах Средиземноморья не столько с итальянцами, сколько с немцами, причем продолжительное время в одиночестве, без надежного союзника в лице французского флота, который после Дюнкерка и Компьенского соглашения перестал быть таковым, чего лорды Адмиралтейства не могли представить в страшном сне.

Глава 4. Когда бывший союзник становится потенциальным противником

Именно так произошло летом 1940 года с капитуляцией французской армии после Дюнкерка и приходом к власти правительства Виши во главе с престарелым маршалом Петеном, из героя Первой мировой превратившегося во Второй мировой в предателя собственной страны. Его ближайшим помощником в событиях на Средиземном море становился морской министр адмирал Дарлан, роль которого лидер британского военного кабинета охарактеризовал так: «Адмиралу Дарлану стоило отплыть на одном из своих кораблей в любой порт за пределами Франции, чтобы стать хозяином всех французских владений, находящихся вне германского контроля. Он не оказался бы, подобно генералу де Голлю, обладателем лишь непобедимого сердца и окруженного всего небольшим числом близких ему по духу людей. Он увел бы с собой за пределы досягаемости немцев четвертый в мире по значению военно-морской флот, офицеры и матросы которого были лично преданы ему. Поступив так, Дарлан стал бы во главе французского движения Сопротивления, имея мощное оружие в своих руках. Французские золотые запасы в Соединенных Штатах обеспечили бы ему после признания обширные ресурсы. Вся французская империя сплотилась бы вокруг него. Ничто не могло ему помешать стать освободителем Франции» (Черчилль. Т. 2. С. 219–220). Однако, ссылаясь на готовность немцев соблюдать договоренности, достигнутые в Компьене, Дарлан выбрал иной путь.

Его коллега, первый лорд британского Адмиралтейства Г. Александер, пытался вразумить Дарлана, хотя и напрасно: «Торжественные декларации германского правительства... не имеют значения, как все обещания, сделанные ранее Австрии, Чехословакии, Норвегии, Голландии и Бельгии. Вот почему мы настоятельно просим вас продолжать борьбу вместе с нами и направить флот в наши порты». В таких условиях британское правительство принимало решение об операции «Катапульта», которое его глава посчитал как «самое ужасное, противоестественное и мучительное... Но на карту

было поставлено само существование нашего государства и спасение всего нашего дела».

Этим столь непредвиденным событиям первостепенной важности предшествовали на первый взгляд не столь значительные. Еще 29 апреля последовал приказ Адмиралтейства о переносе морских коммуникаций транспортного флота на Александрию из акваторий Средиземного моря в обход Африки с юга вокруг мыса Доброй Надежды. При этом англичанам приходилось считаться с наличием баз флота Муссолини на берегах Красного моря в пределах расположенных там итальянских владений, ликвидация которых вместе с фашистскими кораблями становилась неизбежной. С учетом того, что эти вражеские территории находились в окружении британских, по мнению Адмиралтейства, решение этой проблемы не внушало опасений.

Одновременно последовало усиление британского Средиземноморского флота четырьмя линкорами и авианосцем «Игл», а его командующий адмирал Э. Кэнингхэм перенес свой флаг с Мальты на линкор «Уорспайт», с базированием на Александрию (Египет). Однако главной «его целью было вырвать контроль над центральным бассейном у противника, чтобы сделать невозможной доставку снабжения итальянским войскам в Африке, а также обеспечить морские коммуникации английской армии Нила <...> Географическое положение баз сильно сокращало наши шансы на перехват вражеских конвоев. Также невелика становилась возможность навязать бой вражескому флоту, если он не пожелает этого. Единственным вариантом оставалось использование Мальты, господствовавшей над узостями» (Роскилл. С. 176). В связи с последними свидетельствами напомним читателю, что расстояние между основными базами итальянского флота в Европе и Африке достигало 300 миль, тогда как расстояние до Александрии превышало эту величину примерно вдвое, и даже наличие у Кэнингхэма двух авианосцев («Илластриес» и «Игл») не устраняло этот недостаток, несмотря на уверенность адмирала связать итальянцам руки, чему способствовал также перевод соединения Эйч (командующий адмирал Д. Сомервилл) в Гибралтар.

До Компьюна сходным образом также действовали и французские моряки: с конца апреля 1940 года в ожидании активных действий

Италии французские линкоры «Страсбург» и «Дюнкерк» были переведены в базу Мерс-эль-Кебир (район Орана, Алжир) в сопровождении эсминцев, еще три линкора («Лорень», «Бретань» и «Прованс») стали на якорь в Александрии, хотя два последних позднее также перешли в Мерс-эль-Кебир. Таким образом, общая численность британского флота в это время на Средиземном море составила четыре линкора, один авианосец, семь крейсеров, 22 эсминца и 12 подводных лодок, из которых половина базировалась на Мальту. Казалось бы, союзный флот превосходил флот Муссолини, однако такое соотношение уже в самом ближайшем будущем оказалось нарушенным.

На этом фоне приказ британского Адмиралтейства досматривать все итальянские суда начиная с 23 мая в поисках военной контрабанды стал событием второго порядка, но вызвал ответные меры Муссолини, который с 6 июня объявил воды за пределами 12-мильной прибрежной зоны опасными для плавания. В полночь с 11 на 12 июня Италия объявила войну Англии и Франции. Она сделала это, дождавшись окончательного поражения Франции и эвакуации войск союзников из Дюнкерка, опасаясь при победе Германии остаться без трофеев. Обычный артиллерийский офицер с одного из рядовых эсминцев нашел достойное определение для такого деяния: «Именно здесь Муссолини продемонстрировал свою шакалью натуру» (Дивайн. С. 261). Рядовой боевой офицер мог позволить себе образные сравнения, в отличие от дипломатов.

Но перед британским правительством во главе с Черчиллем после капитуляции Франции в Компьене и прихода к власти правительства Виши во весь рост встала перспектива перехода флота бывшего союзника под контроль Гитлера, что создавало совершенно новую обстановку. Требовалось найти немедленный ответ самым решительным и бескомпромиссным образом. Так в недрах Адмиралтейства родился план «Катапульта», текст которого, выдержанный в самой ультимативной форме, был вручен командующему французскими кораблями в Мерс-эль-Кебуре 3 июля 1940 года адмиралу Жансулю:

«А. Идти с нами и продолжать сражаться против Германии и Италии.

Б. Направиться под нашим контролем в один из английских портов, имея на борту экипажи уменьшенного состава...

В. В противном случае, если Вы считаете себя обязанным поставить условие, что Ваши корабли не должны использоваться против Германии или Италии, так как это нарушило бы перемирие, пусть Ваши корабли с экипажами уменьшенного состава отправятся с нами в какой-либо французский порт в Вест-Индии, например, на Мартинику, где их можно будет разоружить или передать под охрану Соединенных Штатов, где они и останутся в безопасности до конца войны, а их экипажи будут репатриированы.

Если Вы отвергнете эти справедливые предложения, я должен с глубоким прискорбием потребовать, чтобы Вы потопили свои корабли в течении шести часов. И, наконец, если это не будет выполнено, я имею приказ правительства Его Величества применить любую силу, которая может показаться необходимой для того, чтобы Ваши корабли не попали в руки немцев или итальянцев» (Нимиц, Поттер. С. 743).

Наверное, спустя почти столетие одинаково трудно представить, как мог появиться «Германо-советский договор о дружбе» от 28 сентября 1939 года с фашистской Германией, так и обмен залпами бывших союзников на рейде Мерс-эль-Кебира в июле 1940-го, но что было, то было! Вот и приходится ломать голову историкам разных стран под поросячий визг пропагандистов в стане былых союзников и противников. Такова «се ля ви», как говорят французы, хотя и по другому поводу.

О серьезности намерений англичан свидетельствовал состав эскадры под командованием вице-адмирала Соммервила: линкоры «Вэлиент», «Худ» и «Резолюшен», авианосец «Арк Ройял», два крейсера и 11 эсминцев. Французские экипажи находились в боевой готовности, но корабли под парами стояли у причалов, лишённые возможности маневра, тогда как британская эскадра за пределами гавани этой возможностью обладала. Переговоры с Жансулем затянулись, и британский адмирал спустя несколько часов получил следующее подтверждение, не оставлявшее сомнений: «Французские корабли должны либо принять наши условия, либо должны быть потоплены нами до наступления темноты». Этот приказ сделал трагедию неизбежной, и она не заставила себя ждать, хотя большая часть британских командиров считала, что при ином раскладе времени

они могли бы договориться с французским командованием, несмотря на проявленную им первоначальную неуступчивость, в которой сыграла свою роль давняя неприязнь старых противников на море. Примерно в 18.00 командующий британской эскадрой адмирал Сомервилл приказал открыть огонь.

Спустя пятнадцать минут взорвался старый линкор «Бретань», постройки 1913 года, пораженный четырьмя 381-мм снарядами линкора «Резолюшен», от которых детонировали кормовые погреба – на нем погибли 977 моряков, уцелело лишь 145 человек экипажа. Однотипному с ним «Провансу» повезло больше – он получил лишь два попадания 381-мм снарядами, от которых погибли два моряка, и были затоплены кормовые оружейные погреба. Во избежание гибели был посажен на мель своим экипажем другой линкор – «Дюнкерк», также получивший попадания британских снарядов главного калибра, от которых погибли 56 моряков. Чуть позже он получил дополнительные повреждения при атаке торпедоносцев «Свордфиш». Пяти эсминцам и линкору «Страсбур» удалось вырваться из бухты и добраться до Тулона.

В ответ правительство Виши провело весьма слабыми силами бомбардировку Гибралтара, разорвало дипломатические отношения с Лондоном, но объявлять войну бывшему союзнику не стало, понимая, что не получит поддержки в собственном народе. «Чрезвычайно дорогой ценой Англия гарантировала себя от возможного использования противником значительной части французского флота. Риск был колоссальный. Чем бы всё кончилось, если бы англичане не пошли на него – неизвестно» (Нимиц, Поттер. С. 76). В том же духе высказывается и сам Черчилль, взваливший на свои плечи ответственность за это рискованное и непопулярное решение, предельно четко высказался по поводу операции «Катапульта»: «Англия нанесла жестокий удар по своим лучшим вчерашним друзьям и обеспечила себе временное господство на море. Стало ясно, что английский военный кабинет ничего не страшится и ни перед чем не остановится. Так оно и было» (Черчилль. Т. 1. С. 407).

Важно, что оно было правильно понято рядовыми моряками. Не случайно по поводу «Катапульта» замечание одного из участников событий на Средиземноморье лета 1940 года: «Оран и Дакар – это не те операции, которыми нам следует гордиться. Они никогда не будут

вписаны золотыми буквами в книгу славы Королевского флота. Однако они были необходимы, более того – неизбежны. Эти операции следовало провести. Однако с любой точки зрения они были горестными для нас» (Дивайн. С. 263). Такая точка зрения морского офицера, вынесшего на своих плечах тяжесть событий, гораздо более заслуживает уважения, чем словопрения послевоенных деятелей пропаганды, активно выступающих по принципу «и мы пахали!».

К счастью, события в Александрии пошли по другому пути, хотя от Дарлана Р. Годфруа получал распоряжения того же характера, что и Жансульт в Мерс-эль-Кебире. Уже зная о событиях в Мерс-эль-Кебире, Годфруа получил распоряжение из столицы: «Немедленно сниматься с якоря. При необходимости примените силу». Однако повторение Абукира не устраивало французского адмирала. С французских кораблей было слито горючее, замки с орудий были сданы на хранение во французское консульство в Каире, желающие из экипажей получили возможность вернуться во Францию. На кораблях были оставлены все средства ПВО. Таким образом, был найден выход из достаточно сложного положения, когда чувствительные к правилам воинской чести французы (совсем не горевшие желанием сражаться вместе с немцами против англичан) получили возможность выбора на будущее.

Со своей стороны с объявлением войны итальянцы потеряли 130 000 тонн торгового флота, который нужен был им для перевозок мимо Мальты в Ливию. Эти суда, оказавшиеся в портах, контролируемых англичанами, были интернированы. Правда, первая потеря в боевых кораблях произошла у англичан – итальянская подводная лодка потопила легкий крейсер «Калипсо» южнее Крита. Разумеется, потеря боевого корабля означает существенное поражение, однако по своим последствиям эти потери оказались несопоставимыми.

Тем не менее такой разворот событий для британского Адмиралтейства не снял серьезные сомнения в возможности удержать Мальту в ближайшие месяцы, тем более что существовавшая к тому времени оборона острова оказалась не просто слабой. Предназначенные первоначально для Мальты самолеты и орудия теперь приходилось использовать совсем в других местах, прежде всего в воздушной Битве за Англию. Близость Мальты к итальянскому побережью заведомо обрекала ее на удары авиации противника, но, с

другой стороны, позволяла держать под контролем итальянские коммуникации в направлении Ливии.

Не случайно первыми оценили значение Мальты сами итальянцы, обрушившие в течение июля тридцать шесть налетов своих ВВС на ее военные и гражданские объекты. Англичанам в срочном порядке пришлось эвакуировать семьи военнослужащих и другое гражданское население, в основном на базы в Египте. Дальше хуже – пришлось выводить и свои подводные лодки. Такое начало не сулило Мальте на будущее пока ничего героического.

Обеспечивая эти сугубо оборонительные мероприятия, английский флот под командованием адмирала Э. Кэнингхэма впервые столкнулся 8 июля у Калабрии с кораблями итальянского флота (два линкора, 6 тяжелых и 12 легких крейсеров, 15 эсминцев, главнокомандующий адмирал Кампиони), возвращавшимися от берегов Ливии. После этого столкновения англичане наглядно убедились в справедливости русской поговорки «не так страшен черт, как его малюют».

Хотя успех англичан был ограниченным, он позволил покинуть Мальту сразу двум конвоям на Александрию, включая тот, что доставил эвакуируемых с Мальты женщин и детей. Это дало ценный опыт на будущее, тем более что Кампиони не использовал преимущества своей эскадры в огневой мощи. Одновременно стало ясно, что при равенстве сил итальянцы будут избегать боя, что и подтвердили последующие события (сражения у мысов Спартивенто и Спадо, и ряд других). В бою у берегов южной Калабрии 8–9 июля англичане лишний раз убедились в скверной подготовке итальянских авиаторов, когда те отбомбились по собственным кораблям, правда, не попав ни в один из них.

Чтобы удержать Мальту в своих руках, англичанам предстояло опираться на Гибралтар на западе Средиземного моря и Александрию на востоке, что можно было сделать с широким использованием авианосцев. Уже только это обстоятельство отводило Мальте важнейшую роль из-за ее стратегического положения на путях снабжения итальянских войск в Ливии. Сложилась ситуация, когда роль Мальты в одинаковой степени определяла судьбу войны для обеих сторон – по крайней мере до нападения Германии на Советский Союз в 1941 году.

Это показали события в Ливии, где итальянцы сгоряча предприняли дерзкое наступление в направлении Суэцкого канала, что позволило англичанам лучше оценить боевые качества своего противника на суше, а также собственные возможности в условиях зависимости армейских подразделений на суше от их снабжения морем. Что в морских просторах, что в Ливийской пустыне вооруженные силы Муссолини продемонстрировали одинаковые качества. Правда, на первом этапе своего наступления за неделю итальянцы значительно продвинулись от исходных позиций, захватив портовый город Сиди-Баррани, одновременно подставив левый фланг своих войск под артиллерийские и авиационные удары английского флота. Одновременно выяснились ограниченные возможности британских подводных лодок в условиях прибрежного мелководья. Определенно перед авиацией открывались широкие возможности, но как раз ее и так не хватало на Мальте из-за битвы за Англию, которая, как известно, проходила в воздухе. Она-то и позволила итальянцам перебросить из своих портов в Ливию только до конца года 700 000 тонн военных грузов, не потеряв ни одного транспорта.

Определенно из создавшегося положения надо было делать выводы и Адмиралтейству, и Комитету начальников штабов, и правительству во главе с Черчиллем. Много позже он изложил свою точку зрения следующим образом: «Адмиралтейство с глубокой тревогой взирало на тот риск, которому подвергались наши корабли в Средиземном море, и у него был большой соблазн избрать строго оборонительную тактику в Гибралтаре и Александрии. Я, напротив, не мог понять, почему большое число кораблей, сосредоточенных в Средиземном море, не должно было с самого начала играть активную роль. Мальту надо было укрепить, как авиаэскадрильями, так и войсками. Хотя всякое коммерческое судоходство было прекращено, а это я считаю совершенно правильным, и все крупные переброски войск в Египет производились вокруг мыса Доброй Надежды, я не мог согласиться с полным закрытием этого внутреннего моря. Я даже надеялся, что, организовав несколько специальных караванов, мы сможем вызвать на бой итальянский флот и даже померяться с ним силами. Я рассчитывал, что сделать это и обеспечить Мальту надлежащим гарнизоном, самолетами и зенитными орудиями удастся до появления немцев на этом театре военных действий, чего я уже

тогда опасался» (Черчилль. Т. 1. С. 497). Прозорлив был это мудрый англичанин, в отличие от Муссолини, несмотря даже на известное пристрастие к сигарам и коньяку... Как мы видим на примере того же Нельсона, некоторые жизненные слабости выдающихся людей позволяют им оставаться на уровне в других отношениях: очевидно, Черчилль и Нельсон были из одной породы, хотя каждый по-своему.

На востоке Средиземноморья английскому флоту, базировавшемуся на Александрию (командующий адмирал Э. Кэнингхэм), поручалось уничтожение итальянских сил на этом ТВД. На западе специальное военно-морское соединение Н (Эйч) под командованием адмирала Сомервилля, контролируя вход в Средиземное море, одновременно должно было наносить удары непосредственно по самой Италии, а также, по мере необходимости, привлекаться для операций в Атлантике. В его состав первоначально входили линкоры «Худ», «Резолюшен», «Вэлиент», авианосец «Арк Роял», два крейсера и одиннадцать эсминцев – уже известные читателю корабли, «покрывшие себя неуязвимой славой» в Мерс-эль-Кебире: увы, война, как продолжение политики, не всегда гарантирует ее участникам славу и восхищение читателей на страницах истории.

Флот Кэнингхэма вышел из Александрии тремя группами: авангард в составе пяти легких крейсеров (командующий Д. Тови) и флотилией эсминцев, за ним следовал флагман «Уорспайт» в окружении пяти эсминцев и, наконец, главные силы с двумя старыми линкорами – «Малайя» и «Ройял Северин», авианосец «Игл» с 19 самолетами, в сопровождении 10 эсминцев. В операции принимала участие ударная группа Эйч из Гибралтара (командующий адмирал Сомервилл) с целью отвлечения сил противника. На пересечку им из Бенгази возвращались солидные силы итальянского флота (командующий адмирал И. Кампиони) в составе двух линкоров («Джулио Чезаре» и «Конте ди Кавур»), шести тяжелых и 12 легких крейсеров, помимо 24 эсминцев, поскольку итальянский командующий предвидел попытку перехвата противником при возвращении. Казалось, столкновения сторон избежать невозможно, тем более что воздушная разведка противников вовремя предупредила своих о складывающейся обстановке, что позволило итальянцам усилить свой корабли дивизионом крейсеров и такими же силами эсминцев.

Преимуществом итальянцев (включая поддержку авиацией) оказалась близость к базам, и, чтобы помешать этому, самолеты с «Игла» предприняли неудачную попытку торпедировать противника. Во второй половине дня 9 июля с крейсера «Нептун», флагмана Тови, увидели корабли итальянцев и вскоре были ими обстреляны. Приближение Кэнингхэма заставило итальянцев отступить, причем «Джулио Чезаре» в этом боестолкновении получил попадание 381-мм снаряда в районе первой трубы. Опасаясь за его судьбу, Кампаниони, поставив дымовую завесу, одновременно приказал своим эсминцам атаковать англичан, что привело к расстройству их боевого строя. Приблизившись к итальянскому побережью на 25 миль, Кэнингхэм повернул обратно к своему конвою, идущему с Мальты, чем отвлек на себя итальянские самолеты. По сути, это боестолкновение закончилось вничью, и все же проиграли в нем итальянцы, продемонстрировавшие стремление избежать боя при каждом удобном случае. Как и их авиаторы, отбомбившиеся по собственным кораблям, к счастью, не добившись ни одного попадания. Определенно англичане имели основания весьма снисходительно оценить достоинства противника, хотя и сами продемонстрировали в целом ряде случаев отсутствие опыта.

Кроме того, в значительной мере по итогам этого первого боя Кэнингхэм предпринял целый ряд мер организационного характера, которые уже в обозримом будущем принесли ему успех. В частности, он потребовал у Адмиралтейства замены старых линкоров типа «Ройял Соверин» более быстроходными типа типа «Куин Элизабет», один из которых – «Вэлиент» – имел радиолокационную установку, новинку по тем временам. Уже от одного этого возможности его сил значительно повысились, тем более, что противник пока еще не имел радаров. Одновременно Кэнингхэм убедился в роли авианосцев, которым предстояло сыграть свою роль уже спустя два месяца. Соответственно, в помощь слабосильному «Иглу» (всего-то девятнадцать самолетов) он добился передачи ему «Илластриаса» с его бронированной палубой, позволявшему смело действовать у вражеского побережья.

Тем самым на первое время выходили мероприятия по усилению обороны Мальты в процессе операции «Хэтс», которую Черчилль описал следующим образом: «Операция Хэтс была проведена успешно и без потерь между 30 августа и 5 сентября. Адмирал Кэнингхэм

вышел из Александрии 30 августа, вечером 31-го его самолеты сообщили о приближении вражеского соединения в составе двух линкоров и семи крейсеров. Появилась надежда на то, что завяжется бой; но итальянцы, очевидно, избегали неприятностей, и ничего не произошло. Вечером следующего дня наши самолеты снова обнаружили противника, который теперь отходил к Таранто. С этого момента корабли Кэнингхэма двигались совершенно свободно к востоку и югу от Мальты и вражеская авиация не особенно им досаждала. Караван благополучно достиг Мальты, только один корабль получил повреждение во время воздушного налета. Тем временем подкрепления, включавшие “Вэлиент”... авианосец “Илластриес” и два крейсера ПВО в сопровождении соединения Эйч адмирала Сомервилла, приближались со стороны Гибралтара. “Вэлиент” и крейсера беспрепятственно выгрузили крайне необходимые орудия и боеприпасы на Мальте и 3 сентября присоединились к силам адмирала Кэнингхэма... Отряд адмирала Сомервилла без всяких помех вернулся в Гибралтар» (Черчилль. Т. 2. С. 498).

Мальта вовремя получила всё необходимое, чтобы выстоять в обозримом будущем на фоне следующих важных обстоятельств: во-первых, англичане не предвидели масштабов применения авиации противником, и, во-вторых, в это время происходила воздушная битва за Англию, до завершения которой было еще далеко. В этой ситуации направлять средства ПВО, в которых отчаянно нуждалась метрополия, на другие удаленные объекты было совсем непросто. «Мучительно было также отнимать у английских городов, подвергавшимся бомбардировкам, у важнейших портов и военных заводов зенитные орудия и снаряды, необходимые для их защиты... и посылать их с огромным риском на Мальту» (Черчилль. Т. 1. С. 499). В этом отношении рискованные действия Черчилля и его предшественника де Валетта были схожи в выборе главного стратегического звена, что само по себе во все времена было непростым делом.

В августе произошли события в местах, весьма далеких от Мальты и Средиземноморья, но которые со временем докатились и до них: Соединенные Штаты в обмен на базы в Вест-Индии и на Бермудах (то есть в местах, представляющих интерес для обороны для них самих) согласились передать англичанам 50 эсминцев постройки времен Первой мировой. Тем самым Соединенные Штаты

продемонстрировали очевидный отказ от бывшего нейтралитета, но Гитлер был явно не готов объявить им войну. Но прошло еще много времени, прежде чем «звезды и полосы» во всей красе осенили собой просторы Средиземноморья. Но уже в декабре президент Рузвельт выступил с идеей ленд-лиза, что для участников Второй мировой имело не меньшее значение.

Сентябрь принес определенные осложнения обстановке в Северной Африке, в связи с наступлением маршала Грациани, в результате которого ему удалось продвинуться до городка Сиди-Баррани, одновременно подставив свой левый фланг под артиллерийские удары англичан с моря. Правда, у британских подлодок были ограниченные возможности в условиях мелководья. Однако это оказался поправимый недостаток. Тем не менее всего за вторую половину 1940 года итальянцы доставили в Африку до 700 тыс. тонн грузов, не потеряв ни одного транспорта, с чем англичане, разумеется, не могли смириться, и что было учтено ими в ближайшее время в полной мере. Что касается суши, то там военные успехи воинства Муссолини оказались вполне под стать тем, что они продемонстрировали на море.

Для усиления обороны Мальты от воздушного противника потребовалось усиление ПВО не только зенитными орудиями, но и новыми самолетами типа «Харрикейн» и «Спитфайр», которые доставлялись авианосцами из Гибралтара. На некотором расстоянии от острова они выпускали свой «груз» в небо, и дальше, добравшись по назначению, эти самолеты уже садились на отведенные им ВПП на острове. Первую операцию такого рода выполнил авианосец «Аргус» в начале августа 1940 года – еще одно новшество, продемонстрированное англичанами, когда приходилось учитывать множество обстоятельств, которые не всегда можно было предвидеть. Первый опыт, однако, оказался успешным, тем более что на Мальте к тому времени оставалось всего три стареньких «гладиатора», заслуживших почетные наименования «Вера», «Надежда» и «Любовь», не совсем подходящие для суровых военных условий. Правда, с других жизненных позиций, именно они позволяют выжить военному служащему в испытаниях войны.

Внимание немцев к Средиземноморью возрастало по мере того, как перспективы высадки на берега Англии с каждым месяцем

отодвигались всё дальше и дальше. В ноябре 1940 года командующий кригсмарине (германские ВМС) гроссадмирал Эрих Редер поделился с фюрером следующими откровениями: «Англичане всегда рассматривали Средиземное море как центр своей мировой империи... Италия, окруженная британской мощью, быстро становится главным объектом нападения... Итальянцы еще не осознали этой опасности, когда отказывались от нашей помощи... Однако Германия должна вести войну против Великобритании всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, прежде чем Соединенные Штаты окажутся в состоянии эффективно вмешаться... Гибралтар должен быть захвачен. Канарские острова должны быть захвачены... Суэцкий канал должен быть захвачен» (Ширер. Т. 2. С. 200). В известной мере подобные заявки напоминали речь Ноздрева при демонстрации своих владений Чичикову, хотя в гораздо более мирных условиях. Многократное повторение «должен быть захвачен» наводит на мысль, что командующий кригсмарине испытал повреждение мыслительного аппарата, если бы не аналогичные явления у других представителей гитлеровского руководства, причем с теми же последствиями. Поэтому по истечении времени трудно понять, где в этом высказывании соображения, отвечающие реалиям войны, а где плод воспаленного воображения. Тем более что первые же попытки обзавестись союзниками встретили у кандидатов более чем прохладное отношение.

Так, обсуждение этой проблемы с Франко, без которого был невозможен захват Гибралтара, принесли Гитлеру сплошное разочарование. Каудильо всеми силами, по опыту собственной гражданской войны 1936–1939 годов, старался избежать участия в новом военном конфликте, чем вызвал характерную реакцию главы немецкого дипломатического ведомства: «Неблагодарный трус! Он обязан нам всем, а теперь не хочет присоединиться!» Реакция Петена (опять таки на уровне обещания) внешне выглядела более благоприятной: «Французское правительство будет поддерживать в пределах своих возможностей те меры, которые намерены предпринять державы оси». Но не более того...

Между тем в водах Средиземноморья дела шли своим чередом, пока без особых надежд на будущее, для обеих сторон. Второй рейс «Аргуса», предпринятый в ноябре, привел к трагедии: уже в полете ветер сменился на встречный и из поднявшихся с авианосца

четырнадцать самолетов у девяти не хватило горючего, и доблестные пилоты нашли смерть в море – перемена в погоде оказалась страшнее огневого вражеского противодействия.

Правда, Мальта не ограничивалась только собственной обороной. Когда англичане убедились, что итальянцы старательно избегают боестолкновений, Кэнингхэм принял решение навязать им свое, причем в ситуации, которой они не могли избежать. Лучше всего для этого подходила главная база итальянского флота в Таранто, доступная для самолетов разведчиков с Мальты, которые успешно провели аэрофотосъемку, обнаружив стоявшие в ней на якорях пять линкоров противника. Определенно такого случая нельзя было упускать, и адмирал Кэнингхэм принял верное, хотя и рискованное решение, тем более что это была первая атака с воздуха авианосным соединением с применением торпед на бипланах «Свордфиш». Успешно выполненная атака в ночь с 11 на 12 ноября была произведена самолетами авианосца «Илластриесс» («Игл» из-за механического повреждения не принял участия в этой операции, выделив для нее часть своих самолетов с наиболее опытными экипажами).

Авианосец «Илластриес» покинул Александрию 6 ноября и спустя пять дней в сопровождении отряда прикрытия в составе четырех эсминцев и четырех крейсеров в 18 часов 11 ноября прибыл в назначенную точку в 130 километрах к юго-востоку от Таранто, не будучи замеченным итальянской воздушной разведкой. С наступлением темного времени в 20.40 авианосец начал выпускать самолеты, среди которых 11 машин несли торпеды, а 10 – бомбы и специальные осветительные устройства, которые с воды освещали цели и одновременно играли роль маяков при выходе на вражеские корабли. Применение этих средств оправдало себя, тем более, что полная луна и возникшие на берегу пожары освещали вражеские линкоры, которых оказалось шесть вместо пяти. «Свордфиши», вооруженные торпедами, в темноте заходили с берега на малой высоте, чтобы избежать столкновения с аэростатами, прикрывавшими стоянку с моря. В полном смысле цели атак оказались как на ладони, что в значительной степени обеспечило их успех, тем более что огонь зенитных средств носил плотный, но настолько бессистемный характер, что потери в летных экипажах оказались минимальными. Новейший «Литорио» получил три торпеды, «Кавур» – одну-

единственную, которой хватило, чтобы этот корабль уже ни разу не вышел в море. Еще одна поразила «Дуилио».

Проведенная на следующий день аэрофотосъемка показала, что все линкоры затонули на своих стоянках, причем «Литорио» осел носом так, что его винты поднялись над поверхностью воды, а остальные погрузились до верхней палубы. На подъем поврежденных кораблей и последующий ремонт потребовалось полгода. Новое средство войны на море блестяще оправдало себя, так что историк войны на море с полным основанием мог констатировать: «Это был важный вклад в новые способы и методы морской войны. Атака Таранто полностью оправдала веру в авианосные самолеты, как наиболее мощное оружие новой эпохи» (Роскилл. С. 149). Правда, наиболее полные выводы из событий в Таранто сделали японцы, в чем весь мир убедился год спустя на примере Пёрл-Харбора.

У нашего современника при виде скромного биплана «Свордфиш» возникают аналогии с нашим знаменитым У-2, что едва ли справедливо, прежде всего, из-за разной мощности моторов: соответственно 700 и 150 л.с. Глядя на фото британской машины, трудно представить, что этот скромный аэроплан способен был нести торпеду. Способен, и не только нести, что он доказал своим участием в атаке Таранто, но спустя полгода в погоне за «Бисмарком» на просторах Атлантики еще раз продемонстрировав роль авиации в морских сражениях. Очевидно, новые времена требовали новых решений старых проблем в попытке обеспечить господство на море.

Определенно к исходу 1940 года обстановка в Средиземном море изменилась в пользу английского флота, хотя доставка грузов и вооружения в Египет, тем не менее, происходила в обход мыса Доброй Надежды. Но на будущее стало ясно, что необходимо удерживать Мальту во чтобы то ни стало, для чего и продолжалась не просто проводка отдельных конвоев, но взаимодействие сил как с запада (соединением Эйч под командованием адмирала Сомервилла), так и с востока (Средиземноморским флотом под командованием адмирала Кэнингхэма). И убрать препятствие в виде итальянских кораблей (шесть эсминцев, двух торпедных катеров и восьми подводных лодок) из Красного моря, что понадобилось очень скоро.

Одна совместная операция привела 27 ноября к весьма показательному бою у мыса Спартивенто вблизи южной оконечности

острова Сардиния, восприятие которого дается глазами одного из участников, артиллерийского офицера с эсминца «Файрдрэйк». Для понимания складывающейся обстановки лишь отметим, что от соединения Эйч в сражении участвовали линкор «Ринаун», авианосец «Арк Роял», пять крейсеров и девять эсминцев, а от эскадры из Александрии – линкор «Рамилес», крейсера «Бэрвик» и «Ньюкэстль», а также пять эсминцев. Указанные подразделения после встречи должны были обеспечить проводку девяти транспортов на восток, из которых часть предназначалась со своим грузом на Мальту, а остальные – в Александрию. Когда конвой с запада оказался на меридиане острова Гулета, воздушная разведка итальянцев с аэродромов Сардинии обнаружила его присутствие, и адмирал Компаниони во главе сильного соединения (два линкора, пять крейсеров и 12 эсминцев) отправился на пересечку (или, по сухопутному, – на перехват), как ему показалось, своей потенциальной добыче. Дальнейшее описание развития событий приводим глазами англичан с борта одного из эсминцев охранения соединения Эйч, моряки которого были единодушны в своем желании в ожидании встречи, тем более после погрома в Таранто.

«Ровно в полдень мы заметили первый столб дыма, поднимающийся на горизонте, а затем восточнее показалась одиночная мачта. Она находилась прямо к северу от нас. Мы подняли сигнал: “Дым и мачта по пеленгу 00 в 12.03”.

Мы видели мачты итальянского флагмана. Нам не требовалось менять курс или перестраиваться. Мы встретили противника именно там, где рассчитывали его встретить, и он шел нам навстречу... Мы шли навстречу эскадре, в состав которой входили два линкора, в том числе один новейший типа “Литторио”. (По позднейшим сведениям, “Литторио” после побоища в Таранто оказался на грунте, а навстречу англичанам выступал “Витторио Венето”. – В. К.). Другим был линкор типа “Конте ди Кавур”, который закончил капитальную модернизацию накануне войны. Противник имел также 4 тяжелых и 3 легких крейсера и 12 эсминцев.

Мы уступали противнику в количестве, уступали в артиллерийской мощи, и итальянцы шли нам навстречу. Однако я мог видеть, как ведут себя артиллеристы, которые сейчас стояли у орудий, сигнальщики и наблюдатели на мостике, я видел лица офицеров. Все

были рады предстоящему бою, но особого волнения никто не испытывал. Мне приходилось видеть больше возбуждения во время учебных стрельб, когда на кону стоял кубок флотилии!

Мы не могли слышать звук авиационных моторов, но глаза обнаружили самолеты – ведь мы продолжали бдительно следить за морем и воздухом, особенно за разрывами среди туч. И мы увидели, как от одного облака к другому крадутся 11 самолетов. С помощью биноклей мы установили, что это наши собственные самолеты “Свордфиш” с “Арк Ройяла”, которые намеревались атаковать противника торпедами среди бела дня. Самый тихоходный самолет собирался атаковать противника, который его ожидал. Кто-то рядом со мной произнес: “Бедняги!” И всё. Потом другой голос искренне добавил: “Хорошо, что я не летун!” Тучи поглотили торпедоносцы, летевшие в идеальном строю.

Тогда мы перевели бинокли на итальянский флот. Тонкие спички мачт превратились в массивные надстройки, окрашенные в серо-стальной цвет, более светлый, чем наша боевая раскраска. Они ясно выделялись на светлом горизонте. Затем они повернули. Насколько мы могли видеть с мостика “Файрдрейка”, итальянцы шли теперь на восток или чуть-чуть склоняясь к югу. Все ближе и ближе... Голос с КДП (командный дальномерный пункт. – В. К.) передавал дистанцию. Но большие числа означали, что противник находится слишком далеко для наших орудий. Ближе и ближе... Ветер, треплющие наши сигнальные флаги, засвистел более весело. Тонкие призрачные серые струйки, которые вылетали из труб крейсеров, показывали, что они увеличивали свою скорость.

Ближе, ближе... Крейсера открыли огонь! Это произошло в 12.20 по моим часам. Мы увидели облачко коричневого дыма, вырвавшееся из их орудий, мигнули вспышки. А затем ветер донес до нас отдаленный грохот. И тут же далеко на горизонте мы увидели ответные вспышки. Итальянцы тоже открыли ответный огонь. 12.21 – я никогда не забуду тех долгих секунд, которые прошли с момента первого залпа и до падения первых снарядов.

Легкие крейсера шли строем фронта у нас справа по носу и вели огонь. “Бервик” находился еще правее и чуть позади них. Первый итальянский залп лег за кормой наших крейсеров. “Перелет!”

Наши дали еще один залп, и на горизонте выросли белые, искрящиеся на солнце колонны. Наши снаряды накрыли итальянцев. “Бервик” тоже открыл огонь, и глухой грохот 203-мм перекрыл более высокий треск залпов легких крейсеров. А затем за кормой у нас бухнули орудия “Ринауна”, вплетая свой голос в безумный оркестр. “Рэмиллис” тоже начал стрелять. Однако линкор находился слишком далеко позади и отставал всё больше, так как не мог развить необходимую скорость.

Начали стрелять эсминцы. Высокая нота их орудий была заметна на фоне басовитого грохота. Но это было бессмысленно. Между нами и противником встала стена всплесков. Мы не могли достать противника и не могли выполнить главную задачу эсминцев – провести торпедную атаку.

А потом мы увидели, как небо к юго-востоку от итальянской эскадры покрылось коричневыми и белыми клубками, маленькие мячики, похожие на белые головки одуванчиков на летнем лугу. Это вышли в атаку “свордфиши”. Итальянцы тут же поставили огневую завесу, но при этом меткость стрельбы их тяжелых орудий заметно снизилась. Мы не видели никаких попаданий. Мы не видели сбитых самолетов. Мы даже не заметили зловещих следов дыма.

Не было сомнений, что итальянцы бегут на восток. Сначала эсминцы, а потом и крейсера начали ставить дымовую завесу. Тяжелые черные облака потянулись над морем, закрывая всё и вся, лишь где-то в дыму мелькали красные вспышки выстрелов. Над головой у нас со свистом летели снаряды. За кормой поднялись высокие столбы воды. Но мы тут же увидели, как впереди, подобно исполинским деревьям, выросли фонтаны разрывов снарядов “Ринауна”.

Наши крейсера дрались отлично. Они сражались эскадрой, которая действовала, как единое целое. Их маневры были настолько скоординированы, что эскадра напоминала живое существо. И это при том, что “Шеффилд” постоянно действовал в составе соединения Эйч, а остальные корабли только что прибыли из Англии или с востока. “Ньюкасл” вообще только вообще присоединился к нам только сегодня утром. Они не имели времени сплаваться, но великолепный уровень подготовки кораблей Королевского флота позволил им добиться идеальной гармонии. Это было “классно” во всех смыслах этого слова. Они повернули, так как итальянский флот пересек им линию курса,

пытаясь удрать на восток в более безопасные воды. Крейсера пошли на сближение под углом около 45 градусов. Это позволяло им вести огонь из кормовых башен. Они постепенно увеличивали темп стрельбы, но и противник тоже стрелял всё чаще и чаще.

Мы внезапно увидели красную вспышку на “Бервике”, которая не была выстрелом. Одновременно всплески закрыли корму крейсера. Когда столбы воды опали, мы увидели, что за кораблем волочится хвост коричневого дыма. На какой-то момент крейсер словно приостановился, оторвавшись от остальных кораблей. Но затем он вернулся в строй, ведя огонь, но только из трех башен. “Бервик” получил попадание, – сказали мы.

Вдалеке между флотами противников внезапно мы увидели тонкий столб брызг, который не был похож на падение снаряда. Это могло быть... Мы подождали секунду, чтобы удостовериться, что это не перископ. Затем фонтан взлетел еще раз. Между сражающимися эскадрами резвился кит! Мы решили не идти на таран. Бой продолжался. Дистанция сокращалась очень медленно, так как итальянцы сначала повернули на восток, а потом на северо-восток. Они бежали!

“Ринаун” постепенно отставал, так как не мог состязаться в скорости с итальянцами. Его орудия продолжали стрелять. Время от времени мы видели белые столбы воды среди итальянских кораблей. Однако противник уже вышел за пределы эффективной дальности орудий “Ринауна”, хотя они были подняты на предельный угол.

Стрельба постепенно прекратилась, прекратился и свист снарядов у нас над головой. Всплески рядом с нашими кораблями стали реже. Еще один или два залпа легли между легкими крейсерами, но мы находились неподалеку и не заметили никаких повреждений. Зато над итальянской колонной мы увидели белый дым, стелившийся поверх черного. Расчет орудия В разразился радостными криками, заметив это. Он был похож на пар (видимо, это был результат попадания в эсминец “Лансиере”. – В. К.). Сказать это уверенно мы не могли, поэтому оставалось гадать, получил ли кто-то из неприятелей повреждения или нет. Но итальянцы все больше отклонялись к северу, торопясь укрыться среди минных полей. Мы погнались за ними.

“Ринаун” прекратил огонь. Теперь огонь вели только легкие крейсера и “Бервик”. Четыре британских легких крейсера и один

подбитый тяжелый гнали половину итальянского флота в его базы. Это не было похоже на погоню собачьей своры за усталой лисой. Тут вообще не было лисы. Были трусливые морские шакалы.

Мы с мостика только могли следить за происходящим. Боя не было. Итальянский адмирал не попытался бросить свои эсминцы в атаку, чтобы вырвать у нас победу. Мы не могли сражаться на дистанции, которую он выбрал. Мы могли только смотреть. Я в очередной раз спустился вниз, чтобы найти чего-нибудь перекусить. Командир проголодался, хотя было всего лишь время ланча. Я нашел закутанного в асбест содержателя корабельной лавочки на подаче снарядов. Он сидел вместе с санитаром и жарко обсуждал, как мне показалось, женские прелести. Он открыл ради меня свою лавочку, и я ушел, нагруженный бисквитами и шоколадом, который так любили матросы.

Мы на мостике расхватили бинокли и штурманские визиры, чтобы как-нибудь следить за ходом боя. Командир излагал свою теорию относительно итальянцев как нации, не говоря о них как о бойцах. Если мне не изменяет память, мы даже начали обсуждать цветочные клумбы. Бой замирал. Наши легкие крейсера один раз слегка изменили курс, чтобы сбить противнику прицел, но потом продолжили погоню. Стрельба итальянцев стала редкой и беспорядочной. Их дым затянул всю северную половину горизонта. Они уже далеко оторвались от нашего авангарда. Итальянцы имели длинные ноги, и ничто их не могло остановить, даже утерянная честь.

Бой у мыса Спартивенто закончился в 13.20. Прошел всего лишь 1 час и 20 минут с того момента, как мы заметили на севере мачты. Итальянский флот подошел к границе своих минных заграждений, которые прикрывали с юга берега Сардинии и порт Кальяри. Мы не могли рисковать, заходя на мины. Мы гнались за итальянским адмиралом, пока не подошли на 30 миль к их берегам и на 35 миль к их аэродромам. Последнюю фазу этого странного боя вели один тяжелый и четыре легких крейсера. После того как командир крейсерской эскадры приказал прекратить огонь, мы сыграли “Отбой боевой тревоги”.

Бой завершился. Старший помощник спустился из командно-дальномерного поста и кисло заметил: “Теперь мы можем пойти и пожевать сэндвичей с ветчиной”» (Дивайн. 2005. С. 308–313). При

всем риске морского боя, британцы даже не потеряли аппетита! Теряли ли его в руководстве итальянского флота, неизвестно, но череда отставок и перемещений там оказалась весьма внушительной, что мало пошло ему на пользу. По каким причинам адмирал Кампиони не использовал близость своих аэродромов для разведки противника, так и осталось загадкой, хотя всем участникам баталии было ясно, что ситуация на штабных картах совсем не соответствовало тому, что офицеры наблюдали со своих кораблей. Командование эскадрой принял адмирал А. Якино, ранее командовавший крейсерской бригадой.

В процессе описанного сражения корабли из Александрии встретили около 17 часов транспорты и сопровождающее им охранение, чтобы начать их сопровождение по назначению, что и было благополучно осуществлено. По итогам этого боя Адмиралтейство создало специальную комиссию для разбора его итогов, поскольку у некоторых представителей этого учреждения возникли сомнения, в правильности действий адмирала Сомервилла, не пожелавшего подставлять свои корабли под атаки самолетов с аэродромов Сардинии. В своем решении адмирал был полностью оправдан, хотя сама эта затея, по мнению участников операции, оставила у моряков чувство раздражения к проишкам штабников, остававшихся вдали от боя.

Описанное выше сражение у южного побережья Сардинии вблизи мыса Спартивенто примечательно по многим причинам, позволяя сделать целый ряд выводов даже на основе приведенного выше текста артиллериста с эсминца «Файрдрейк». Во-первых, ожидать особой прыти от остатков итальянского флота спустя две недели после погрома в Таранто не приходится, что совершенно ясно. Скорее логично ожидать стремления сохранить то, что осталось, на плаву, что и демонстрировал Кампиони. Тогда возникает вопрос во-вторых: какова была цель броска Кампиони на перехват эскадры из состава соединения Эйч во главе со «старичком» «Рамиллесом» и последующего боя крейсеров во главе с «Бьервиком»? Скорее всего, это была неудачная попытка мести (явно неудавшаяся) за Таранто, предпринятая после передачи транспортов на Мальту и Александрию, сорванная присутствием «Арк Ройяла». Однако здесь сказались отсутствие опытных летных экипажей на авианосце (в отличие от

«Илластриаса» двумя неделями раньше в Таранто), что подтверждается описание двух неудачных воздушных атак самолетов с «Арк Ройяла», приведенных выше. Компаниони просто не ожидал такой результативности после Таранто. Чтобы ее повысить, понадобилось полгода, что пилоты «свордфишей» с «Арк Ройяла» продемонстрировали в атаках на «Бисмарка». Таким образом, итальянский командующий просто не учел того, чего, скорее всего, не мог учесть, что и стало для него причиной осторожности, которая была воспринята англичанами как проявление трусости. Сложное это дело – морская тактика, когда невозможно учесть все обстоятельства, приводящие к победе или поражению, как это показали события у мыса Спартивенто.

Отметим, что атаки «свордфишей» с «Арк Ройяла» выглядят существенно иначе, чем с мостика «Файрдрейка», что следует из следующего описания: «“Арк Ройял” поднял ударную группу из одиннадцати торпедоносцев 810-й эскадрильи, чтобы постараться замедлить итальянскую эскадру... Самолеты растаяли в голубом небе, направляясь к мысу Спартивенто. В 12.20 наши головные корабли открыли огонь по западной группе итальянских крейсеров, но итальянский адмирал приказал им не вступать в бой. Поэтому крейсера прикрылись дымовой завесой и начали отходить к своим линкорам. Перестрелка продолжалась на большой дистанции. В 12.40 итальянские линкоры были замечены торпедоносцами “Арк Ройяла”. Это был один из великолепных, ясных средиземноморских дней. Солнце ярко светило в безоблачном небе, море было гладким, как кусок сатина. Ударная группа имела не больше укрытий, чем пехотный батальон, марширующий по пастбищу... И вот одиннадцать самолетов ползли в этом бескрайнем голубом небе к “Витторио Венето”. Пилоты прорвались сквозь опаляющую завесу зенитного огня и атаковали линкор, заявив, что добились двух попаданий. Стрелки пулеметным огнем перебили иллюминаторы на мостике итальянского флагмана. Но ударная группа была слишком мала, чтобы нанести противнику серьезные повреждения. Они не сумели притормозить итальянцев (а как же попадания двух торпед? – В. К.). Адмирал Сомервилл решил, что не может слишком отрываться от оставленного позади конвоя, особенно потому, что начинался самый опасный отрезок пути. Поэтому в 13.12 он прекратил погоню. Вскоре после этого он получил

сообщение, что поврежденный итальянский крейсер стоит без хода у берегов Сардинии. С “Арк Ройяла” была поднята группа из девяти торпедоносцев с приказом атаковать его, а также остальные корабли отходящей итальянской эскадры. Самолеты не сумели обнаружить поврежденный корабль, однако атаковали остальные крейсера, которые в это время шли на север вдоль побережья Сардинии. Летчики также заявили, что они попали еще в один крейсер, который снизил скорость. После этого все самолеты вернулись на авианосец» (Пулмэн. 1995. С. 137–138).

Сравнивая оба приведенных текста, читатель легко обнаружит в них существенные расхождения как по фактическим событиям, так и по восприятию событий обоими авторами. Однако в главном оба источника дают одинаковую картину – потеря среди отважных «авосек» не было, и не потому, что им не хватало отваги, а потому, что в сочетании со скверной подготовкой итальянских зенитчиков пилотам «свордфишей» самим не доставало опыта. Во многом это определило неясный исход самого боя у Спартивенто, тогда как главная задача английского конвоя была выполнена – он доставил всё, что надо, и на Мальту, и в Александрию.

Для нас важно, что бой у берегов Калабрии на будущее ознаменовал взаимодействие сил Сомервилля и Кэнингхэма в защите Мальты, что требовало взаимопонимания, продемонстрированного с самого начала. К тому времени Муссолини без согласования своих намерений с немцами (которые считали их «прискорбной ошибкой») в полном смысле вляпался в очередную авантюру, напав в последних числах октября на Грецию. Очень быстро он получил там заслуженный отпор, при котором даже утратил часть оккупированной им Албании. Дела в Африке шли настолько плохо, что Гитлеру пришлось срочно оказывать помощь своему легкомысленному союзнику, несмотря на то, что он был по уши занят подготовкой вторжения в СССР по плану «Барбаросса» и дорожил каждым самолетом и танком.

В целом же итоги военных событий на Средиземноморском ТВД 1940 года в полной мере подтвердили роль Мальты на все последующие военные годы. Остров рассматривался в качестве непотопляемого авианосца и незаменимой военной базы на коммуникациях потенциального противника. Однако к этому выводу ее обладатели пришли не сразу, на что им понадобилось значительное

время. Но, уяснив это, англичане с присущим им упорством принялись отстаивать ее, не жалея ни сил, ни средств, что подтверждает статистика потерь вражеских перевозок. В первой половине 1940 года из общего количества перевезенных грузов почти 2 млн 700 тыс. тонн было потеряно только 80 тыс. или 3,4 %. Во второй половине года из 1,7 млн тонн перевезенных на дно пошло почти 400 тыс., или почти четверть всех перевозок, в чем была немалая заслуга Мальты. Это означало, что «наверху» были сделаны правильные выводы о значении архипелага не только в происходящих событиях, но и на будущее.

«Когда 1940 год близился к завершению, стало ясно, – считает Роскилл, – что наши успехи... превысили самые смелые ожидания. Мы полностью оправдись от последствий выхода Франции из войны. Адмиралы Кэнингхэм и Сомервилл господствовали на море. Мальта несколько раз получала подкрепления и возродилась к жизни. Она была лучше подготовлена к осаде. Наши морские и воздушные силы нанесли тяжелые потери итальянскому торговому флоту... Генерал Уэйвелл в Ливии наголову разгромил и практически уничтожил итальянскую армию» (Роскилл. С. 152–153).

Последнее событие, несомненно, показательное, прежде всего по соотношению сил. Войска генерала Арчибальда Уэйвела, общей численностью 31 тыс. солдат, начав наступление 7 декабря, спустя несколько дней захватил в плен уже 38 тысяч «воинов» маршала Грациани. Планируя первоначально всю операцию с ограниченными целями всего на пять суток, после такого достигнутого успеха англичане пошли на запад, заплатив за этот промежуточный успех со своей стороны жизнями 133 погибших, 387 раненых и 55 пропавшими без вести. Что на суше, что на море воюяки Муссолини показали себя одинаково, поэтому вмешательство Гитлера ради избавления союзника от неминуемого краха становилось неизбежным.

В целом для англичан и итальянцев 1940 год на Средиземном море оказался учебным, при определенном преимуществе «царицы морей», продемонстрировавшей в Мерс-эль-Кебире и Таранто готовность действовать самым неожиданным образом, способным привести друзей и врагов одновременно в изумление и восхищение, порой с оттенком сожаления. Однако на войне как на войне, сказали бы на основе своего опыта умудренные французы...

Глава 5. 1941 год. События фокусируются на Мальте

Не реагировать на очевидные и опасные промахи Муссолини Гитлер не мог, с чем и было связано его решение направить в декабре 1940 – январе 1941 года 10-й авиационный корпус в количестве почти 150 самолетов в Сицилию, а в марте в Триполи на западе Ливии прибыли первые дивизии Африканского корпуса Э. Роммеля.

Очевидно, остается справедливым замечание Черчилля, что «германские войска были посланы туда, чтобы предотвратить разгром итальянцев. Когда этот разгром состоялся, а мы были отброшены назад, успех вовсе не побудил германское командование изменить свои планы. Переброска войск через Средиземное море со всеми вытекающими отсюда опасностями, грозившая со стороны подводных лодок и самолетов, базировавшихся на Мальту, была Гитлеру не по душе. Северная Африка должна была всегда оставаться второстепенным театром, поскольку державам оси было труднее, чем союзникам, доставлять туда подкрепления. Не слишком прельщало немцев и сотрудничество с итальянцами на суше, в море и воздухе, которые лишь скрепя сердце соглашались покрывать нехватки Роммеля» (Черчилль. Т. 2. С. 254).

Происходившие изменения сразу почувствовали на Мальте, которая могла противопоставить вражеской армаде всего 15 «харрикейнов». Тем не менее авиация с Мальты 8 января 1941 года атаковала итальянский флот в Неаполе, добившись перевода двух линкоров на более отдаленную базу в Специи, подальше от узла коммуникаций в центре Средиземноморья с их чересчур активной боевой деятельностью, которая, как показали даже первые бои, оказалась не по зубам флоту Муссолини.

К началу нового 1941 года 33 британским самолетам на Мальте противостояли следующие итальянские силы: на Сицилии – 45 бомбардировщиков и 75 истребителей, на Сардинии – 75 бомбардировщиков и 25 истребителей, всего 220 самолетов. В январе 1941 года Гитлер в попытке выручить своего зарвавшегося союзника, терпевшего на Балканах одно поражение за другим, перебросил в

Африку 10-й авиационный корпус в составе 150 бомбардировщиков с опытными экипажами, специально подготовленными для атак по морским целям. Немецкие пилоты, в отличие от итальянских, оказались гораздо упорнее и результативнее в своих атаках, с чем англичане не могли не считаться.

Это обстоятельство в полной мере проявилось в операции «Эссекс», проводившейся совместно соединением Эйч под командованием Сомервилла из Гибралтара и Средиземноморского флота Кэнингхэма из Александрии. Целью этой непростой операции была не только доставка необходимых грузов для обороны Мальты, но и вывод скопившихся там от прежних конвоев пустых транспортов. Встреча обоих соединений, как и планировалась, состоялась в ста милях западнее Мальты. Уже с началом возвращения корабли Кэнингхэма подверглись нападению до сорока немецких пикировщиков с аэродромов Сицилии, причем английские моряки быстро уяснили разницу в подготовке итальянцев и немцев. Последние сосредоточили свои усилия преимущественно на авианосце «Илластриес», как наиболее важном объекте своих атак.

Буквально в течение нескольких минут этот корабль, обладавший бронированной палубой, получил попадания шести крупных бомб (не считая близких разрывов), в значительной мере утратив свои боевые возможности, не считая гибели двухсот моряков. Несмотря на эти потери, авианосец все же добрался до Мальты, где, пройдя необходимый ремонт, только 23 января покинул ее, чтобы спустя двое суток вернуться в Александрию. В дальнейшем продолжил ремонт в Соединенных Штатах, но факт остается фактом – до марта флот Кэнингхэма остался без авианосцев. Жертвами воздушных атак на следующий день стали крейсера «Глостер» и «Саутгемптон», причем последний из-за полученных повреждений пришлось затопить.

С потерей «Илластриеса» потребовалась его замена «Формидейлом», для чего необходимо было освободиться от итальянской «затычки» в Красном море, потому что рисковать еще одним авианосцем Кэнингхэм не собирался. В январе решено было сначала атаковать противника с суши, в основном «цветными» колониальными войсками территорий, расположенных поблизости, – из Судана и Кении, а затем авиацией с авианосца «Игл», торпедоносцы которого потопили два вражеских эсминца, а третий заставили

выброситься на берег. Оставшиеся вражеские корабли были затоплены экипажами или бежали на просторы Индийского океана. В частности, такая участь постигла половину итальянских подлодок, добравшихся до своих баз в Европе. Теперь путь «Формидейблу» был свободен, наравне с транспортами, необходимость в которых сохранялась. Этот тыловой район позднее пригодился союзникам не однажды. Важно, что новый авианосец прибыл вовремя, чтобы принять участие в сражении у мыса Матапан, где его самолеты нанесли сильное повреждение итальянскому линкору «Витторио Венето» и тяжелому крейсеру «Пола», что позднее привело к потоплению трех итальянских крейсеров, сорвав тем самым итальянскую операцию в направлении Греции.

Одновременно до начала февраля продолжалось наступление Уэйвелла, который продолжал теснить противника на запад, захватывая множество пленных (до 130 тысяч) и обильные трофеи – до 1200 орудий и 500 танков. Разумеется, без снабжения флотом продовольствием, боеприпасами и снаряжением подобное было бы невозможно. Освободившись от грузов, транспорты одновременно забирали пленных. Однако с прибытием немецких воздушных и сухопутных сил такое не могло долго продолжаться.

Появление на африканском ТВД люфтваффе, а в марте еще и первых дивизий Африканского корпуса Э. Роммеля быстро изменило обстановку в неблагоприятную для англичан сторону, что подтверждают обе стороны. «Первые три месяца 1941 года, – по мнению С. У. Роскилла, – стали периодом серьезных трудностей, а впереди нас ждали еще более трудные времена» (Роскилл. С. 194). Примерно так же оценивают ситуацию немцы: «С января 1941 года основные усилия немецких ВВС на Средиземном море были сосредоточены на подавлении Мальты. В налетах на нее принимала участие и итальянская авиация, в особенности истребительная. Удары продолжались до мая 1941 года и временно снизили боеспособность английской базы, что обеспечило возможность укрепления итальянского сухопутного фронта в Северной Африке. Туда было переброшено такое количество сил, которое позволило провести в Ливии наступление, правда, с ограниченными целями. Одновременно немецкие ВВС успешно боролись с кораблями английского средиземноморского флота и с конвоями противника» (Греффрат. 1957.

С. 484). Этим замечанием немецкий источник уже отметил эффект будущих событий по плану «Барбаросса», который еще не вступил в действие.

Допустив Роммеля на Африканский материк, англичане были вынуждены считаться с перспективой захвата им Суэцкого канала, и единственный способ помешать этому заключался в том, чтобы перерезать его линии снабжения, которые первоначально начинались из Триполи. С самого начала Роммель обозначил такую возможность, а с другой – продемонстрировал противнику обстоятельства, которые могли помешать в выполнении этого намерения.

Начав наступление на восток 31 марта, уже 4 апреля войска Роммеля овладели важным портом Бенгази на северо-западном выступе Керенаики, 9 апреля взяли Бардию, оставив у себя в тылу порт Тобрук. Несмотря на потери в море, «в отношении бензина и боеприпасов в 1941 году особых затруднений не возникало. Но доставка их к фронту из Триполи и Бенгази через огромные расстояния по суше каждый день представляла новую проблему» (Вестфаль. 1956. С. 94). Роммелю удалось даже пересечь границу Ливии и Египта, и, таким образом, всего за две недели он ликвидировал завоевания Уэйвелла, но затем, в значительной мере из-за недостатка бензина и боеприпасов и провала под Тобруком, где осажденный гарнизон «тобрукских крыс», что называется, испортил ему обедню, и Роммель, показавший себя в непривычной обстановке талантливым военачальником, был вынужден в ноябре вернуться на исходные позиции, отложив намеченные планы на новый 1942 год, оценив как значение Тобрука, так и растянутых собственных коммуникаций.

Таким образом, помимо Мальты в процессе немецкого наступления у Роммеля в тылу остался Тобрук, превращенный британцами в главный опорный пункт, снабжавшийся в основном по морю. Показательно, что за время его осады, продолжавшейся 242 дня (с 12 апреля по 8 декабря 1941 года), из этого порта было вывезено англичанами 32 700 солдат, 7500 раненых, 7000 пленных и доставлено 34 100 солдат, 72 танка, 92 орудия и 34 тыс. тонн различных грузов, что отражает реальные возможности британского морского транспорта и обеспечение этих возможностей военно-морским флотом. Позднее эта снабженная всем необходимым приморская крепость, после

захвата ее Роммелем, едва не сыграла роковую роль в судьбе Суэцкого канала и всей Североафриканской кампании, о чем ниже.

Теперь главной задачей английских моряков и летчиков было на пределе собственных сил попытаться перерезать пуповину, питавшую армию Роммеля на сухопутье. Воздушная разведка с Мальты 15 апреля сообщила о движении пяти итальянских транспортов в сопровождении трех эсминцев к берегам Ливии. При этом итальянская радиоразведка не стала информировать командира конвоя о результатах этого перехвата. Зато англичане выслали с Мальты отряд из четырех эсминцев под командованием капитана 1-го ранга П. Мэка, который разгромил этот конвой с грузом бензина ценой потери одного своего корабля.

Одновременно в Лондоне возникла идея вывести из строя североафриканские порты противника, ради чего там собирались пожертвовать устаревшим линкором «Бархэм», затопив его на фарватере Триполи. Однако взаимодействие командования разных уровней у англичан было отработано таким образом, что позволяло нижестоящему проявлять известную самостоятельность. Соответственно Кэнингхэм отправил три своих линкора (включая «Бархэм») в сопровождении эсминцев и авианосца «Формидейл» на обстрел этого порта, что и было с успехом выполнено 18 апреля с минимальным результатом: помимо кратковременной остановки работы порта был потоплен единственный транспорт. Это позволило сделать правильный вывод на будущее – уничтожать противника следовало на переходе морем.

Еще до нападения на СССР немцы в оставшееся им время старались блокировать Мальту сначала с воздуха, чтобы не оказаться под ударами авиации, кораблей и подводных лодок с этого острова по путям снабжения собственных сил в Ливийской пустыне. Соответственно, в феврале – марте остров подвергался практически непрерывным налетам вражеской авиации, исключавшим на протяжении нескольких месяцев какое-либо снабжение, до поры до времени. Только 23 марта в Гранд-Харбор добрались два судна, разбомбленные вражеской авиацией уже у причала, так что спасти удалось совсем немного из доставленного. Ремонтная база острова действовала еще довольно долго, пока немцы с воздуха не нанесли ей спустя несколько месяцев невосполнимый ущерб. Кризис в снабжении

Мальты обозначился в полной мере, настолько, что стал угрожающим для ее существования, несмотря на отдельные успехи британских эсминцев.

Летом 1941 года на Средиземноморском ТВД отчетливо сказался русский фактор, когда с переброской большей части немецких ВВС на советско-германский фронт положение Мальты изменилось к лучшему, что англичане использовали для пополнения авиации на острове. Действительно, по выражению одного из участников событий, «по сравнению с жестокими боями последних недель весны, лето можно было считать настоящим затишьем. Теперь мы получили возможность перебросить на Мальту те подкрепления, которые сумели выкроить. На остров были доставлены дополнительные истребители, которые помогали защищать конвои с продовольствием и боеприпасами. Кроме того увеличилось количество бомбардировщиков, которые наносили удары по коммуникациям Роммеля, связывающим Северную Африку с Италией.

На остров поступила еще одна партия «харрикейнов» 21 мая, когда авианосцы «Арк Ройял» и «Фьюриес» доставили на остров 47 самолетов. 15 июня «Арк Ройял» и «Викториес» перебросили на остров еще столько же истребителей. Некоторые из новых «харрикейнов» были приспособлены, чтобы действовать в качестве бомбардировщиков. К ним присоединились «веллингтоны», «свордфиши» и «бленхеймы», которые начали охоту за транспортами Оси, идущими в Ливию. Эти бомбардировщики также начали бомбить Неаполь, Триполи и сицилийские аэродромы. Благодаря «Арк Ройялу», «Аргусу» и «Фьюриесу» Мальта снова вернулась в ряды бойцов» (Пулман. 2005. С. 170).

Этот весенне-летний успех в обеспечении боеспособности Мальты объяснялся тем, что «в мае немцы перебросили большую часть самолетов из Сицилии на восток, готовясь напасть на Россию. Изнемогающий гарнизон Мальты получил желанную передышку... Следует прямо признать, что к началу лета 1941 года остров, как морская и воздушная база, был полностью нейтрализован... Противник вполне мог его захватить... Однако в последнем случае успех и катастрофу разделял тончайший волосок» (Роскилл. 2000. С. 205). Совсем как на Восточно-Европейской равнине в те же самые месяцы...

Одновременно усилилась деятельность британских подлодок с Мальты, которые с лета отправили ко дну почти полсотни итальянских транспортов общим тоннажем до 150 тыс. тонн, тогда как в первой половине 1941 года – только 100 тыс. тонн, включая крупные пассажирские суда «Конте россо», «Есперия», «Нептуния» и некоторые другие, использовавшиеся в качестве войсковых транспортов. До конца года эта участь постигла еще двадцать крупных транспортов. С Мальты помимо английских действовали также подводные лодки союзных стран, чьи корабли сражались вдали от родных берегов, захваченных оккупантами: под флагами своих стран – польским, голландским и греческим.

Тем не менее в попытке исправить ситуацию в свою пользу «с июня по октябрь немецкие самолеты активизировали свои действия против африканских портов, и особенно против Тобрука, Александрии, а также против Суэцкого канала, Хайфы, Гибралтара и островов Бахрейн. Однако основное внимание уделялось всё еще английским конвоям, проходившим через Средиземное море. Удары по коммуникациям наряду с борьбой против английских ВВС являлись попыткой немцев подорвать наступательную базу английских наступательных операций и выиграть время для сосредоточения собственных сил... Осенью 1941 года Германии удалось, активизировав действия своей авиации, сделать почти непроходимым Суэцкий канал, а летом 1941-го – парализовать английские перевозки по Средиземному морю» (Грепфрат. 1957. С. 486), в значительной степени благодаря атакам с аэродромов Крита, захваченного немцами еще в мае.

Тем временем активность подводников Мальты привлекла внимание командующего кригсмарине гросс-адмирала Редера, который приказал усилить меры по нейтрализации военно-морских усилий Мальты, направив своих специалистов, чтобы обучить экипажи итальянских эскортных кораблей обращению с новейшей техникой, которой итальянцы не владели, в частности с радарам и гидролокаторами. Однако эти мероприятия имели временный успех, поскольку потери англичан возросли, но и потери у итальянских транспортов также не стали меньше, в частности, от торпедных и бомбовых атак с аэродромов Мальты самолетами дальней авиации «бленхэйм» и «бьюфорт» (с увеличением дальности полетов со ста

милей в 1939 году до четырехсот в последующие годы), а также уже заслуженными торпедоносцами «свордфиш», прославившими себя при атаках на линкоры в Таранто и при потоплении «Бисмарка». С сентября в воды Средиземного моря, вопреки мнению командующего подводным флотом кригсмарине Денница, по приказу фюрера были направлены 25 подлодок, доставившие немало хлопот англичанам, о чем будет рассказано ниже. Между тем 4 сентября 1941 года в 200 милях от Исландии американцы и немцы впервые обменялись уже не нотами с претензиями, а вполне конкретными пусками торпед и, соответственно, ответными бомбежками глубинными бомбами с эсминцев. Понадобился еще год, чтобы подобный обмен любезностями начался и на Средиземном море, однако не будем торопить события...

Рейсы, преимущественно с запада из Гибралтара, несмотря на привлечение мощных сил, каждый раз оставались рискованным предприятием, нередко со значительными потерями. Тот же источник в извлечениях так описывает события подобного рейса, как он выглядел с полетной палубы авианосца «Арк Ройял», одного из заслуженных кораблей с опытнейшим экипажем, принимавшим ранее участие в Норвежской кампании и потоплении «Бисмарка» в мае: «24 сентября началась операция “Халберд” – еще один конвой на Мальту. На этот раз были отправлены девять быстроходных транспортов, имевших скорость пятнадцать узлов. Их сопровождали “Нельсон”, “Родней”, “Принс ов Уэлс”, “Арк Ройял”, пять крейсеров и 18 эсминцев. На транспортах находились две тысячи солдат, а также различные припасы.

Как раз перед выходом в море в Гибралтар прибыли новые помпы (зенитные автоматы. – В. К.), которые следовало установить по левому борту “Арк Ройяла”... Большинство итальянских торпедоносцев предпочитали атаки именно с левого борта... “Нельсон” открыл огонь из 406-мм орудий вдали по крошечным точкам, которые были итальянскими торпедоносцами, летящими над самыми гребнями волн. Разрывы снарядов поднимали огромные столбы воды, на которые могли налететь атакующие. Именно такой метод отражения атак приносил успех. На этот раз были сбиты два торпедоносца и еще два отвернули в сторону. Но еще два самолета проявили большую настойчивость. Они проскочили перед носом

“Нельсона” и подошли к левому борту “Арк Ройяла”. Времени, чтобы подготовить расчеты новых установок, не было, поэтому к орудиям встали пилот, несколько коков и уборщиков. Кроме того, новые автоматы не успели подключить к электрическим цепям наведения и контроля. Итальянские бомбардировщики шли прямо на дула носовых орудий, в то время как офицерам на постах управления огнем оставалось в бессильной злобе потрясать кулаками.

Торпедоносцы приближались. Они все еще не стреляли, каждый мог видеть самолет в мельчайших деталях, включая подвешенную под брюхом торпеду, которая будет сброшена через несколько секунд. В этот момент ожила новая установка. Очередь попала прямо в торпеду, и самолет исчез в огромной огненной вспышке. Но приближался уже второй самолет, летевший точно вслед первому. В него попали несколько снарядов пом-пома, его задело обломками взорвавшегося лидера, однако он продолжал лететь... Внезапно он клюнул носом и рухнул в море примерно в 200 ярдах от корабля. Весь экипаж “Арк Ройяла” дружно вздохнул.

А потом настал черед “Нельсона”. Он получил прямое попадание торпеды. Линкор не затонул и даже продержался вместе с конвоем до наступления темноты, но затем повернул назад и медленно пополз в Гибралтар. Торговое судно “Империял Стар” погибло, однако остальные 8 транспортов 28 сентября в 11.30 благополучно вошли в Гранд-Харбор.

Их прибытие оказалось исключительно своевременным, так как в конце сентября британская 8-я армия в Северной Африке планировала крупное наступление на позиции Роммеля, в котором Мальта должна была сыграть свою роль. Германские и итальянские войска уже начали ощущать на себе результаты действий бомбардировщиков и подводных лодок с Мальты, которые успешно действовали на их морских коммуникациях.

В свою очередь флот постарался усилить нажим на противника, направив на Мальту соединение Кэй капитана 1-го ранга Агню, которое состояло из крейсеров “Аурора”, “Пенелопа” и двух эсминцев. Соединение Кэй должно было заняться итальянскими конвоями, следующими в Северную Африку, если они окажутся не по зубам базирующимся на острове подводным лодкам. 8 ноября эскадра показала себя, уничтожив конвой из десяти транспортов, идущих в

Бенгази. Вдобавок были потоплены два из четырех эсминцев сопровождения, еще один на следующее утро потопила подводная лодка “Апхолдер”. Флот поддерживал атакующий потенциал Мальты, подбрасывая туда истребители, топливо и припасы» (Пулмэн. 2005. С. 173–176).

Появление на ТВД немецкой авиации очень скоро поставило под сомнение господство английского флота на Средиземноморском ТВД, главные задачи которого, судя по директиве Черчилля от 14 апреля 1941 года (т. 2, с. 104–106) теперь сводились к следующему: «Отныне главная обязанность английского Средиземноморского флота под командованием адмирала Кэнингхэма – останавливать всякое движение между Италией и Африкой, максимально используя для этого надводные корабли, поддерживаемые, насколько это возможно, авиацией и подводными лодками. Ради этой важной цели придется в случае необходимости пойти на тяжелые потери в линкорах, крейсерах и эсминцах... Чтобы контролировать морские коммуникации через Средиземное море, нужно базировать на Мальте достаточные военно-морские силы под прикрытием мальтийской авиации, которую следует обеспечивать новейшими и лучшими истребителями, какие только в состоянии принять мальтийские аэродромы. Задача прикрытия истребительной авиацией военно-морских сил, удерживающих Мальту, должна считаться первоочередной по сравнению с использованием аэродромов бомбардировщиками, участвующими в налетах на Триполи».

Отдавая должное Черчиллю, фюрер разразился в адрес британского лидера примечательной речью в попытке дискредитировать своего противника, практически накануне решающих событий, во многом определивших исход Второй мировой, а вместе с ними и судьбы Средиземноморья: «Он самый кровожадный в истории стратег дилетантского уровня. Ибо свыше пяти лет этот человек носится по Европе, точно безумный, в поисках чего-либо, чего можно поджечь. Если назвать его солдатом, то он никудышный политик, если назвать его политиком, – то он никудышный солдат. Дар, которым он обладает, – это умение лгать при благочестивом выражении лица, умение исказить правду до тех пор, пока наиболее тяжелые поражения не будут представлены им как славные победы... Черчилль является одним из наиболее безнадежных дилетантов в

стратегии, умудрился (в Югославии и в Греции) проиграть на двух театрах войны от одного удара» (Ширер. 1991. С. 216). Однако реально после попытки прогерманского переворота в Ираке дело обстояло гораздо хуже, потому что в случае удачи путча под ударом могли оказаться Индия и Суэцкий канал. Однако безнадежным дилетантом показал себя фюрер, решивший, пренебрегая всем опытом Первой мировой, не закончив войны на западе, с головой погрузиться в новую на востоке в соответствии с планом «Барбаросса». Правда, с определенных позиций можно рассматривать такое решение и как попытку избавиться от проблемы Мальты, даже если такая идея может показаться чересчур смелой.

Между тем другие события угрожали лишить Мальту своего стратегического положения в результате событий, развернувшихся от нее за тысячи километров, суть которых не укрылась от встревоженного Черчилля, сразу оценившего новую опасность. Весной 1941 года британские спецслужбы стали сообщать о наплыве немецких туристов на Ближнем Востоке (это в военных-то условиях!), в первую очередь в Ираке, в разгар военных действий, вовлекавших в свою орбиту одну страну за другой! Тем более, что указанные туристы явно окопались со своими «туристическими целями» в Сирии, находившейся под контролем сил Виши. Очевидной целью такого рода «туризма» был, несомненно, Суэцкий канал, отключение которого от системы морских коммуникаций Британии вполне могло заменить захват Мальты – такого разворота событий многоопытный Интеллидженс Сервис не мог не предвидеть. Долгожданный гром совсем рядом со Средиземноморьем в конце концов грянул!..

Пронацистские элементы в арабском Багдаде, которых оказалось немало в своем противостоянии англичанам, воодушевленные неудачами последних, решили использовать сложившуюся ситуацию по-своему, чтобы освободиться от надоевшей британской опеки, включая присутствие английских вооруженных сил, наращивание которых продолжалось. С приходом к власти в этом арабском королевстве премьера Рашида Али, видевшего в немцах союзников, ситуация для британцев сложилась самая угрожающая, чреватая непредвиденными последствиями. Показательно, что семьи гражданских англичан пришлось срочно эвакуировать по воздуху из Багдада на базу британских ВВС в Хаббанию вблизи Басры, которую

было решено защищать до последнего, тем более что с 13 мая на аэродроме в Мосуле стали приземляться немецкие самолеты. Ситуация с каждым днем становилась все напряженнее, тем более, что еще со 2 мая иракская армия начала настоящую осаду Хаббании, забитую гражданскими беженцами численностью в несколько тысяч человек. Центром сопротивления здесь стало местное летное училище, располагавшее ограниченным количеством самолетов, причем многих курсантов пришлось использовать в качестве пехоты. Поступившее через Басру пополнение вместе с решительными действиями местного командования позволило кое-как справиться с ситуацией, и на исходе мая мятежники вместе со своими немецкими и итальянскими советниками сбежали в соседний Иран. Тем самым угроза Суэцкому каналу с востока была ликвидирована, но противник продолжал его минирование с воздуха, вызывая перерывы в его деятельности. Показательно, что именно в это время фюрер в ответ на настояния своих моряков и лично Роммеля связал планы по Средиземноморью с осуществлением другого замысла: «Лишь после осуществления операции “Барбаросса” решится, будут ли и каким образом окончательно ликвидированы – во взаимодействии с наступлением на Суэцкий канал – английские позиции между Средиземным морем и Персидским заливом» (Ширер. С. 216). Фюреру, правда, пришлось задержаться, что с завершением «Барбароссы», что с захватом английских позиций между Средиземным морем и Персидским заливом, по не зависящим от него обстоятельствам. Как мы убедимся позднее на конкретных примерах, такая связь характерна для коалиционных войн, но она во Второй мировой на этот раз проявилась впервые. Щелкая зубами от ярости от невозможности овладеть Суэцким каналом (вот уж воистину хоть видит око, да зуб неймет!) со своих аэродромов на Крите, немцы тем не менее начали минирование канала с воздуха, временами заставляя англичан прерывать движение судов по нему.

Пока на Ближнем Востоке происходили описанные события, с начала мая 1941 года по отработанной схеме взаимодействия соединений Сомервилла и Кэнингхэма началась проводка с запада пополнения корабельного состава флота, базирующегося на Александрию (включая линкор «Куин Элизабет» и два легких крейсера за счет флота метрополии). С потерей одного транспорта из пяти

английские силы в Африке получили 238 танков и 43 «харрикейна». С возвращением соединения Эйч в Гибралтар оно получило приказ доставить на Мальту пополнение истребителям, и уже 21 мая авианосцы «Арк Ройял» и «Аргус» подняли в воздух 48 «харрикейнов» для полета на Мальту, возможности которой к этому времени практически были исчерпаны. Помимо пополнения отважных защитников острова спас также отвод немецкой авиации с Сицилии для участия в выполнении плана «Барбаросса». Этим роль Мальты, однако, не ограничивалась – она также лишилась пяти эсминцев, отправленных на восток для участия в сражении за Крит, которое англичане проиграли.

15 июня «Арк Ройял» и «Викториес» отправили на Мальту еще 47 «харрикейнов», потеряв по пути четыре самолета. В конце июня на остров поступило очередное пополнение из 64 самолетов. К тому времени большие подводные лодки освоили также доставку авиационного горючего. Тем не менее в течение всего 1941 года никакой стратег не мог поручиться за судьбу острова, и такое положение сохранялось достаточно долго, тем более, что временами возникали ситуации, которые было невозможно предвидеть.

Так, весна 1941 года отмечена целым рядом неблагоприятных событий, осложнивших положение английского флота на Средиземном море. Мало того, что немцы совершили нападение на Югославию и Грецию, в конце июня захватив, в основном усилиями своих парашютно-десантных войск, остров Крит, тем самым расширив возможности своей авиации только за счет новых аэродромов, после попытки переворота антианглийских элементов в Ираке. Тем временем в активную стадию вступил план «Барбаросса», влияние которого на Средиземноморском ТВД сказалось вполне отчетливо. Гитлер по своему оценил собственные ближайшие перспективы, с опозданием решив 30 мая направить в Багдад военную миссию и самолеты с оружием и боеприпасами. Его в это время беспокоили другие проблемы: «Лишь после осуществления операции “Барбаросса” решится, каким образом окончательно будут ликвидированы – во взаимодействии с наступлением на Суэцкий канал – английские позиции между Средиземным морем и Персидским заливом». Хотя фюрер явно испытывал приступ головокружения от достигнутых успехов, понять можно и состояние Черчилля, направившего Рузвельту

отчаянное письмо, в котором присутствовали такие строки: «Я умоляю Вас, мистер президент, взвешенно оценить всю серьезность последствий, к которым может привести крах на Ближнем Востоке» (Ширер. Т. 2. 1991. С. 216).

В конце июня итальянцы решили применить новинку, атаковав гавани Мальты с использованием взрывающихся катеров. Защитники Мальты своими береговыми батареями и авиацией быстро прекратили эту бессмысленную авантюру, и итальянцы больше подобных попыток не повторяли. В июле было решено провести очередной конвой с техническим персоналом авиации флота, помимо шести транспортов со снабжением. Однако транспорт с наземным персоналом авиаторов сел на мель, и конвой отправился в путь без него. От атак люфтваффе получил повреждения крейсер «Манчестер», и пришлось по той же причине затопить собственный эсминец, однако летчики с «Арк Ройяла» отстояли остальные транспорты. Примерно от меридиана Бизерты, как обычно, основное прикрытие Сомервилла легло на обратный курс, а транспорты на последнем отрезке пути с тремя крейсерами и десятью эсминцами прикрытия возглавил контр-адмирал Сифрет, который, с потерей одного из эсминцев, благополучно доставил грузы в опустевшие склады Мальты. 31 июля рейд Гибралтара покинул очередной конвой, включая транспорт с наземным персоналом, доставивший на Мальту 1800 солдат и летчиков, что позволило ей держаться и дальше. Уже в это время англичане охотно жертвовали кораблями и транспортами, предпочитая сохранять людей, что впоследствии в совместных конвойных операциях удивляло наших моряков, которым не хватало кораблей.

В сентябре продолжалась доставка на Мальту самолетов авианосцем «Арк Ройял», как истребителей «харрикейн», так и торпедоносцев. Авиация вместе с созданной 10-й флотилией из малых подлодок водоизмещением всего по 630 тонн успешно показала себя на мелководье. Так, подлодка «Апхолдер» (командир капитан-лейтенант М. Д. Ванклин) 18 сентября отправила на дно океанские лайнеры «Нептуния» и «Океания» водоизмещением по 19 500 тонн каждый, превращенные в войсковые транспорты.

Английские моряки продолжали наращивать свой опыт по защите Мальты, даже несмотря на то, что после сражения за Крит помощь александрийской эскадры оказалась недостаточной. 24 сентября из

Гибралтара вышли девять транспортов из состава конвоя «Халберт», как обычно, под прикрытием тяжелых кораблей Сомервилла, тогда как корабли Кэнингхэма продемонстрировали лишь отвлекающие действия. Из узкостей вблизи Туниса корабли Сомервилла легли на обратный курс, а оставшийся путь к Мальте с кораблями прикрытия (5 крейсеров и 9 эсминцев) возглавил контр-адмиралл Г. М. Барроу, потерявший на конечном участке один из транспортов. Несмотря на это, толпы людей на причалах Гранд-Харбора устроили прибывшему пополнению восторженную встречу.

Всего в трех операциях 1941 года («Эссекс» в январе, «Сабстенс» в июле и «Халборд» в сентябре) на Мальту в вооруженных конвоях прорвались тридцать девять транспортов при одном потерянном. Одновременно на Мальте было создано специальное соединение Кэй (два крейсера и два эсминца) для борьбы с перевозками противника на Ливию, хорошо показавшее себя в ближайшие месяцы под командованием капитана 1-го ранга У. Г. Агню.

В коалиционной войне, какой стала Вторая мировая с 22 июня 1941 года, связи между событиями на отдаленных фронтах становятся понятными только со временем, что, в частности, признаёт и Черчилль, отметивший, что в 1941–1942 годах «осенние и зимние месяцы открывали перед нами благоприятные возможности. Германская авиация исчезла с Сицилии. Русский фронт поглощал горючее, необходимое для итальянского флота. В течение августа (1941 г. – В. К.) погибло 33 процента грузов и подкреплений, предназначенных Роммелю. В октябре эта внушительная цифра возросла до 63 процентов. От итальянцев требовали организации воздушной трассы для доставки снабжения. В конце сентября Муссолини взялся доставлять по воздуху в Триполи по 15 тысяч человек в месяц, но к концу октября прибыло только 9 тысяч. В то же время доставка грузов в Триполи морским путем прекратилась, и всего несколько конвоев прорвали нашу блокаду и достигли Бенгази. Однако потери, понесенные в октябре, вынудили в конце концов германское командование послать нефть итальянскому флоту.

С сентября, вопреки командующему подводным флотом К. Деницу, Гитлер настоял на переводе в Средиземное море 25 подлодок, которым предстояло форсировать Гибралтарский пролив под носом у соединения Эйч Сомервилла. Немецкие подводники оказались

мастерами своего дела и форсировали узкое горлышко пролива в пассивном режиме, доверившись течению на глубине, одновременно прослушивая работу английских противолодочников на поверхности. Дождавшись, когда это течение утащит лодку достаточно далеко к востоку, ночью отдавался приказ на всплытие, и дальше лодка следовала в итальянские базы обычным порядком в зависимости от конкретной обстановки.

Англичанам оставалось только констатировать: «Очень быстро мы ощутили, что относительно небольшое количество германских лодок является гораздо более серьезной угрозой, чем весь итальянский подводный флот, с которым мы научились бороться довольно успешно» (Роскилл. 2000. С. 217). Действительно, чуть позже только на Средиземном и Красном морях общие потери итальянцев составили двадцать восемь подлодок.

Черчилль позднее продолжил описание событий по защите острова: «Пока же наши силы, базировавшиеся на Мальту, осуществляли решающий контроль, а операции соединения “К”, созданного там военно-морским министерством по моему желанию, принесли богатые плоды. Ночью 8 ноября, получив донесение от экипажа разведывательного самолета, соединение напало на итальянский конвой из десяти торговых судов, шедших под эскортом четырех эсминцев и крейсеров. Это был первый конвой с момента возобновления движения. Все торговые суда были быстро уничтожены. Один эсминец был потоплен, а другой поврежден нашими крейсерами. Итальянские крейсера не принимали участия в бою» (Черчилль. Т. 2. С. 255). Что касается роли подводного флота Италии, то единогласно все источники отмечают его крайне низкую боевую результативность.

Первый успех соединения Кэй имел место в ночном бою с 8 на 9 ноября против итальянского конвоя из семи транспортов с прикрытием из двух тяжелых крейсеров и десяти эсминцев. Жертвами внезапной атаки англичан оказались все транспорты и эсминец. Результатом этих потерь стало прекращение конвоев по снабжению войск Роммеля, который вместо обещанных 60 тысяч тонн пополнения получил только восемь. Спустя две недели соединение Агнью потопило танкеры «Марица» и «Процида», оставив войска Роммеля без поддержки с воздуха. Попытка итальянцев использовать в качестве доставки

горючего военные суда также потерпела крах. Итальянское командование знало о присутствии четырех вражеских эсминцев в водах Тунисского пролива, но при расчете расхождения своих сил с силами противника допустило ошибку во времени в сорок минут, которая дорого обошлась любителям макарон. Командующий британскими эсминцами капитан 3-го ранга Стокс, заняв выгодную позицию, со стороны берега веерным залпом торпед удачно поразил два легких крейсера «Альберто ди Гуиссано» и «Альберико ди Барбиано», отправив их на дно, причем многие члены экипажа погибли в пламени загоревшегося бензина на поверхности моря. Элементарная штурманская ошибка еще раз показала, что в военном отношении флот фашистской Италии не соответствовал своему предназначению.

Ответный ход оставался за немцами, и он не задержался, когда U-81 (командир Гугенбергер) торпедировала 12 ноября 1941 года авианосец «Арк Ройял», сыгравший важнейшую роль в операциях по снабжению Мальты конвоями с запада. Это произошло в 15.45 при возвращении из очередного рейса к Мальте на расстоянии всего 25 миль от Гибралтара уже в пределах видимости известной Скалы, когда авианосец заканчивал прием самолетов и, таким образом, был ограничен в маневрировании. Один из пилотов, спустившись в кают-компанию, готовился выпить чашку чая, когда «сильнейший взрыв встряхнул авианосец. Его чай полетел в одну сторону, а сам он в другую. Огромный клубок пламени вылетел из люка... Все опрометью бросились на свои боевые посты. Капитан-лейтенант Оливер сидел в своей каюте и рассматривал коллекцию марок, когда раздался взрыв. Он немедленно помчался вниз, в пост управления машинами. На бегу он заметил, что матросы задраивают все водонепроницаемые двери. Когда он прибежал в пост управления машинами, механики сообщили ему, что торпеда попала в котельное отделение правого борта. “В нас попали, в нас попали...” – повторяли матросы, словно не могли поверить, что это случилось с их кораблем.

Перси Хэнкок обнаружил, что электроэнергия пропала, поэтому система громкой связи и большинство телефонов вышли из строя. Он сообщил капитану, что теперь приказы придется отдавать по переговорным трубам. Сирил Кальдер отправился на свой боевой пост вниз. Находившиеся там матросы думали, что их атаковали

пикировщики. Но после того как крен не удалось выправить, они поняли, что это была подводная лодка. О'Нион выскочил на полетную палубу и увидел, что корабль сильно накренился на правый борт. Унтер-офицер из его эскадрильи крикнул: "Снимайте резиновые лодки с самолетов в ангаре!" Он помчался в ангар и обнаружил офицера и двух рядовых из его эскадрильи, которые бегали от самолета к самолету, выдергивая аварийные тросики. Они освобождали резиновые лодки, одновременно надувая их. Но, к их разочарованию, выяснилось, что лодки не удастся протолкнуть через вырезы в бортах ангара.

К этому времени крен достиг опасного предела. Капитан 1-го ранга Монд отдал приказ покинуть корабль. О'Нион вышел на галерейную палубу левого борта, где собирался экипаж. Кто-то из моряков уже прыгнул в воду, но большинство ждало, когда эсминец "Лиджен" подойдет к борту авианосца...

...Теперь на море шла заметная волна, однако "Лиджен" аккуратно подошел к левому борту с кормы. Вскоре моряки начали спускаться по тросам на его палубу... Другие моряки, вроде Клейдона просто спрыгивали с нижней ангарной палубы на полубак "Лиджена". Джон Кунард обнаружил, что стоит на полетной палубе. Капитан 1-го ранга Монд увидел его и приказал: "Спускайся по этому тросу". Кунард привязал трос и соскользнул по нему. Когда он спустился, то обнаружил, что трос слишком короток и не доходит до эсминца. "Прыгай, трусишка!" – крикнул матрос с эсминца. Собственно, выбора не было, он отпустил руки и шмякнулся на колыхавшуюся палубу "Лиджена"...

...Капитан 1-го ранга Монд решил, что еще имеется шанс спасти корабль, поэтому он задержал на борту авианосца людей, которые должны были вести борьбу за живучесть. Перси Хэнкок остался как оператор аварийной радиостанции левого борта. Он привязал проволоку с грузиком к приемнику, чтобы видеть величину крена. Корабль кренился всё больше и больше, и они могли слышать, как самолеты в ангаре катятся к правому борту и с треском врезаются в переборки. На корабле воцарилось странное, неестественное спокойствие после нервной активности первых минут. Теперь слышался только шум работающих механизмов и негромкие переговоры оставшихся моряков.

В машинном и котельном отделениях началась отчаянная борьба за спасение “Арк Ройяла”. Старший механик, закрыв пост управления машинами, пошел с осмотром, чтобы выяснить размеры повреждений. Кто-то сказал, что в правом котельном отделении могут оставаться люди, поэтому Оливер спустился туда. Отсек оказался затоплен, и не было видно ни зги. Оливер спросил: “Есть тут кто-нибудь?” Ответом было молчание. Теперь начало быстро затапливать центральное котельное отделение. Оливер сообщил об этом капитану и вернулся вниз, чтобы организовать работу по спасению авианосца...

...Вроде бы снова появилась надежда спасти авианосец. В 19.30 прибыл буксир и потащил корабль со скоростью два узла. Внизу, в машинном отделении, Оливер и группа добровольцев отчаянно пытались поднять давление пара, чтобы запустить левую турбину. На помощь прибыл еще один буксир, и скорость “Арк Ройяла” увеличилась до пяти узлов. Однако увеличился и крен. Хотя Оливер и его добровольцы закрыли все водонепроницаемые люки и двери, море, несмотря на это, заливало корабль через огромную пробоину в борту... “Арк Ройял” к этому времени уже почти лежал на борту. Хэнкок и еще один старший радист пытались пробраться в радиорубку правого борта... Вокруг все трещало и рушилось, и спускаться в отсеки было слишком опасно. Хэнкок пошел назад и присоединился к командиру, стоявшему на левом краю полетной палубы. Лишь небольшая горстка людей оставалась на тонущем корабле. Вдалеке уже были видны огни Гибралтара. Но в глубине души они сознавали, что “Арк Ройял” больше не вернется в гавань. “Скажите мне, когда верхний край трубы коснется горизонта по правому борту”, – хладнокровно попросил капитан 1-го ранга Монд Хэнкока. Ждать этого пришлось не слишком долго... Это был конец. Они приготовились покинуть корабль. Но передвигаться по нему стало очень трудно. Все трапы болтались вертикально на своих петлях, в отсеках падали механизмы. Хэнкок... увидал в районе миделя артиллерийский катер, подошедший, чтобы снять последних людей. В конце концов эти 19 человек спустились в катер, который остался, чтобы проследить, как затонет “Арк Ройял”... Было темно и тихо. Люди смотрели молча, не смея разговаривать.

Из Гибралтара на моторном катере прибыл адмирал Сомервилл. Он присоединился к остальным и тоже смотрел на затянувшуюся гибель “Арк Ройяла”. Капитан 1-го ранга Монд и адмирал Сомервилл

следили за всем этим с мостика эсминца “Лефорей”. В 6 утра “Арк Ройял” перевернулся. Адмирал увел капитана 1-го ранга Монда вниз, чтобы тот не видел последних минут своего корабля. Он скрылся под водой, погружаясь в мрачные глубины. На поверхности только остались плавать ворота для палубного хоккея» (Пулмэн. 2005. С. 178–184).

И это были далеко не последние потери британцев на Средиземноморском ТВД, когда спустя две недели после гибели «Арк Ройяла» линкор «Бархэм» был поражен тремя торпедами и затонул через три минуты, совсем как его собратья в знаменитом бою в Северном море четверть века назад. Этот реликт Ютландского сражения погиб точно так же, как и его соратники в указанном сражении от серии внутренних взрывов, причем с огромными потерями в экипаже – более пятисот моряков. Правда, его собратья шли ко дну от артиллерийского огня противника, поскольку ни один из участников этого сражения не был атакован подводными лодками. Очевидно, подводная угроза стала еще одним из признаков наступления новых времен в военно-морском деле на Средиземноморском ТВД.

Несмотря на целую серию неудач, соображения высокой стратегии требовали пренебрегать собственными потерями, о чем 23 ноября Черчилль напомнил адмиралу Кэнингхэму, еще не оправившемуся от потерь в напрасной попытке отстоять Крит: «Важно перехватывать надводные суда, везущие в Бенгази подкрепления и снабжение, а главное – горючее. По имеющимся у нас сведениям, довольно большое количество судов приближается к Бенгази или отправляется оттуда. Противник просил о воздушном прикрытии, но такоекрытие не может быть обеспечено ему, поскольку его африканская авиация занята в боях... Если эти суда будут перехвачены, это может спасти тысячи жизней, не говоря о том, что это поможет одержать победу, имеющую важнейшее значение. Адмирал Кэнингхэм сделал все, что мог, но самый эффективный удар был нанесен с Мальты» (Черчилль. Т. 2. С. 261).

Однако пока ничего похожего на перемены к лучшему не просматривалось для англичан в происходящих событиях, поскольку их потери продолжались и продолжались, причем на фоне катастрофических поражений союзников на Тихом океане. В середине

декабря итальянская подводная лодка из специального диверсионного подразделения князя Боргезе подошла к Александрии и выпустили три управляемых торпеды, каждая с экипажем по два человека. Проникнув в гавань, когда были открыты боны для прохода судов, они установили заряды замедленного действия, взорвавшиеся рано утром 19 декабря под линкорами «Куин Элизабет» и «Вэлиент». Оба корабля были сильно повреждены и на несколько месяцев превратились в бесполезное бремя. Таким образом, за несколько недель весь линейный флот в восточной части Средиземного моря был фактически выведен из строя как боевая сила... Возвращаясь к деятельности таинственного и неуловимого князя Боргезе, отметим, что командование итальянского ВМФ долгое время оставалось не в курсе его удачи, поскольку оба британских линкора в гавани Александрии так аккуратно сели на грунт, что воздушная разведка не фиксировала каких-либо изменений, а попавшие в плен экипажи мини-подлодок не могли сообщить своим о выполнении задания. Парадоксальный результат деятельности Боргезе состоял в том, что результативность его атак не могла учитываться разведкой итальянского флота для планирования операций на будущее.

В тот же самый день, когда союзников постигла неудача на стоянке в Александрии, на Мальте стало известно о большом конвое противника, направлявшегося в Триполи, на перехват которого вышли крейсера «Нептун», «Орора» и «Пенелопа» с четырьмя эсминцами. На подходах к Триполи эти корабли нарвались на новое минное поле. «Нептун» был поврежден, а два других крейсера также получили повреждения, но смогли уйти. Эсминец «Кандагар» вошел в минное поле, чтобы спасти людей с «Нептуна», но также подорвался на mine и сам стал беспомощным. Затем «Нептун», дрейфуя в минном поле, наткнулся еще на две мины и затонул. Из его экипажа в 700 с лишним человек спасся лишь один, да и тот оказался в плену. Когда крейсер «Галатейя» позднее был потоплен немецкой подводной лодкой, от флота Кэнингхэма в полном смысле остались «рожки до ножка», не считая нескольких эсминцев и трех крейсеров из эскадры адмирала Вайяна.

Черчилль был вынужден констатировать: «До конца ноября благодаря своим объединенным усилиям на суше, на море и в воздухе мы господствовали на Средиземном море. Но теперь наши морские силы понесли страшные потери. 5 декабря Гитлер, осознав, наконец,

смертельную опасность, грозившую Роммелю, приказал перебросить из России на Сицилию и Северную Африку целый авиационный корпус. По указанию генерала Кессельринга было предпринято новое воздушное наступление на Мальту. Налеты на этот остров вновь достигли страшной силы, и Мальта могла лишь бороться за свое существование. К концу года господство над морскими путями в Триполи принадлежало германской авиации, что позволило немцам переформировать разбитые армии Роммеля» (Черчилль. Т. 2. С. 262–263).

Ситуация на Мальте теперь определялась русской поговоркой: «Не до жиру, быть бы живу», но одновременно никто не отменял ее главной роли в сложившейся ситуации на Средиземноморском ТВД – изоляция сил Роммеля в Северной Африке. Решение этой проблемы зависело от системы базирования британских ВМС в Средиземном море на востоке (Александрия) и западе (Гибралтар), в центре которой оставалась Мальта. Между тем описанные неудачи вызвали в британском Адмиралтействе очередные сомнения, когда всерьез стал рассматриваться вопрос об оставлении восточного бассейна, вызвавший очередной протест Кэнингхэма.

Отметим главное – в 1941 году ведущая роль в военных событиях на Средиземном море принадлежала именно Мальте. Она своим положением представляла наибольшую угрозу для коммуникаций противника, в то время как Гибралтар и Александрия лишь обеспечивали ее существование еще долгих полтора года, на протяжении которых Мальту ожидало много испытаний.

Одновременно по опыту 1941 года окончательно стало ясно, что Мальта – лишь звено в системе коммуникаций двух противостоящих сил, обеспечивающих наземные операции войск на фоне принятой англичанами пресловутой периферийной стратегии. События показали, что старая идея Уильяма Пита из XVIII века усилиями Уинстона Черчилля была перенесена в XX век применительно к ближним целям британской политики. Суть и смысл этой идеи заключались в том, чтобы, используя свое островное положение и изолированность от непосредственного контакта со своим противником, добиваться своих целей с наименьшими людскими потерями. Затягиванье этих операций связано с неспособностью ни одной из сторон добиться решения в свою пользу. Когда наша страна

вступила в войну с непростительными ошибками, допущенными ее лидером, ей оставалось только сражаться в условиях этой самой континентальной стратегии в самых невыгодных условиях, тогда как наш заклятый союзник, отделившись в самом начале войны, также неудачном, минимумом людских потерь, мог держаться до последнего в своих самых важнейших пунктах наподобие Мальты. В эту старую идею Черчилль внес и свой вклад, в надежде, подобравшись к южному подбрюшью Европы по итальянскому «сапогу», предотвратить распространение большевизма в сталинском варианте на остальную часть материка. Но поскольку до осуществления столь далеко идущих замыслов остается много времени, необходимо вернуться в 1941 год.

Итоги сражений вокруг Мальты за 1941 год заключались в том, что итальянцы Муссолини не смогли обеспечить всем необходимым своего немецкого союзника, явившегося на Африканский материк в попытке выручить из беды своего зарвавшегося соучастника. Если в начале 1941 года общий тоннаж 608 итальянских судов составил 2206 млн тонн, то по ходу боевых действий было потеряно 191 судно (821 000 брутто-тонн, практически треть), а построено новых только около 500 (свыше 1 600 000 брутто-тонн). Соответственно, сократился грузопоток мимо Мальты в Африку. Для сеньора Грациани и генерала Роммеля это означало, что впереди их ожидали такие времена, исход которых было невозможно предвидеть. Впрочем, как и самой Мальты, поскольку возможности британского флота не позволяли гарантировать регулярное снабжение и обеспечение гарнизона острова и оставшегося населения, ибо на исходе 1941 года британский флот на Средиземном море оказался не только потрепанным, но еще и несбалансированным, что не могло отразиться на его результативности. Тем не менее огромная по протяженности британская транспортная артерия в обход мыса Доброй Надежды оказалась более надежной по сравнению с короткой итальянской поперек всего только Средиземного моря из Сицилии в порты Ливии.

По немецким источникам, в 1941 году на Средиземном море, «охраняя морские коммуникации, связывающие немецко-итальянские войска в Африке с Италией, итальянский флот понес довольно большие потери. Были потоплены: крейсера «Диаз» (25 февраля), «Да Барбиано» и «Ди Джуссаано» (15 декабря), 6 эсминцев, 7 миноносцев, целый ряд небольших эскортных кораблей, а также значительное

количество транспортных судов, шедших в составе различных конвоев. Здесь опять в полной мере проявилась недостаточная подготовленность итальянских моряков к действиям ночью. 9 ноября 1941 года 2 английскими легкими крейсерами, также вышедшими с Мальты, был полностью уничтожен еще один конвой. Несмотря на то, что в составе этого конвоя шли 2 тяжелых итальянских крейсера и 4 эсминца, они не смогли отразить атаку англичан. Потеряв 2 эсминца и всех своих подзащитных, итальянские корабли ни с чем вернулись в свою базу» (Маршалл. 1957. С. 336). Отметим, что судя по приведенным сведениям, оценки дееспособности итальянского флота как у немцев, так и англичан весьма схожи.

Тем не менее своим присутствием на Средиземноморье немцы в то время часто определяли ситуацию, нередко на будущее. «В канун 1942 года немецкой авиации, действовавшей на Средиземном море, все же удалось получить подкрепления, в которых она так нуждалась. С Восточного фронта сюда прибыли соединения 2-го воздушного корпуса... фельдмаршала Кессельринга. В составе корпуса было примерно 6–7 бомбардировочных групп. Прибывшие части расположились на оперативных аэродромах в Южной Италии и Сицилии. Задача немецкой авиации... по-прежнему заключалась в выводе из строя Мальты и обеспечения тем самым своих коммуникаций с Африкой» (Греффрат. С. 487).

На фоне неудач англичан Роммель и Грациани в меру приободрились, тем более что в середине декабря 1941 года в Триполи после двухмесячного перерыва пришел конвой, доставивший Роммелю пополнение в виде нескольких танковых рот и артиллерийских батарей, что существенно подкрепило его силы, понесшие ощутимые потери на сухопутье: у немцев они достигли до трети личного состава и 220 танков, а у итальянцев почти до половины живой силы и 120 танков. Как и четыре века назад, Мальта в столкновении главных противников на Средиземноморском ТВД продолжала играть роль своеобразной занозы, мешавшей одному из противников нанести полновесный решающий удар, и тем изменить ситуацию в свою пользу, как это произошло более года спустя.

Глава 6. 1942 год. Мальта на пике испытаний

С очередным подкреплением в новом 1942 году Роммель решил повторить на сухопутном Североафриканском ТВД то, что англичане не дали ему сделать в предшествующем году. Однако, пока ему приходилось думать о том, чтобы сохранить то, что можно было сохранить, видимо, так же думали англичане. Тем неожиданнее для них оказался удар, нанесенный Роммелем 30 января, когда он вернул важный порт Бенгази, но для дальнейшего броска на Тобрук у него не хватило ни боеприпасов, ни горючего.

В марте адмирал Редер, командующий кригсмарине (немецкие ВМС), уговорил Гитлера принять план Роммеля под названием «Аида» попытаться перерезать Суэцкий канал, чему мешала, естественно, Мальта. Захват Мальты планировалось осуществить в процессе совместной операции «Геркулес», для которой Муссолини намеревался выделить парашютную дивизию, а фюрер – поделиться некоторыми спецсредствами, помимо тех, что были нужны ему позарез на Восточном фронте, приурочив атаку Мальты к середине июля. Однако успехи Роммеля ввели фюрера и его окружение в заблуждение. В Берлине решили, что в сложившейся напряженной обстановке от захвата Мальты, сопряженной с большими потерями (чего следовало ожидать после сражений за Крит), можно отказаться, что явилось стратегической ошибкой в масштабах войны на Средиземном море.

Такое решение было принято после вторжения Роммеля в Египет. В мае он предпринял очередной бросок к Суэцкому каналу, захватив 21 июня Тобрук. Спустя еще двое суток его войска пересекли египетскую границу. Правда, соотношение потерь и доставленных грузов было не в пользу армии Роммеля. Наличных сил, чтобы заблокировать армию Роммеля на севере Африки, было недостаточно, и поэтому угроза Суэцкому каналу со всеми вытекающими последствиями сохранялась.

Как отмечено, с началом 1942 года давление на Мальту усилилось, в связи с переброской в конце 1941 года на Сицилию 2-го авиационного корпуса с Восточного фронта, когда непрерывные бомбардировки острова с его авиационными и морскими базами на протяжении многих недель продолжались. Несмотря на неудачу в

битве за Москву, фюрер посчитал, что русская зима настолько сковывает возможности немецкой авиации, что лучше ее использовать в теплом Средиземноморье. Однако до бесконечности такое состояние тянуться не могло, кто-то из противников должен был даже не уступить, а просто сломаться. Отметим, что немцы и итальянцы пришли к согласию по поводу судьбы Мальты только в 1942 году, при самом активном участии немецких специалистов в планировании операции. С учетом опыта Крита для Мальты было решено использовать морские десанты, и обучение десантников даже началось.

Для оценки событий 1942 года на Средиземноморском ТВД важным представляется заключение видного военно-морского историка: «Когда Черчилль встал во главе всей британской военной машины, было ясно, что он не повторит прежних ошибок. Поэтому наша большая стратегия будет основана на серии ударов по ключевым пунктам заморских территорий с целью улучшить наши позиции. После этого в надлежащий момент будет предпринята решающая экспедиция в самое сердце вражеской территории. Однако более двух лет такой замысел казался совсем нереальным. Наше господство на море, от которого зависела сама судьба Британии, а не только перспективы будущего наступления, постоянно подвергалось серьёзным угрозам. Только в середине 1942 года баланс сил на море стал таким, что наше будущее начало приобретать более реальные очертания» (Роскилл. 2000. С. 307). Все сказанное следует иметь в виду при оценке событий на Мальте и вокруг нее на протяжении 1942 года, ставшего переломным в борьбе союзников с фашизмом. В конечном итоге целью Роммеля оставался захват Суэцкого канала, а союзников – возможность удерживать Мальту в своих руках, чтобы предотвратить такую возможность.

В январе 1942 года до Мальты под немецкими и итальянскими бомбами добрались лишь четыре транспорта с необходимыми грузами. В последних числах января в Ла-Валетту прорвался быстроходный транспорт «Бреконшир», а остров покинули три пустых транспорта. На этом завершились последние успешные рейсы. Уже в феврале, с потоплением немцами и итальянцами трех транспортов из Александрии, Мальта оказалась в глухой блокаде. Однако англичане ответили потоплением в январе 10 вражеских транспортов общим

водоизмещением почти 40 тыс. тонн. В результате на причалы Триполи было выгружено лишь 60 тыс. тонн военных грузов. В феврале добычей британских подлодок стали еще 25 тысяч тонн итало-немецкого груза, за который сами британцы заплатили потерей двух подлодок. Повреждение еще трех подлодок итало-немецкой авиацией еще более сократило боевые возможности Мальты, заставив в марте покинуть ее крейсер «Клеопатра» и эсминец «Кингстон». Эта операция происходила во взаимодействии с кораблями из Александрии во главе с контр-адмиралом Вайаном, флагман которого легкий крейсер «Наяд» был потоплен, и адмиралу пришлось перенести свой флаг на крейсер ПВО «Дидона».

Неудивительно, что Черчилль обстановку на Средиземном море и Мальте в 1942 году оценивал следующим образом: «Германские документы показывают, как велика была в представлении противника взаимосвязь Мальты и операций в пустыне. До тех пор, пока Мальта при помощи авиации и мелких кораблей могла наносить удары по неприятельским коммуникациям, последние находились в трудном положении. Основная цель заключалась в том, чтобы довести Мальту до полного бессилия, а еще лучше – захватить ее. Ради этого на аэродромах Сицилии сосредоточивались всё более крупные германские военно-воздушные силы. С другой стороны, когда Роммель действовал активно, ему требовалась помощь всей авиации... Но в этом случае, если давление на Мальту ослабевало, крепость быстро восстанавливала свою ударную мощь и, напрягая все силы, снова начинала наносить тяжелые потери конвоям. Без захвата Мальты противник не мог добиться прочных результатов. Роммель требовал бензина и подкреплений в людском составе, но главным образом бензина. В течение марта и апреля все силы были обращены против Мальты, и беспощадные круглосуточные воздушные налеты выматывали остров и доводили его до полного изнеможения» (Черчилль. Т. 2. С. 443). В переписке с командующим войсками в начале мая 1942 года сэр Уинстон подтвердил свою точку зрения «с учетом положения Мальты, потеря которой была бы серьезнейшей катастрофой для Британской империи, и вероятно, оказалась бы в конечном счете роковой для обороны долины Нила» (там же, с. 445).

Когда в январе 1942 года итальянцы провели в Ливию два конвоя, Роммель, получив значительные подкрепления и большое количество

разных грузов, быстро «отодвинул» британские войска практически на 300 миль на восток, заставив их сдать базы в Бенгази и Дерне. «Это экстраординарное изменение положения и жестокое военное поражение явилось следствием того, что противнику удалось добиться, по существу, свободного прохода через Средиземное море для укрепления и питания его танковых сил» (Черчилль. Т. 2. С. 334). В значительной мере это произошло из-за того, что адмирал Кэнингхэм не мог выполнить одновременно сразу три невыполнимые задачи, выпавшие на его долю: 1) снабжение Мальты, 2) снабжение армии в Египте и 3) перехват вражеских конвоев из Италии в Ливию, что происходило в условиях потери передовых аэродромов на побережье. Пока ситуация не стала совсем критической, он успел, как отмечено, «протолкнуть» на остров два быстроходных судна и конвой из четырех транспортов, потеряв из них один.

С февраля Кэнингхэм продолжал наращивать свои усилия по снабжению Мальты, отправив туда три быстроходных судна под прикрытием 15-й крейсерской эскадры Вайана в сопровождении 8 эсминцев. Эта попытка окончилась неудачей, сопровождавшейся гибелью двух транспортов. Позднее итальянцы провели так называемый «линкорный конвой», которому англичанам нечего было противопоставить. Однако в начале марта соединение Эйч, действуя из Гибралтара, все же доставило на остров пятнадцать «спитфайров», они были очень нужны, поскольку люфтваффе усилило свой натиск, в первую очередь на корабли, базирующиеся на остров, так что подводные лодки несли потери, находясь в гавани. Прорыв итальянского конвоя позволил Роммелю вторгнуться в Египет.

Тем не менее очередному усиленному конвою Вайяна (всего 4 легких крейсера и 16 эсминцев) по сопровождению четырех транспортов угрожало столкновение с итальянской эскадрой из 2 тяжелых, одного легкого крейсера, помимо 10 эсминцев во главе с флагманом – новейшим линкором «Литторио», что привело ко второму бою в заливе Сирта 22 марта 1942 года. Искусно действуя против превосходящих сил противника, Вайян все же провел два транспорта в Гранд-Харбор, но, затратив много времени на маневрирование, они пришли только утром 23 марта, чем и воспользовались немецкие бомбардировщики. «Хотя корабли сопровождения пытались защитить транспорты и буксировали горящие суда, показав незаурядное

упорство, одно судно было потоплено в 20 милях от порта назначения... Еще два судна прорвались в гавань, но были потоплены там. Только пятая часть из 26 000 тонн грузов попала на склады острова. Атаки люфтваффе против военных кораблей, стоявших в доках и гавани Мальты, стали такими опасными, что стало ясно – всем кораблям, способным двигаться, следует немедленно покинуть остров. Так начался апрель 1942 года, период самых жестоких испытаний для Мальты, когда мы оказались на грани потери этого важнейшего бастиона, контролирующего всю центральную часть Средиземного моря» (Роскилл. С. 277).

Неприятельская авиация тем временем продолжала наращивать бомбежки Мальты настолько, что она стала слишком опасной для базирования кораблей англичан. 1 апреля жертвой вражеских налетов оказались подлодки «Пандора» и Р-36, а спустя неделю в порту затонул эсминец «Ланс», а немецкой бомбой был серьезно поврежден эсминец «Кингстон», находившийся без движения почти год эсминец «Галлант» получил дополнительные повреждения, не говоря о разрушениях на верфях, складах и причалах. Так же обстояло дело на аэродромах, на которых погибло 126 самолетов, не считая еще 20 машин, сбитых в воздушных боях.

В письме к Рузвельту от 1 апреля Черчилль констатировал: «Воздушное наступление на Мальту является весьма ожесточенным. Сейчас в Сицилии имеется около 400 германских и 200 итальянских истребителей и бомбардировщиков. Мальта же теперь может выставить только 20 или 30 исправных истребителей. Мы продолжаем питать Мальту “спитфайрами”, партиями по 16 самолетов, которые взлетают с авианосца “Игл” на расстоянии примерно 600 миль западнее Мальты.

Много раз это давало хорошие результаты, но сейчас “Игл” вышел на месяц из строя на месяц из строя вследствие дефектов в рулевом управлении. Не согласитесь ли Вы разрешить Вашему авианосцу “Уосп” совершить одно из этих плаваний при условии, что морские штабы в достаточной мере договорятся о подробностях? Мы считаем, что благодаря своим широким подъемникам, вместимости и длине “Уосп” мог бы взять на борт 50 “спитфайров” или больше.

В течение апреля и мая 126 самолетов были благополучно доставлены гарнизону Мальты; это дало хороший эффект. Налеты

бомбардировщиков, достигшие кульминационной стадии в апреле, начали теперь ослабевать – в значительной мере в результате крупных воздушных сражений 9 и 10 мая, когда 60 “спитфайров”, только что прибывших в Мальту, вступили в бой и причинили противнику большие потери. Дневным налетом сразу был положен конец» (Черчилль. Т. 2. С. 441–442). Тем не менее в апреле – мае 1942 года немцы вместе с итальянцами обрушили на Мальту бомбовый груз, вдвое превышающий тот, что Лондон получил за все годы войны.

На этот раз спасло Мальту то, что немцы и итальянцы не смогли договориться о начале штурма: Роммель считал, что сложившаяся обстановка благоприятствует броску к Суэцкому каналу, тогда как итальянцы предлагали в это время высадить десант на Мальту. В этом споре победил сильнейший – Роммель. Тем не менее, вопреки мнению Адмиралтейства, адмирал Кэнингхэм и командиры кораблей приняли решение сохранить Мальту в качестве военно-морской базы на будущее любой ценой, одновременно освободив ее от лишних кораблей и судов, уже утративших боевую мощь. Первым оставил Мальту эсминец «Хэнкок», однако так и не добравшийся до Гибралтара, – в результате навигационной ошибки он оказался на мели, а его экипаж был интернирован французами – вишистами. 17 апреля Мальту покинули легкий крейсер «Пенелопа» и польская подводная лодка «Сокол», которые, израсходовав по пути весь боезапас средств ПВО, все же добрались до Гибралтара. В Александрию ушла вся 10-я флотилия подводных лодок. Многие корабли из-за своих повреждений были не в состоянии покинуть остров.

Первый рейс авианосца «Уосп», о котором шла речь в письме Черчилля, состоялся в апреле и, по сути, являлся опытным. Сопровождавшее его соединение W в составе линкора «Ринаун» и шести американских и британских эсминцев 20 апреля прибыло в точку, откуда самолеты были должны самостоятельно добираться до Мальты. По своей конструкции самолеты «Спитфайр» имели нескладывающиеся крылья, и чтобы освободить взлетную палубу, надо было предварительно поднять в воздух американские самолеты «Уайльдкэт», пока «спитфайры» прогревали моторы в ангарной палубе, что, строго говоря, было нарушением принятых правил, поскольку от выхлопных газов мог пострадать обслуживающий

персонал, однако на войне как на войне... Зато английские истребители уже на подъемнике оказывались с работающим мотором и в дальнейшем их взлет требовал всего восемь секунд. За сорок минут удалось выпустить все 58 самолетов, и теперь соединение W могло возвращаться в Гибралтар, которое прошло вполне благополучно.

К сожалению, этого нельзя было сказать о судьбе прибывшего авиационного пополнения на Мальте. Немцы и итальянцы оказались в курсе этого события и успели подготовиться к приему британского пополнения. Первые приземлившиеся на аэродромы Мальты «спитфайры» даже не успели заправиться горючим и боеприпасами, прежде чем на них обрушились самолеты противника, так что первые потери англичане понесли еще на земле. Несмотря на то, что в этом первом бою было сбито до сорока самолетов противника, прибывшего пополнения хватило ненадолго. На исходе апреля в боях было потеряно еще 23 «спитфайра», а оставшиеся имели такие повреждения, что без ремонта не могли успешно сражаться.

«Мальта громко взывала о помощи, – писал позднее Черчилль. – Во многих отношениях генерал Добби был в отчаянии. В марте он говорил, что его положение критическое, а 20 апреля он доносил: “Сейчас оно зашло дальше этого, и очевидно, может случиться самое худшее, если мы не сможем пополнить для удовлетворения жизненных потребностей. В особенности это касается муки и боеприпасов, причем очень скоро... Речь идет о том, чтобы выжить”. Спустя несколько дней он добавил, что потребление хлеба сокращается на одну четверть, что хлеба хватит до середины июня.

Я был готов пойти на серьезный с военно-морской точки зрения риск ради спасения Мальты, и военно-морское министерство согласилось со мной. Мы подготовили на всякий случай план посылки адмирала Сомервилла... чтобы провести конвой на Мальту... Я просил президента Рузвельта разрешить “Уоспу” совершить второй рейс со “спитфайрами”» (Черчилль. Т. 2. С. 444).

Причины награждения Мальты Крестом короля Георга были сформулированы следующим образом: «В знак уважения к мужественному мальтийскому народу я награждаю Крестом короля Георга островную крепость Мальту, проявившую стойкость и героизм, которые надолго запомнятся в истории». Этот акт был подтвержден спустя полвека во время посещения острова королевой Елизаветой II и

герцога Эдинбургского установкой Победного колокола в память павших солдат, моряков и гражданских мальтийцев, силой обстоятельств ставших воинами на полуострове Шиббергасс.

Второй рейс «Уоспа» в сопровождении английского «Игла», завершившийся 9 мая, оказался более удачным, поскольку на Мальте учли уроки предшествующей аналогичной операции и подготовились лучше.

Было доставлено еще 61 истребитель, потеряв на последнем этапе всего три машины. Атаки немцев с воздуха были отбиты с большими для них потерями, что стало первым результатом англо-американского сотрудничества при защите Мальты, но не последним.

Одновременно быстроходный минный заградитель «Уэлшмэн» неоднократно доставлял на остров боеприпасы и другие тяжелый грузы, специально выделенные подводные лодки подвозили авиабензин. С полным напряжением работал «Игл», доставивший на остров в середине мая еще 17 машин. Воздушная оборона Мальты стала улучшаться, несмотря на потери. Тем временем немцы и итальянцы продолжили проводку конвоев из Италии в Африку, теперь в безопасности от атак английских подводников. На этом этапе немецкое командование пришло к выводу, что Мальта получила свое, и ее опасность сведена до минимума. Дальше, по мнению солидных союзных источников, «произошло невероятное. Подкрепления, которые были предназначены для Африки, Гитлер направил на русский фронт. Из 60 000 тонн материалов, запрошенным Роммелем на июнь, ему фактически было прислано только 3000» (Ч. Нимиц, Э. Поттер. С. 111), что не могло не отразиться на возможностях этого талантливого полководца, вскоре за взятие Тобрука с его богатейшими трофеями пожалованного фюрером в фельдмаршалы. Такая ситуация возникла не случайно – в коалиционных войнах решения принимают столь высокие инстанции, что командующие флотов и армий не успевают порой на них реагировать.

На море англичане продолжали нести потери (только в апреле – мае они потеряли три подлодки и два эсминца), но с захватом Тобрука в июне с его колоссальными трофеями, в Берлине решили, что можно обойтись без взятия Мальты. Таким образом, судьбу острова, помимо мужества и стойкости самих островитян, определил ряд обстоятельств: переброска немецкой авиации на Восточный фронт, пополнение

авиапарка Мальты авианосцами «Игл» и «Уосп», возросший опыт использования пополнения наземными службами самой Мальты и целый ряд других моментов. Главный результат – воздушные атаки немцев и итальянцев всё чаще наталкивались на жестокий отпор, возраставший с каждой неделей.

Кессельринг, которому в обозримом будущем предстояло возглавить немецкие силы в Италии и в ее колониях, лично решил ознакомиться со складывающейся ситуацией и в начале апреля встретился в Ливии с Муссолини и генералом Кавальери. Поскольку, по мнению Кессельринга, после жестких ударов с воздуха Мальта в значительной степени утратила свой оборонительный потенциал (особенно военно-морской), когда доки, причалы и склады Гранд-Харбора испытали наиболее жестокие бомбовые удары с воздуха, настала пора нанести по острову решающий удар в процессе операции «Геркулес». С этим согласилось итальянское руководство в лице Муссолини, а Кавальери предложил использовать для этого резервную итальянскую парашютно-десантную дивизию в составе двух полков, батальона саперов и шести артиллерийских батарей. Гитлер с учетом опасного опыта захвата Крита с его огромными потерями, при всех сомнениях также позволил себя уговорить, выделив для операции еще один саперный батальон, транспортную авиацию для его переброски и какое-то количество быстроходных десантных барж. Высказал свое мнение и Роммель: «Танковая армия должна атаковать как можно скорее после захвата Мальты. Если операция по захвату Мальты затянется дольше 1 июня, возможно, армии придется атаковать, не ожидая захвата острова». Свои расчеты он строил в зависимости от получения необходимого ему горючего, боеприпасов, техники и продовольствия, выражая надежду на активность итальянского флота, способного сдержать морские силы англичан, базирующиеся на Александрию. Повторилась знакомая история: Роммель стремился выполнить стоявшую перед ним задачу, Гитлер, вспоминая потери парашютистов на Крите, боялся их повторения на Мальте, а Муссолини, как и в середине 1940 года, опасался, что его немецкие союзники при захвате Суэцкого канала обойдутся без него. Интересно всё же знать, планируя операцию по захвату Мальты десантами с воздуха и с моря, привлекали ли авторы этих планов описание

событий первой осады 1565 года или нет? Увы, автору не удалось получить сколько-либо убедительный ответ на этот вопрос...

Хотя в марте авианосец «Игл» перебросил туда еще 34 самолета (чего было явно недостаточно на будущее), тем не менее Кессельринг убедился в неспособности итальянского флота решить проблему Мальты, усилив немецкие бомбежки острова. В ответ на это, по Черчиллю, на Мальте «английские военно-воздушные силы остались, чтобы драться за свою жизнь и за жизнь всего острова. В эти критические недели у нас часто оставалась в строю лишь горстка истребителей. Наши люди были вынуждены напрягать свои силы до предела, чтобы не дать себя уничтожить и чтобы поддерживать постоянный поток самолетов, использовавших Мальту в качестве промежуточной базы на пути в Египет. В то время как экипажи самолетов дрались, а наземный персонал занимался обслуживанием и заправкой самолетов горючим для следующей схватки, солдаты ремонтировали пострадавшие аэродромы. Мальта побеждала, будучи на волосок от поражения» (Черчилль. Т. 2. С. 440). Однако весной 1942 года в глазах друзей и врагов актуальной оставалась именно перспектива поражения, тогда как иной исход выглядел чем-то вроде отдаленной перспективы наподобие миража. В этой ситуации гражданским и военным мальтийцам оставалось сражаться не на жизнь, а на смерть – они и сражались... Однако в мае плохо скоординированная оборона с воздуха обошлась англичанам в три ценных эсминца, еще раз доказав, к чему приводит использование кораблей без должной защиты с воздуха.

В середине июня англичане провели совместную операцию западных сил из Гибралтара (операция «Гарпун» под начальством вице-адмирала Сифрета, заменившего Сомервилла, отправленного на восток после нападения японцев на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г.) и «Вигорес» с востока из Александрии под командованием контр-адмирала Вайана. Командование в Александрии в это время возглавил адмирал Харвуд, заменивший Кэнингхэма, отозванного для планирования операции «Торч», о которой пойдет речь впереди. Конвой с запада вошел в Средиземном море в ночь с 11 на 12 июня, потеряв на пути к сицилийским узкостям от налетов противника единственное судно. Однако, после того как силы сопровождения повернули обратно, южнее острова Пантеллерия оставшиеся пять

эсминцев столкнулись с таким же количеством итальянских эсминцев, поддержанных двумя крейсерами. В результате потери возросли еще на один транспорт, а два других получили такие повреждения от вражеского обстрела, что их пришлось затопить, и в конечном результате только два транспорта добрались до Мальты. Едва ли такой результат оправдывал затраченные усилия, но ничего другого ради защиты острова просто не оставалось.

Сходным образом развивались события и в конвое «Вигорес» из Александрии, который вышел в море 13 июня в сопровождении семи крейсеров и 17 эсминцев, сопровождавшем одиннадцать транспортов из Александрии, что явилось показателем возросшей мощи защитников острова на море. На меридиане Тобрука к нему должны были присоединиться еще транспорты из других портов. Вражеская воздушная разведка обнаружила интенсивные передвижения судов конвоя на этой акватории, и уже 14 июня ударами с воздуха еще два транспорта были потоплены и еще два повреждены. На исходе дня адмирал Вайан получил сведения, что основные силы итальянского флота, базировавшиеся на Таранто, включая новейшие линкоры «Литторио» и «Витторио Венето», направились на пересечку его курса. Понимая, что в условиях продолжительного летнего дня (в отличие от марта) встречи с этими силами не избежать, Вайан запросил у высшего командования «добро» на возвращение. Однако адмирал Харвуд приказал ему продолжать движение к Мальте до 15 июня, спустя пять часов подтвердив это приказание. К тому времени выяснилось, что итальянские корабли находятся всего в 150 милях (практически в пяти часах хода) от британского конвоя, и только тогда Харвуд возложил на Вайана принятие окончательного решения в сложившейся обстановке. Маневрирование огромным соединением из пятидесяти кораблей и транспортов в условиях «бомбовой аллеи», как моряки называли эту акваторию Средиземноморья, при отсутствии должного взаимопонимания между командованием в море и на берегу, разумеется, не могло не сказаться самым отрицательным образом, что привело к потере крейсера «Хермион», потопленного немецкой подлодкой. Еще три эсминца из состава охранения и два транспорта пришлось на долю немецких летчиков. «Потери королевских военно-воздушных сил, – резюмировал Черчилль, – были значительными. – У итальянцев был потоплен тяжелый крейсер (“Тренто”. – В. К.) и

поврежден линкор («Литторио». – В. К.). Однако подступы к Мальте с востока остались закрытыми, и до ноября ни один караван не пытался пройти этим путем» (Черчилль. Т. 2. С. 443).

По результатам операции «Вигорес» английское руководство сделало целый ряд важных выводов. Во-первых, было отмечено плохое взаимодействие руководства из Александрии и командования в море, что привело в конечном итоге к неудаче всей операции. Во-вторых, выяснилась малая результативность атак британских летчиков по защите конвоя по сравнению с атаками немцев. Англичане явно преувеличивали собственные достижения (попадания бомбой и торпедой в линкор «Литторио» и торпедирование крейсера «Тренто», добитого позднее подводной лодкой «Амбра»). В целом, несмотря на этот ограниченный успех, немецкие воздушные атаки оказались результативнее английских. В-третьих, несмотря на двухлетний военный опыт, англичане обнаружили, что им не удалось создать такой сбалансированный флот в бассейне Средиземного моря, который бы смог обеспечить снабжение и активность Мальты. Все же, можно думать, в подобных выводах сыграли роль и другие причины, например, замена абсолютно не вовремя Кэнигхэма Харвудом, который в условия сложной и напряженной обстановки не смог быстро войти в новую роль в качестве командующего.

Между тем на сухопутном фронте после очередного рывка Роммеля 26 мая на восток события приобрели для англичан самый неблагоприятный, а главное, непредвиденный характер. Британское командование считало, что Роммель собирается нанести главный удар в тыл 8-й армии, что позволяло им при определенных условиях зажать «лису пустыни» в клещи, чему немало способствовали войска Свободной Франции, окопавшиеся в Бир-Хашейме и горевшие желанием искупить недавний позор своей страны. Они защищали свои позиции с отчаянным упорством, и сражение за этот пункт затянулось на неделю. Но 12 июня он пал, и дорога на Тобрук была открыта. Роммель сделал вид, что намерен наступать, как год назад, на Египет, а сам двинул свои подвижные силы именно на Тобрук, что для его гарнизона оказалось полной неожиданностью. Остальное было, как говорится, делом техники, в результате чего командующий крепостью южно-африканский генерал Клоппер сдал ее 21 июня отнюдь не в безнадежной ситуации с гарнизоном в 33 тысячи солдат. А главное – с

трофеями, которые надолго решили многие проблемы снабжения у Роммеля, так что спустя месяц он оказался всего в 60 милях от Александрии. Начальник штаба Роммеля отметил: «Трофеи были огромны. Они состояли из предметов снабжения для 30 тысяч человек на три месяца и более десяти тысяч кубических метров бензина. Без этой добычи нельзя было бы в предстоящие месяцы обеспечить достаточными рационами и одеждой наши танковые дивизии».

Для Черчилля, который в эти дни встречался в Соединенных Штатах с президентом Франклином Рузвельтом, падение Тобрука оказалось такой неожиданностью, что в первые минуты по получении этого известия он не мог взять ее в толк. «Это был один из самых тяжелых ударов, который я перенес во время войны. Были неприятны не только военные последствия, но это затронуло и репутацию английской армии... Я не пытался скрыть от президента полученный мной удар. Это был тяжелый момент. Одно дело поражение, другое дело – бесчестье... Не было ни упреков, не было сказано ни одного нелюбезного слова. “Что мы можем сделать, чтобы помочь Вам?” – спросил Рузвельт. Я сразу же ответил: “Дайте нам столько танков “шерман”, сколько вы сможете, и доставьте их на Средний Восток как можно скорее”» (Черчилль. Т. 2. С. 479).

От изнемогающей под гитлеровскими ударами России до африканских пустынь было почти так же далеко, как до берегов Америки, до Сталинграда оставалась еще полгода, Красная армия только что потерпела жестокое поражение под Харьковом, а в Баренцевом море назревал разгром каравана PQ-17 (с которым на дно ушло 430 танков, 210 самолетов и почти 3500 машин). Большинство из моих сверстников тогда не знало, где находится этот самый Тобрук, но что такое попавшие в плен наши отцы и братья, мы уже знали. Как и то, что вместе с союзниками нам предстояло победить или потерпеть поражение, и все вместе это назвалось коалиционной войной... Однако, вернемся в зной африканских пустынь, в которых солдатам приходилось расставаться с жизнью с такой же болью, как и в донских степях...

Однако захват Тобрука настолько вскружил немецкому командующему голову, что он решился на продолжение броска к Суэцкому каналу, не дожидаясь взятия Мальты. Гитлер одобрил этот план, получивший название «Мираж пирамид», который миражом и

остался, поскольку в этом оказалась снова виновата Мальта, самолеты и корабли с которой беспощадно отправляли на дно всё, в чем Роммель отчаянно нуждался, и чему снова и снова мешала какая-то Мальта, словно заноза в пятке у противника, готовая превратиться в опасную рану.

Чтобы не позволить противнику справиться с этой занозой, понадобилась операция «Пьедестал», которую Королевский флот провел в середине августа 1942 года. Когда положение с количеством грузов, необходимых для обороны Мальты, достигло опасного минимума, по Черчиллю, потребовалось вмешательство «сверху», потому «что только быстрая и обширная помощь могла спасти эту крепость. Прекращение отправки конвоев в Северную Россию после катастрофы в июле (имеются в виду события, связанные с конвоем PQ-17 в Баренцевом море. – В. К.) сделало возможным военно-морскому министерству воспользоваться флотом метрополии» (Черчилль. Т. 2. С. 528), тем более, что такое решение находилось в рамках концепции коалиционной войны. Чтобы ввести противника в заблуждение, было решено, что конвой из Александрии будет играть лишь вспомогательную, отвлекающую роль, тогда как западный конвой во главе с вице-адмиралом Сифретом будет усилен, как по количеству транспортов, так и охранения.

Главной особенностью операции «Пьедестал» было мощное авиационное обеспечение с привлечением большого количества авианосцев и соответствующего ближнего охранения. Действительно, охрана и сопровождение четырех авианосцев («Игл», «Фьюриес», «Викториес», «Индомитейбл») требовало привлечения еще двух линкоров («Нельсон» и «Родней»), семи крейсеров и двадцати четырех эсминцев. Соответственно, это был самый большой конвой, направлявшийся на Мальту. Особое место среди четырнадцати транспортов принадлежало зафрахтованному американскому танкеру «Огайо» с британским экипажем. Не случайно С. У. Роскилл особо отметил, что, по мнению Адмиралтейства и самого Военного кабинета министров, судьба Мальты зависела от количества судов, которым предстояло добраться до острова.

После прохождения Гибралтарского пролива потери в этом грандиозном конвое начались на меридиане Алжира 11 августа, когда немецкая подлодка U-73 утопила ветерана мальтийских конвоев

авианосец «Игл» (в 1942 году он совершил девять походов на Мальту, доставив туда 183 «спитфайра»). Большая часть экипажа этого замечательного корабля была спасена конвойными эсминцами. Утром 11 августа в 550 милях от Мальты авианосец «Фьюриес» поднял в воздух свои «спитфайры», предназначенные для Мальты.

Однако уже вечером 11 августа начались атаки вражеской авиации, когда конвой проходил траверз Бужи на африканском берегу. После полудня 12 августа на конвой навалились восемьдесят вражеских самолетов, включая торпедоносцы, один из которых повредил авианосец «Викториес». Форсирование завесы итальянских подводных лодок прошло благополучно, но к вечеру атаки с воздуха возобновились, и очередная бомба, пробив палубу авианосца «Индомитейбл», вывела его из строя. Теперь только «Викториес» мог принимать самолеты для посадки и выпускать их в воздух, и то с ограничениями. На траверзе Бона самолеты противника с острова Сардиния потопили первый транспорт. Правда, с приближением к меридиану Бизерты конвойные эсминцы утопили итальянскую подводную лодку, после чего основные главные силы охранения во главе с Сифретом легли на обратный курс к Гибралтару. Теперь ближнее охранение осуществлял контр-адмирал Г. М. Бэрроу с четырьмя крейсерами и двенадцатью эсминцами.

Этим воспользовалась авиация и подводные лодки противника, всей своей мощью обрушившиеся на конвой по мере его приближения к Мальте, последствия которого последовали незамедлительно. Теперь итальянское военно-морское командование решило направить на пересечку конвою свои корабли с баз Сардинии, Сицилии и даже Неаполя. Такое решение не оказалось неожиданным для английского командования, которое предусмотрительно развернуло на их пути завесу из своих подводных лодок. На этот раз жертвами одной из них – «Анброкен» – оказались крейсера «Больцано» и «Атендоло», что заставило держаться остальные севернее Сицилии. В свою очередь итальянские подлодки «Ассум» (правда, потеряв свою «Кобальто») успели поразить торпедами английские крейсера «Каир» и «Нигерия» (флагман контр-адмирала Бэрроу, возглавившего путь конвоя на завершающем отрезке на меридиане Бизерты). Первый из них был затоплен собственной командой, в то время как со второго адмирал Берроу перенес свой флаг на один из эсминцев, сохранив, таким

образом, командование над вверенной ему частью конвоя. Затем уже во время налетов вражеской авиации с Сардинии пошли на дно два транспорта. Очередная подлодка торпедировала британский легкий крейсер «Кения», который тем не менее остался с конвоем. Получая эти известия, адмирал Сифрет вернул в охранение конвоя легкий крейсер и два эсминца, что, однако, мало что могло изменить в последующих событиях. В полночь с 12 на 13 августа конвой обогнул мыс Бон, и в узком проливе между Тунисом и итальянским островом Пантеллерия его ожидали яростные атаки торпедных катеров, использовавших ночную темноту, которые торпедировали легкий крейсер «Манчестер» и пять транспортов. Крейсер «Манчестер» сел на мель у берегов Туниса, а его экипаж был интернирован по распоряжению правительства Виши. Один из торпедированных транспортов остался на плаву и продолжил свой путь к Мальте.

Потрепанный конвой, несмотря на понесенные потери, продолжил свой путь к месту назначения. С рассветом 13 августа немецкие бомбардировщики продолжили атаки с воздуха, следствием которых стали повреждение еще трех и потопление одного из транспортов. Таким образом, по сути, от конвоя остались жалкие остатки, но Берроу со своей стороны сделал всё, чтобы довести их до цели. В этом проявилась особенность британского руководства не жалеть сил и средств, несмотря ни на какие потери при проведении операций, направленных на сохранение важнейших объектов, имеющих стратегическое значение для сохранения всей системы обороны в целом, в число которых попала и Мальта. Ее авиация на завершающей стадии операции «Пьедестал» обеспечила авиационное прикрытие того, что осталось на плаву от конвоя при приближении к берегам острова.

Утром 13 августа конвой и его охранение оказались в зоне действия британских подлодок и около 10 часов силы прикрытия повернули к Гибралтару, а в полдень последовали очередные атаки немецкой авиации. Вместе с итальянцами немецкое командование отчетливо понимало значение этого конвоя как для выживания Мальты, так и судьбы армии Роммеля на Североафриканском ТВД и, со своей стороны, также не жалело сил и средств, не считаясь с потерями, тем более что им удалось уничтожить еще один транспорт и повредить три, включая особо ценный «Огайо» с грузом драгоценного

горючего. Несмотря на все усилия противника, остатки конвоя, всего пять единиц, вошли в Гранд-Харбор, хотя при приближении к берегам Мальты танкер получил очередное попадание и был доставлен на Мальту на буксире, погрузившись в воду по главную палубу с пожаром на борту, что само по себе было угрожающим событием. Главное – 32 тыс. тонн генеральных грузов и 15 тыс. тонн топлива позволили Мальте дальше активно сражаться. Оценку операции «Пьедестал» первый морской лорд выразил в следующих словах: «Я полагаю, что мы легко отделались, учитывая тот риск, на который шли, а также колоссальную концентрацию вражеских сил, с которыми столкнулись». По мнению Черчилля, не считая погибших кораблей и транспортов, «потеря 350 офицеров и матросов и такого большого количества лучших судов торгового флота и эскортных кораблей была весьма прискорбна. Но награда оправдывала ту высокую цену, которой она досталась. Возвращенная к жизни и пополнившая свои запасы вооружения и продовольствия, Мальта ожила. Английские подводные лодки возвратились на остров, и вместе с ударными группами английских военно-воздушных сил они вновь заняли господствующее положение в центральной части Средиземного моря» (Черчилль. Т. 2. С. 529).

Учитывая значение Мальты, уже 17 августа «Фьюриес» доставил на остров очередную партию «спитфайров», а подводные лодки продолжали пополнять запасы бензина на острове. «С января 1941 года, когда началась осада острова, и до прибытия конвоя “Пьедестал” в августе следующего года на остров было отправлено 82 торговых судна с запада и востока. Подводные лодки совершили 31 рейс. Только 49 транспортов благополучно добрались до цели. В последние месяцы количество уничтоженных судов резко возросло. Хотя конвой “Пьедестал” значительно облегчил положение осажденных островитян, было ясно, что до конца осады было еще очень далеко» (Роскилл. С. 303).

Зато перспективы немцев и итальянцев в Северной Африке по итогам «Пьедестала» выглядели весьма хмуро просто потому, что ни Гитлер, ни Роммель не обладали морским мышлением, где роли коммуникаций и их защите принадлежит ведущая роль. «В августе 1942 года танковым частям Роммеля, готовым к наступлению, не хватило 6000 тонн горючего, чтобы преодолеть путь на Александрию.

Маршал Кавальери обещал Роммелю поставить эти 6000 до конца августа, но 28 августа 1942 года перед Тобруком был торпедирован танкер “Естрия”, а между Бенгази и Дерной потоплен танкер “Абруцци”. На 1 сентября 1942 года из 6000 обещанных итальянским Верховным командованием тонн 2600 тонн были потеряны в море, 1500 тонн оставались в Италии и лишь немногим более 1000 тонн доставлены в Африку. В сентябре были потоплены 22 небольших судна, шедших с грузом боеприпасов, горючего и продовольствия. В октябре 1942 года, накануне последнего сражения у Эль-Аламейна, перед Тобруком были потоплены танкер “Прозерпина” с грузом 3250 тонн горючего и транспорт “Терджестиа” с 1042 тоннами боеприпасов. Парализованный вследствие недостатка мазута итальянский флот смог послать в качестве эскорта лишь один миноносец.

Можно сказать, что первоначальное решение Гитлера 27 апреля 1942 года отсрочить захват Мальты, а затем новое решение от 26 июня 1942 года совсем отказаться от проведения этой операции, привело к проигрышу странами «Оси» битвы за Средиземное море. Мальта продолжала играть роль базы военно-морских сил, направленных против Аппенинского полуострова» (Баржо. 1956. С. 74). Всё описанное повторилось зимой 1942/43 года под Сталинградом, хотя и в больших масштабах, причем роковую роль в развитии событий там и тут сыграл Геринг, в обоих случаях пытавшийся осуществить неосуществимое.

Тем не менее с наступлением Роммеля англичане потеряли часть своих аэродромов в Северной Африке, и, таким образом, возможности британской авиации по прикрытию морских операций резко сократились. Возник своеобразный замкнутый круг, поскольку снабжение британской армии на этом ТВД также зависело от снабжения по морю, тем более что оно происходило теперь явно ненормальным образом – вокруг мыса Доброй Надежды. Ухудшение снабжения Мальты в первой половине 1942 года по сравнению с 1941 годом отчетливо подтверждается фактическим сведениями: из 30 транспортов, направленных к острову в первой половине 1942 года, 10 погибли, столько же были вынуждены вернуться, а из достигших цели три были потоплены в самом порту. В результате только семь судов выполнили свою задачу. (Это не считая потерь в военных кораблях сопровождения: крейсер, 8 эсминцев, подводная лодка, помимо

поврежденных транспортов и конвойных кораблей.) А ведь в 1941 году из 30 транспортов на пути к Мальте не добрался только один.

Сражение за Мальту приближалось к своему пику. С приближением Роммеля Харвуд перевел из Александрии в Порт-Судан на Красном море транспорты, плавмастерские, плавбазы и находившийся в ремонте линкор «Куин Элизабет», рассредоточив свои корабли по другим базам. С задержкой Роммеля у Эль-Аламейна начиная с 16 июля 1942 года вернулась на Мальту 10-я флотилия подлодок и были выполнены минно-тральные работы, с ликвидацией более чем двухсот вражеских мин. Тем не менее потери итальянского транспортного флота по сравнению с тем же периодом предшествующего года существенно снизились – только 90 транспортов общим тоннажем 191 000 тонн, из которых 36 было потоплено подводными лодками, 3 – эсминцами, 7 подорвались на минах, остальные – по совокупности причин. Потери немцев и итальянцев в подводных лодках оказались также значительными – до четырех единиц.

Следует согласиться с высокой оценкой результата операции «Пьедестал», поскольку теперь на кону оказалась судьба всех германо-итальянских сил Роммеля; определенно такая игра стоила свеч! При этом в пользу союзников сыграло свое роль еще одно обстоятельство – с заменой парка самолетов, базирующихся на Мальте, существенно возросла их автономность. «В 1939 году радиус эффективного действия базировавшихся на Мальту самолетов-торпедоносцев составлял всего 100 миль; в 1942 году он увеличился до 400 миль. Теперь суда держав Оси не могли уклониться от атак самолетов даже тогда, когда они выбирали наиболее удаленные обходные пути. Самолеты настигали суда и подвергали их сильным ударам даже в Бардии, Тобруке и Мерса-Матрухе. Противник понес значительные потери и в прибрежном судоходстве» (Нимиц, Поттер. С. 199).

Успех «Пьедестала» подбил англичан на явно авантюрную операцию против Тобрука, с целью вывести этот порт из строя в качестве базы снабжения армии Роммеля, против чего с самого начала возражал адмирал Харвуд. Каким-то образом эта операция пришлась на смену командования 8-й армии, противостоящей Роммелю, от Окинлека к Монтгомери, что еще более запутывает оценку ее результатов. Суть событий такова. 13 сентября эсминцы «Зулу» и

«Сикх» с десантом морской пехоты в количестве 350 бойцов, подкрепленные 150 солдатами на торпедных катерах, вышли из Александрии на десантирование этих сил, чтобы захватить береговые батареи и в дальнейшем вывести портовое оборудование из строя. Из-за непогоды только часть десантников смогла добраться до берега, а с рассветом начались вражеские атаки с воздуха, в результате которых погибли оба эсминца и крейсер ПВО «Ковентри». Определенно, на планировании операции сказалась не только смена командования, но и отсутствие необходимого взаимодействия между флотом и армией, поскольку Харвуд считал ее безрассудным риском, а Монтгомери свалил ответственность за ее провал на флотское руководство. В недалеком будущем, когда Харвуд не смог обеспечить быструю расчистку отбитых у немцев портов, по представлению Монтгомери он был отправлен в отставку. Карьера дельного моряка, столь успешно начатая в самом начале войны в водах Южной Атлантики, увя, на этом закончилась.

Тем не менее, начиная с сентября, давление на морские коммуникации Роммеля возросло настолько, что по сравнению с указанным месяцем, когда была потеряна пятая часть грузов, поступивших из Италии в Африку, в последующие месяцы потери грузов на снабжение Роммеля превысили половину, что зафиксировал дневник ближайшего сотрудника Муссолини, возглавлявшего МИД, Чиано: «С 19 сентября мы отказались от попыток провести конвои в Ливию; за каждую такую попытку приходилось платить высокую цену. Сегодня мы предприняли очередную попытку. Конвой отправился в составе семи судов в сопровождении двух крейсеров и десяти эсминцев... Все, именно все, наши суда были потоплены... Англичане вернулись в свои порты (на Мальте), после того как разгромили нас».

Большая часть судов противника отправлялась на дно подводниками 10-й флотилии британских подлодок и летчиками, как отмечено выше, вернувшимися на Мальту в результате операции «Пьедестал», совместные усилия которых поставили Африканский корпус Роммеля в критическую ситуацию. В то же время английские части в пустыне получали всё необходимое через Порт-Судан на Красном море, не считая горючего, которое шло из портов Леванта. Это означало, что контроль над Восточным Средиземноморьем в целом менялся в пользу союзников, хотя, строго говоря, за истекшие

месяцы ситуация для обеих сторон часто напоминала раскачивающийся маятник, меняясь в ту или иную сторону неоднократно, с определенным (часто малозаметным) успехом в пользу союзников, который складывался из множества факторов, из которых главными оставались возможности самой Мальты. Что касается Роммеля, то, при всех своих военных талантах, без горючего ему просто нечего было делать посреди каменистых и песчаных пустынь Северной Африки. Разумеется, не обошлось без помощи из Берлина (как и в случае со Сталинградом!), причем в роли прозорливца оказался командующий люфтваффе: «Последнее слово по поводу отказа операции против Мальты сказал сам Геринг... Позиция Геринга определялась теми крупными потерями в воздушно-десантных войсках и транспортных самолетах, которые были понесены при захвате Крита. Это и решило судьбы Мальты. Таким образом, приняв решение не уходить с Мальты, англичане могли записать на свой счет еще одну решительную победу в борьбе за Средиземное море...

...Почему так случилось? Основная причина неудачи заключалась в том, что страны “Оси” не смогли добиться на своих морских коммуникациях если не господства, то хотя бы достаточно прочного господства в воздухе. А это привело к тому, что 50 % всех грузов, направлявшихся в Африку, не доходили до места назначения» (Греффрат. С. 489).

Теперь «давление Мальты на коммуникации противника снова начало возрастать. В сентябре была потеряна пятая часть вышедших из Италии в Африку судов. Зато в последующие месяцы потери Оси резко возросли. Только половина судов, вышедшая в короткий, но исключительно опасный поход, добиралась до африканских портов. Большая часть этих потерь была результатом действий 10-й флотилии подводных лодок КВВС и ВСФ, базирующихся на Мальте. Их совместные усилия создали критическую ситуацию в Африканском корпусе Роммеля, который всего пару месяцев назад готовился полностью уничтожить наши силы на Среднем Востоке» (Роскилл. С. 304). В итоге к моменту наибольшего продвижения Роммеля на восток в его распоряжении, по некоторым сведениям, оказалось всего немногим более трех десятков танков. Даже если это заниженные

сведения, в любом случае в решительный момент их оказалось слишком мало, тем более при недостатке горючего.

Определенно проведение операции «Торч» и самозатопление флота Виши в Тулоне возвестили об изменении ситуации на Средиземноморском ТВД. Когда после сраженья у Эль-Аламейна фронт тронулся на запад, произошел еще целый ряд событий, изменивших обстановку вокруг Средиземноморья окончательно в пользу союзников. Еще в октябре немецкая агентура в Испании, пересчитывая огромное количество самолетов, ежедневно накапливавшихся на перешейке у Гибралтарской скалы, ломала голову о предназначении этой воздушной армады, по инерции приписав ее предназначение для Мальты. Однако всё сложилось иначе, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма морского министра правительства Виши адмирала Дарлана, отправленная в час ночи 8 ноября в адрес главы марионеточной власти маршала Петена: «Американские войска и английские суда совершили высадку в Алжире и поблизости от него. Атаки в нескольких местах отбиты... В других местах высадка была произведена неожиданно и успешно. Положение ухудшается, и оборона скоро будет сломлена. Поступили данные, что готовятся массовые высадки».

Действительно, английские эсминцы «Брук» и «Мэлкольм» высадили американскую морскую пехоту на мол этого порта, с целью захвата береговых батарей и чтобы помешать затоплению французских судов, стоявших в порту. Высадка проходила сложно, и ее успех первоначально не определился, тем не менее телеграммы Дарлана в адрес Петена на протяжении ближайших суток отражают развитие ситуации достаточно объективно. В 11.30 того же дня: «Алжир, возможно, будет занят сегодня вечером». В 17.00: «Поскольку американские войска вошли в город, несмотря на наше сопротивление, я дал указание вести переговоры о капитуляции». Спустя два часа город капитулировал. В Оране первоначально договориться с вишистскими французами не получилось. Два английских десантных корабля с американской морской пехотой были расстреляны в упор с большими потерями. В дело вступили береговые батареи, бои на побережье затянулись до 10 ноября, но всё кончилось капитуляцией вишистов.

У отступавших на запад войск Роммеля возникла неприятная перспектива оказаться между молотом и наковальней, в связи с чем возросла активность немецких и итальянских подлодок вдоль североафриканского побережья. По Черчиллю, «мы приняли решительные контрмеры, и к концу ноября в этих водах было уничтожено девять подводных лодок».

В разгар операции «Торч» адмирал Дарлан (которому приходилось думать о своей дальнейшей незавидной судьбе) приказал командующему французским флотом в Тулоне адмиралу Лаборду увести подчиненные ему корабли в Дакар, на что немцы отреагировали вторжением на юг Франции, формально контролируемой правительством Виши, чтобы захватить французские корабли в Тулоне. Политика правительства Виши по принципу «и вашим, и нашим», привела к очередной трагедии французского флота. Руками собственных экипажей 27 ноября были затоплены три линкора («Дюнкерк», «Страсбур», «Прованс»), четыре тяжелых крейсера («Алжир», «Кольбер», «Дюпле» и «Фош»), три легких («Галисоньер», «Марсельез», «Жан де Вьен»), тридцать эсминцев, шестнадцать подводных лодок, двадцать одно вспомогательное судно, общим количеством восемьдесят шесть боевых единиц. Флот, который одним своим присутствием имел возможность изменить ситуацию в ту или другую сторону далеко за пределами Средиземного моря, предпочел найти выход в самоубийстве, что не делает ему чести, по оценкам как наших, так и зарубежных специалистов, включая самых заинтересованных. Однако лучшая характеристика Дарлана, во многом сыгравшего в этих событиях определяющую роль, принадлежит Черчиллю: «Он пошел по пути, который привел его после двух лет беспокойной и постыдной службы к насильственной смерти, к обесчещенной могиле; имя его стало надолго ненавистно французскому флоту и стране, которой он до этого служил так хорошо» (Черчилль. Т. 1. С. 404). Комментарий с нашей стороны в отношении тулонской драмы и судьбы французского флота, по сути, совпадает с английской оценкой: «Ни на одном ТВД он не сыграл сколько-нибудь заметной роли, а уничтожали его все – англичане, американцы, немцы, итальянцы, японцы (в Индокитае) и сами французы» (Тарас. С. 286). Иначе и быть не могло, когда могучий флот

славной страны оказался игрушкой в руках недостойных правителей, понесших в конце концов заслуженное наказание.

Таким образом, изменение ситуации на севере Африки во второй половине 1942 г. носило однозначный и кардинальный характер. Хотя по разным оценкам общее количество только немецких подводных лодок в это время достигло 25, их потери оказались весьма значительными, и только за полмесяца ноября авиация и корабли союзников утопили пять «у-ботов». Правда, в декабре Дениц направил в Средиземное море столько же, но рубеж Гибралтара удалось пройти только трем. В результате на Средиземном море позднее действовали лишь 23 немецких и десять итальянских подводных лодок – смешная цифра по сравнению с количеством только одних итальянских подлодок при вступлении Муссолини во Вторую мировую войну. «Итальянские подводные лодки, которых было во много раз больше, чем германских, никогда не вызывали у нас даже тени тревоги» (Роскилл. С. 273). Хотя этим лодкам на востоке Средиземного моря удалось утопить несколько крупных войсковых транспортов общим тоннажем свыше 60 000 и два эсминца из их охраны, эти потери компенсировались захватом более чем пятидесяти французских транспортов общим тоннажем почти 170 тыс. тонн.

За этими грандиозными событиями Мальта оставалась в центре внимания, что подтверждают литературные источники: «11 ноября быстроходный минный заградитель “Мэнксмэн” и 6 эсминцев прорвались на Мальту из Александрии и доставили туда самые нужные припасы, как сделал это несколько дней назад пришедший с запада “Уэлшмэн”. Даже если бы наши быстроходные заградители за всю войну не сделали больше ничего, одно только их значение в доставке снабжения на Мальту вполне оправдало бы постройку этих кораблей... Но все-таки не следует забывать, что спасение Мальты было результатом согласованных действий всех трех видов вооруженных сил и стойкости самих островитян... 13 ноября мы захватили в очередной раз Тобрук. Через неделю был захвачен Бенгази. Мы снова захватили передовые аэродромы в пустыне, которые так много значили для борьбы за Мальту. Эти успехи привели к попытке привести с востока конвой на остров. 17 ноября из Александрии вышли четыре торговых судна под прикрытием сильного соединения крейсеров и эсминцев. Несмотря на плохую погоду и

сильные воздушные атаки, конвой благополучно прибыл на остров. Операция “Стоунэйдж” означала конец тех ужасных страданий, который испытывал остров почти два года. Теперь в серьезной опасности оказались линии снабжения «Оси», идущие в Африку. Корабли знаменитой 15-й эскадры крейсеров, которой теперь командовал контр-адмирал Э. Дж. Пауэр, и несколько эсминцев стали у выщербленных бомбами пирсов Мальты. На аэродромы острова перелетела эскадрилья ночных торпедоносцев. Подводные лодки 10-й флотилии, которые несли на себе основную тяжесть борьбы с судоходством противника в самые трудные месяцы осады, получили долгожданное пополнение» (Роскилл. С. 317–318). Однако этим борьба с судоходством противника в прибрежных африканских водах, направлявшимся теперь в порты Туниса, не ограничилась.

В алжирском порту Бон было сформировано еще одно специальное соединение, «обслуживавшее» итало-немецкие перевозки в порты Туниса, на которых в ноябре – декабре было потоплено до сорока судов. Союзники, что называется, прочно контролировали перевозки противника. Правда, теперь минные поля, поставленные в проливе между Тунисом и Сицилией, мешали действиям союзников, что препятствовало сквозным перевозкам от Гибралтара в Александрию и обратно.

Тем не менее в сложившейся обстановке итальянский флот был вынужден покинуть свои южные базы, переместившись в Специю, тем самым оставив без прикрытия свои коммуникации на юге. Соответственно, во второй половине ноября 1942 года Африканский корпус получил лишь 33 000 тонн грузов, тогда как в море было потеряно 60 тысяч тонн, а в декабре – все 90 тысяч. О потерях немцев и итальянцев в августе – декабре 1942 года свидетельствуют следующие цифры: 174 транспорта тоннажем свыше 300 000 тонн, тогда как Мальта только на рубеже ноября – декабря получила 50 000 тонн грузов. Таким образом, в суровых сражениях 1942 года, когда чаша весов неоднократно склонялась в ту или другую сторону, Мальта выстояла, и конец ее испытаний был уже не за горами.

Глава 7. 1943 год. Североафриканский финал. Мальта наступает

Тем временем английская 8-я армия (командующий генерал-лейтенант Б. Л. Монтгомери), прорвав вражескую оборону, приступила к оккупации Ливии, заняв 23 января 1943 года Триполи, одолев за 80 дней наступления свыше 2000 км. Одновременно англичане спешно оборудовали захваченные порты для приема судов, в первую очередь Бенгази и Тобрук, в которых первые транспорты приступили к разгрузке спустя всего неделю после захвата союзниками. Это была весьма сложная работа, поскольку при отступлении противник пользовался всеми доступными средствами, чтобы вывести эти порты из строя, даже помимо обычного минирования. Весьма эффективным оказалось затопление судов с цементом в трюмах – такие «топляки» было практически невозможно поднять с грунта целиком, ни разрезать, чтобы освободиться от них по частям. Соответственно, использование портов для снабжения наступающих войск задерживалось, армия предъявляла претензии к флоту, а флоту, впервые столкнувшись с подобными сюрпризами противника, нечего было сказать в свое оправдание... Войска Монтгомери захватили Тобрук 13 ноября, а уже 19 ноября он принял первый транспорт с грузами для наступающих войск. Определенно, испытав первый шок, флотские саперы все же справились с такими неожиданно возникшими трудностями, которые было практически невозможно предвидеть. Особенно эта проблема обострилась по мере приближения к границам Туниса с удлинением коммуникаций на суше. Действительно, с захватом порта Триполи, который просто нечем было заменить, подобные трудности обозначились в полной мере, вызвав очередные претензии сухопутных войск к флоту.

Однако хуже оказалось, что немцы упредили союзников в оккупации Туниса. Уже 8 ноября с началом операции «Факел», они добились от правительства Виши согласия на оказание «помощи» в защите территории Туниса силами люфтваффе с аэродромов Сицилии и Сардинии, что позволило им в короткие сроки захватить аэродромы этого французского протектората. Когда Дарлан дал

указание вишисту Эстева (старшему французскому офицеру в Тунисе указание присоединиться к союзникам), немецкие самолеты уже находились на тунисских аэродромах. Часть французских сухопутных войск ушли на запад в горы, где вскоре присоединились к союзникам, а остальные были окружены и разоружены немцами.

С немецкой стороны этот неожиданный разворот событий выглядел следующим образом: «11 ноября немцы провели еще одно ответное мероприятие: в Бизерте и Тунисе были высажены с воздуха немецкие и итальянские войска; одновременно в указанные порты прибыли немецкие торпедные катера и минные тральщики, имевшие задачу обеспечить портовые сооружения от разрушений. Вначале события разворачивались для немцев и итальянцев довольно благоприятно, но затем фактор внезапности оказался исчерпанным, а всякие последующие войсковые перевозки стали наталкиваться на большие трудности. Потери тоннажа в этом районе достигли в конце концов внушительной цифры 120 тыс. брт. Несмотря на немецкую помощь, итальянцы не смогли организовать достаточную защиту даже небольших по протяженности морских коммуникаций между Италией и Тунисом. Немцы потеряли здесь единственный действовавший на Средиземном море эсминец “Гермес”. Этот эсминец был в свое время захвачен немцами на одной из греческих верфей и достроен.

Большие потери к тому времени понесла и итальянская авиация. Теперь даже с количественной точки зрения она не представляла серьезной боевой силы. Мощь немецкой авиации также была ослаблена, так как ее основные силы были заняты на сухопутных фронтах» (Маршалл. С. 350), прежде всего Восточном.

Затем на захваченные аэродромы последовали новые посадочные и парашютные десанты, и вскоре общая численность оккупантов (вместе с итальянцами) достигла 200 тыс. человек, которых надо было кормить и снабжать горючим и прочим довольствием, главным образом морем с Сицилии, мимо Мальты, отчего роль тамошней военно-морской базы снова стала возрастать. По другим источникам, «с величайшей поспешностью ряд немецких авиасоединений был снят с других фронтов и переброшен на Сицилию для борьбы с десантной армией западных союзников, с их морскими конвоями и судами в портах. Сюда были направлены лучшие летчики немецкой бомбардировочной авиации – специалисты по борьбе с боевыми

кораблями, наиболее опытные командиры авиационных частей и накопившие огромный боевой опыт на других фронтах летчики-асы. Однако общее количество боеспособных самолетов в немецких бомбардировочных частях в ноябре – декабре 1942 года не превышало 100–120 машин (бомбардировщики Ю-88). А через несколько недель их стало еще меньше – не более 40...

...В ноябре 1942 года кривая немецких авиационных потерь сделала такой скачок вверх, какого еще не наблюдалось за все время боевых действий в Африке. И в этом не было ничего удивительного, если принять во внимание недостаток одноместных истребителей и других самолетов, пригодных для сопровождения. В одних только воздушных боях над морем английские и американские истребители сбили 84 немецких транспортных самолета. С октября по декабрь 1942 года на средиземноморском театре понесли крупные потери и другие виды немецкой авиации. Бомбардировочная авиация, например, принесла в жертву 246, а истребительная авиация – 179 самолетов. Общее же количество потерянных самолетов достигло 772, и это, разумеется, самым чувствительным образом ослабило боеспособность всей немецкой авиации на юге» (Греффрат. С. 491–492). Хотя немцы продемонстрировали быструю способность реагировать на изменение обстановки, тем не менее всё, чего достиг Гитлер вкупе с Муссолини, – это отсрочить на полгода катастрофу в Северной Африке, вторую после Сталинграда в начале 1943 года.

Тем самым в Северной Африке возникла новая ситуация, связанная со снабжением 200-тысячной итало-германской группировки по короткому 100-мильному морскому пути из Сицилии в порты Туниса, проходившему вблизи Мальты. Хотя для этого требовалось всего около десяти часов, у итальянских моряков он вполне заслуженно получил название дороги смерти, ибо он практически на всем протяжении контролировался союзной авиацией, подлодками и надводными кораблями с Мальты, теперь позволявшими топить суда держав оси суммарным водоизмещением до 100 тыс. тонн ежемесячно. Всего на этом коротком пути за полгода пошло ко дну 243 транспорта и столько же были повреждены. Из этого количества потерь на долю авиации пришлось 67 %, подлодок – 8 %, еще 7 % подорвались на минах, только 5 % стали добычей надводных кораблей. Фюрер еще раз своими действиями обрек собственные отборные

войска на неизбежное поражение, что в создавшейся ситуации со всей определенностью стало неизбежным к середине мая 1943 года. Правда, этой участи избежали три дивизии вермахта, для которых в Африке не хватило тяжелого вооружения, что на фоне общей картины не могло ее изменить.

Потери военных кораблей держав оси в Средиземном море за тот же срок составили один тяжелый и один легкий крейсера, двадцать семь эсминцев и миноносцев и 36 подводных лодок, из них 13 немецких. Былой флот Муссолини таял буквально на глазах, и долго так продолжаться не могло, включая пространство бывшей французской колонии, примыкающей к мысу Бон, где закрепились на короткое время остатки бывшей армии Роммеля, теперь уже под командованием фон Арнима. (После Сталинграда фюрер не стал рисковать еще одним фельдмаршалом, которому угрожал плен, отозвав Роммеля под предлогом нового назначения.) В январе – феврале 1943 года здесь погибло до 20 % отправляемого тоннажа, в марте – апреле эта величина выросла вдвое, а в мае, накануне капитуляции немцев и итальянцев, она превысила две трети, что в конечном итоге и предопределило финал подразделений вермахта на материке Африки.

Позднее аналитики следующим образом оценили возможное развитие событий на захваченной немцами территории: «Гитлер выиграл гонку, захватив Тунис до появления там войск Эйзенхауэра. Однако это была сомнительная победа. По настоянию фюрера, чтобы удержать этот плацдарм, сюда пришлось перебросить почти четверть миллиона немецких и итальянских солдат. Если бы несколько месяцев назад фюрер направил Роммелю пятую часть тех войск и танков, что пришлось направить сюда теперь, то Лиса пустыни (кличка Роммеля по обе стороны фронта. – В. К.) наверняка уже находилась бы за Нилом, англо-американские десанты не высадились бы в Северной Африке, а Средиземное море было бы безвозвратно потеряно для союзников» (Ширер. С. 317). При одном неопременном условии, по мнению автора: если бы немцы и итальянцы обладали бы даром союзников при самых колоссальных потерях быстро ликвидировать их последствия за счет своих потенциальных возможностей, которыми не обладал их противник, расходовавший собственные силы по многим направлениям. Разумеется, даже этот самый неблагоприятный вариант не отменял Сталинграда со всеми его последствиями.

На этом общем фоне, явно неблагоприятном для держав оси, происходили также боестолкновения не столь значительного масштаба. 16 марта у берегов Пантеллерии, итальянского острова в Тунисском проливе, состоялся по-своему показательный бой между итальянскими и британскими эсминцами, позволявший судить о направлении будущих ударов союзников. Два итальянских эсминца сопровождали транспорт в направлении Африки. Первоначально итальянский эсминец «Синьо» торпедировал британский эсминец «Пакенхем», но и сам отправился на дно, изрешеченный вражескими снарядами. В свою очередь британский эсминец «Паладин» взял на буксир поврежденный «Пакенхем», но вскоре по приказу с Мальты затопил его, предварительно приняв на борт экипаж аварийного корабля. 4 мая 1943 эсминцы «Нубиан», «Паладин» и «Петард» отомстили за его гибель, утопив у тунисского берега очередной транспорт и сопровождавший его эсминец «Персей», в те дни, когда союзные американские, английские и французские войска уже наносили свои последние удары противнику на Африканском материке в окрестностях Бизерты, Туниса и мыса Бон.

Финал немецко-итальянских войск в Тунисе, по Роскиллу, складывался следующим образом: «К концу января 1943 года 8-я армия пересекла границу Туниса, но прошло еще два месяца, прежде чем солдаты Монтгомери прорвали оборонительные позиции, известные как линия Марет. Вскоре после этого были захвачены Сфакс и Габес (порты на юге Туниса. – В. К.). И опять Прибрежная эскадра шла по пятам наступающей армии. Крейсера и эсминцы Эндрью Кэнингхэма, базирующиеся на Мальте и в Боне (в Алжире. – В. К.) и базовая авиация делали барьер в Узкостях всё прочнее. Поэтому судоходство между Италией и Африкой свелось к рейдам подводных лодок. Хотя противник почти до последнего дня пытался проводить транспорты в Тунис и Бизерту, его потери постоянно росли. В первые пять месяцев 1943 года на Средиземном море было уничтожено более 500 торговых судов оси водоизмещением более 560 000 тонн. К началу мая Африканский корпус был практически отрезан от Европы. В это же время наши значительно увеличенные силы сопровождения конвоев наносили вражеским подводным лодкам тяжелые потери. С января по май были потоплены девять итальянских и одиннадцать германских подводных лодок. Группа подводных лодок, которую

Дениц отправил на Средиземное море и которая нанесла нам ряд тяжелых ударов, была практически уничтожена.

В начале мая 8-я армия нанесла последний удар, завершивший долгую кампанию. 7 мая войска союзников вступили в Тунис и Бизерту. На следующий день сэр Эндрью Кэнингхэм передал всем своим силам: “Топить, жечь, уничтожать. Не упускать никого”. Он был полон решимости не выпускать из тисков ни одного солдата оси, который смог бы продолжать борьбу на материке. Крейсера и эсминцы смело бороздили воды, в которых еще год назад мы несли тяжелейшие потери, пытаясь удержать Мальту. Торпедные катера обыскивали каждый клочок африканского побережья в поисках вражеских судов. Но они нашли не так уж много целей, так как вражеские попытки эвакуировать войска были не слишком решительными. 13 мая капитулировал последний солдат оси в Африке. Стратегическая цель, к которой Британия стремилась в течение трех лет, наконец была достигнута. Создались предпосылки для возвращения на Европейский континент. Хотя последняя фаза кампании в Северной Африке была решена на суше, именно наше господство на море позволило нашим армиям оправиться от первых поражений и накопить силы для решающего наступления. Если бы враг сумел установить прочное господство на Средиземном море, совершенно ясно, что сухопутная кампания пошла бы по другому пути.

Задолго до капитуляции в Тунисе флот начал готовиться тралить плотные минные поля в Узкостях. 5 мая Кэнингхэм сообщил Адмиралтейству, что “проход через Средиземное море чист”. Через неделю первый конвой с мая 1941 года благополучно прибыл в Триполи. После этого возобновилось регулярное сообщение между Гибралтаром и Александрией. Конвои, ранее следовавшие по длинному маршруту мимо мыса Доброй Надежды, который был дорогой жизни для войск на Среднем Востоке с июня 1940 года, были остановлены. Корабли снова начали ходить в Индию и Австралию через Суэцкий канал. Для Британии это означало колоссальное облегчение нагрузки на торговый флот, которую еще больше усугубили тяжелые потери предшествующих трех с половиной лет. Когда снова был открыт древний морской путь через Средиземное море, нехватка торгового тоннажа, которая раньше вызывала у нас серьезную тревогу, была смягчена. Теперь мы могли приступить к

планированию будущих операций с новой энергией и верой в успех... Следующим шагом к полному открытию Средиземного моря стала реорганизация нашего торгового судоходства, чтобы как можно полнее использовать порты Туниса. Тобрук и Бенгази на востоке теперь потеряли свое значение, как и Бон и Бужи на западе. С другой стороны, Тунис и Бизерта находились в идеальном месте, точно на полпути между Гибралтаром и Александрией. Поэтому они стали центральной осью, вокруг которой вращалась системы конвоев. Далее порты Туниса (Бизерта, Тунис, Сус, Сфакс) стали вместе с Триполи пунктами сбора судов в ходе подготовки следующей десантной операции» (Роскилл. С. 354–356).

Один из командующих американскими войсками на новом ТВД, генерал О. Брэдли, отметил: «Хотя порты Сицилии находятся всего лишь в 160 километрах от побережья Туниса, противник совсем не желал повторять Дюнкерк. Чтобы эвакуировать хотя бы часть своих разбитых армий в Северной Африке, немцам требовалась поддержка корабельной артиллерии итальянского флота. Но итальянский флот благоразумно отстаивался на якорях в Специи и Таранто, где он прятался от англичане всю войну. Английский флот, намереваясь уничтожить силы оси во время эвакуации, устремился из дюжины средиземноморских портов в направлении этого угла Туниса... В полдень 9 мая американская армия добилась первой безоговорочной капитуляции войск стран оси» (Брэдли. С. 115).

Финал держав оси в Северной Африке оказался настолько очевидным, что не допускал двойного толкования. Спустя много времени немцы так объясняли ее причины: «Для Гитлера эта была вторая военная катастрофа после Сталинграда. Она означала потерю немцами около 10 дивизий (в Сталинграде – все 22. – В. К.) и также и потери торгового флота и огромное количество ценнейшей военной техники. На Германии не могли не отразиться также и потеря торгового флота с грузами и тяжелые потери в личном составе немецкой авиации. многие солдаты потеряли веру в Гитлера, а вместе с ней исчезла и решимость держаться до последнего. Потеря всех колоний явилась для фашизма самым тяжелым испытанием...

...Немецкие и итальянские войска потерпели военное поражение главным образом по двум причинам. Первая причина заключалась в отсутствии у держав оси надежных морских коммуникаций. Для того,

чтобы получить их, они должны были в первую очередь захватить остров Мальту, потому что обезвредить этот опорный пункт англичан на Средиземном море только при помощи авиации было невозможно. Кроме того, у немцев и итальянцев не хватало военно-морских сил и авиации для обеспечения надежного прикрытия морских конвоев, а небольшой радиус действия авиации не позволял ей создать прикрытие на всем пути их следования.

Другой основной причиной поражения войск стран оси в Африке является отсутствие на этом театре войны мощного флота и авиации, вследствие чего силы сухопутной армии вынуждены были действовать самостоятельно, безо всякой поддержки с моря и воздуха. Военно-морские силы и авиация, безусловно, охотно помогли бы своим войскам, но они не могли этого сделать, так как их основные силы были скованы на других театрах военных действий» (Вестфаль. С. 104–105), в первую очередь на советско-германском фронте, добавим мы. Хотя потерпевшие поражение нередко склонны избегать реальных причин своих неудач (в данном случае игнорируется отсутствие достаточно мощного итальянского флота, правда без объяснения причин, почему он не хотел сражаться), но в остальном этот вывод, с точки зрения штатского историка, достаточно объективен: в нем присутствует и Мальта, и Сталинград, и Восточный фронт, что характерно для коалиционной войны, с чем согласились американские флотоводцы: «Теснимые русскими на Волге и изгнанные из Африки, немцы уже почувствовали неизбежность своего поражения» (Нимиц, Поттер. С. 209).

Разумеется, наибольшее удовлетворение от такого разворота событий, причем вполне заслуженно, испытывал Черчилль: «Последние жалкие остатки некогда мощных сил Гитлера и Муссолини, пытавшиеся избежать своей участи, угрожавших захватить север Африки и даже прорваться в направлении Индии, в количестве 897 человек были сняты с мелких судов на пути к Сицилии, и только 653 удалось добраться до желанного берега» (Черчилль. Т. 2. С. 641). Основные силы немцев и итальянцев во главе с генералом Д. фон Арнимом оказались в плену на Африканском материке. Плодами победы на севере Африки союзники воспользовались немедленно. В начале июня из Гибралтара в Александрию отправился гигантский конвой в составе 129 транспортов, под охраной всего 19 эскортных

кораблей, благополучно добравшийся до портов назначения, поскольку немцы и итальянцы еще не пришли в себя после капитуляции тунисской группировки.

Специалист по военной истории с ходу обнаружит в настоящем описании громадные отличия от происходившего на Восточном фронте. Специалист по коалиционным войнам также не обнаружит для себя принципиально ничего нового. Зато историк четко обнаружит противоречия целей и намерений союзников, которые, оказывается, преследовали разные цели. Любой из этих специалистов будет прав, включая даже тех, о которых поэт сказал:

...Гиены и трусов и храбрецов жуют без лишних затей.
Но они не пятнают имен мертвецов – это дело людей.

Люди с кругозором (как правило, далекие от военных дел) будут говорить об историческом опыте человечества.

Автор, однако, вспоминает, как мы радовались в холодной и голодной России (тогда в Советском Союзе), в нашей такой же голодной и холодной школе, за успех наших союзников, тем более что наши отцы сами только что ценой невероятных усилий среди развалин Сталинграда достойно отомстили за позор и боль 1941 года. Выполнив это ценой собственных жизней, они все же первыми сломали хребет вермахта. Но то, что сделали союзники, давало всем надежду на встречу с ними однажды на берегах неизвестной пока еще реки посреди вражеского логова, за которой должен был наступить долгожданный мир во всем мире.

Это потом, в далеком будущем, возникнет на страницах газет и в эфире спор, кто из союзников внес наибольший вклад. Но для нас, на собственной судьбе познавших, что такое война, ее цена в ту пору измерялась количеством извещений, приходивших с фронта в каждую семью и суммировавшихся в каждом классе. Наверное, были и такие классы, где не уцелело ни одного из отцов. А географию мы постигали по скучным газетным картам, где нередко такие названия, как Мальта или Эль-Аламейн, чередовались с Курском и Сталинградом. А еще информацию о войне мы получали от тех, кто вернулся изувеченным с фронта, и нам не надо было объяснять, кто патриот, а кто нет. Понятие

конвой было для нашего поколения не только связано с названиями Воркута или Колыма, но еще и наших северных портов Мурманск и Архангельск, и замечательным словом «союзник», сделавших нас еще и интернационалистами, что никак не поколебало наше отношение к руководству собственной страны, допускавшему порой удивительные ляпы. Другое дело, что для многих моих сверстников понятия Сталин и Победа совсем не однозначны, но, однажды, когда я увидел на карте Скалистых гор в далеких Соединенных Штатах, жители которых не видели разрывов вражеских бомб и дыма пожарищ на своей земле, названия горных вершин Сталин, Рузвельт и Черчилль, я почему-то вспомнил эту проклятую и великую войну, где, к счастью, мы оказались в одном лагере. А что касается политических спекулянтов и лжецов от пропаганды, то не случайно их называют второй древнейшей профессией – каждый зарабатывает как может...

Глава 8. Операция «Хаски» и далее

Вероятно, наша книга будет неполной, если читателю останется неизвестной роль Мальты в военных событиях на противоположных берегах Средиземного моря. Автор уже излагал точку зрения Черчилля про поводу причин вторжения в мягкое подбрюшье Европы, хотя, по мнению других источников, «высадка на Сицилию (операция “Хаски”) планировалась и проводилась как самостоятельная операция с ограниченной целью. Союзные руководители предложили вторгнуться на Сицилию, с тем чтобы посмотреть, что из этого получится, прежде чем выбирать районы для последующих военных операций на Средиземном море» (Нимиц, Поттер. 1999. С. 215). Такая точка зрения ни сколько не противоречит авторской, тем более, что во всех вариантах Черчилля его устремление на север в попытке отсечь Западную Европу от натиска Красной армии оставалось неизменным. Правда, можно было ожидать, что одним из первых результатов такого броска на север станет падение режима Муссолини и выход фашистской Италии из войны, как это предусматривалось планами, принятыми союзниками в январе 1943 года в Касабланке, которые в общем виде на Средиземноморском ТВД выглядели так:

«Продолжение периферийных операций на Средиземноморском театре военных действий, по мнению англичан, позволяло вывести из войны Италию и вовлечь в нее Турцию. Если это произойдет, то для разгрома Гитлера вторжения через Ла-Манш вообще не понадобится. Считая, однако, что это вторжение все-таки должно быть проведено, и при том при больших шансах на успех, они предлагали вначале ослабить немецкие войска в Западной Европе ударами союзников в других местах (ну как не вспомнить пресловутого мистера Уильяма Питта старшего! – В. К.).

Хотя члены комитета начальников штабов США и не были убеждены в правильности рассуждений англичан, они не нашли веских контраргументов. Им не хотелось направлять еще больше союзных сил на Средиземное море, которое они не считали главным стратегическим направлением. Англичане же не хотели подвергать себя риску, возвращаясь во Францию в 1943 году, а без полного

согласия и взаимодействия обеих сторон о вторжении через Ла-Манш не могло быть и речи...

...Американцы в свою очередь согласились с отсрочкой вторжения через Ла-Манш до 1944 года. Тем временем силы противника были бы отвлечены из Европы наступательными действиями союзников в зоне Средиземного моря... Оставшееся время на конференции было посвящено выбору направлений для нанесения ударов в районе Средиземного моря. В конце конференции участники рассмотрели две возможные цели ближайших операций – острова Сицилию и Сардинию. Из этих двух островов Сардиния имела более слабую оборону и располагала базами, с которых союзные бомбардировщики могли производить налеты на промышленные центры Северной Италии, но она не имела достаточно большой гавани для развития успеха крупной морской десантной операции. В то же время захват Сицилии, хотя и намного более трудный, позволял создать непосредственную угрозу самой Италии и, возможно, заставил бы выйти ее из войны. Кроме того, захватив Сицилию, союзники установили бы контроль над Тунисским проливом, и поэтому могли бы уничтожить больше сил противника. Поэтому Сицилия была избрана в качестве первого объекта операций союзников в этом районе. Эта операция должна была начаться в один из дней июля 1943 года» (Нимиц, Поттер. 1999. С. 211–212).

Однако прежде союзникам предстояло разделаться с гарнизонами сравнительно небольших островов в Тунисском проливе (Пантеллерия, по размерам несколько уступавшая Мальте) и в группе Пелагских островов в ста километрах западнее Мальты. Пантеллерию дуче мечтал превратить в итальянскую Мальту, усиленно укрепляя ее с 1937 года. За Пантелерию англичане принялись тут же по завершении операций в Тунисе, подвергнув ее обстрелу уже 13 мая с крейсера «Орион», сопровождаемого двумя эсминцами. Огневое воздействие корабельной артиллерии продолжалось по крайней мере еще две недели, прежде чем 11 июня начался решительный штурм. Теперь на этот остров площадью всего 83 квадратных километра, не считая авиации, обрушился огонь четырех крейсеров и восьми эсминцев. Затем последовал десант, которому гарнизон численностью в 11 тысяч солдат и офицеров не оказал сколько-либо длительного сопротивления. Потери союзников при «штурме» Пантеллерии составили всего одного

«раненого» солдата – его укусил местный осел, продемонстрировавший, таким образом, явно антибританские настроения... Определенно итальянцы не хотели сражаться, и это было показательно. Спустя сутки настала очередь Лампедузы, гарнизон которой численностью до 5 тыс. солдат и офицеров также капитулировал 12 июня. Для Лианозы и Лампидони столь внушительных сил уже не потребовалось, с этой задачей справился крейсер «Ньюфаундлед» и эсминец «Нубиен», оперировавшие с Мальты. Теперь вырисовывалась очередная перспектива развития событий в виде высадки на Сицилию, которая готовилась очень тщательно, хотя трудно было ожидать от итальянцев, не видящих смысла в продолжении войны в союзе с немцами, готовности к сопротивлению после многочисленных поражений на суше и на море. Возглавлять эту операцию в качестве Верховного главнокомандующего предстояло генералу Дуайту Эйзенхауэру, заместителями которого на море оставался адмирал Кэнингхэм, от ВВС – английский маршал авиации Теддер.

На суше английская 8-я армия (генерал-лейтенант Монтгомери) должна была наступать по восточному побережью Сицилии, а 7-я американская армия (генерал-лейтенант Паттон) решала ту же задачу на западном. Чтобы лишенный топлива и подавленный серией неудач итальянский флот не мог помешать этому замыслу, ему противостояла английская группа прикрытия в составе шести линкоров, двух авианосцев, шести легких крейсеров и 24 эсминцев, не считая сил непосредственной поддержки сухопутных сил с моря на западе (американец вице-адмирал Хьюит) и на востоке (англичанин вице-адмирал Рамсей). При таком перевесе сил сомневаться в успехе не приходилось.

Еще до эвакуации своих сил из Северной Африки Генеральный штаб сухопутных сил Германии определил направления ударов союзных сил на Средиземноморском ТВД следующим образом: «Они надеются, что их военные успехи приведут к отпадению наших южноевропейских союзников... Первой целью десантной операции представляется Сицилия. Овладев ею, противник получит не только наилучшие условия для ведения воздушной и сухопутной войны против Итальянского полуострова, но и сможет возобновить движение судов через Средиземное море». Как в воду глядело ведомство

Канариса, но, разумеется, отменить операцию «Цитадель» на Курской дуге оно было не в состоянии, тем более что наши силы оказались в курсе предстоящих событий, как, впрочем, и союзники, сделавшие всё, чтобы озадачить противника в части своих намерений.

Для начала они начали периодически менять кодовые наименования как частей, предназначенных для высадки, так и разных этапов самой операции. Контакты офицеров, участвовавших в разработке этой операции, были предельно ограничены и контролировались спецслужбами. Использование специальных высадочных средств в виде особых десантных судов позволило исключить участки побережья, на которых можно было проводить десантирование с боевых кораблей, в задачу которых входила только огневая поддержка десанта на удалении от берега.

В распоряжение франкистских спецслужб, активно сотрудничавших с державами оси, был подброшен труп «майора Уильяма Мартина», предварительно снабженного материалами дезинформационного характера. Все эти усилия не пропали даром, поскольку в день капитуляции немцев и итальянцев в Тунисе в докладной записке ведомства Канариса сообщалось: «Обнаруженное у английского курьера письмо начальника Генерального штаба генералу Александеру от 23 апреля содержит следующие данные: командование англосаксов планирует провести две десантные операции на Средиземном море: а) против Греции (кодовое название “Хаски”), б) предположительно на западе Средиземного моря (Бримстоун). Кроме подтверждения о планах вражеского командования на Средиземноморском ТВД, в донесении содержатся сведения, подтверждающие намерения противника высадить десант на восточном побережье Пелопоннеса и провести демонстрацию против Сицилии».

Таким образом, англичане практически назвали оба вероятных направления, правда, сместив акценты: демонстративное направление в итоге оказалось главным, а главное в бумагах безвременно почившего майора Мартина – демонстративным, причем, как показали ближайшие события, немцы «купились» на эту тонкость. 12 мая на стол начальника штаба Верховного командования вермахта легла телеграмма следующего содержания: «Можно считать, что противник закончил подготовку (точнее – разработку. – В. К.) к операции.

Наиболее уязвимыми районами являются: а) в западной части Средиземного моря – Сардиния, Корсика и Сицилия; в восточной части Средиземного моря – Пелопонес и Додеканес».

Только 20 мая Кэнингхэм довел морскую часть операции до своих подчиненных. После захвата островов Пантеллерия и Лампедуза 11–12 июня определились ближайшие перспективы десанта на Сицилию в соответствии с решениями, принятыми еще на конференции в Касабланке. В первых числах июля адмирал Рамзай перевел свой штаб на Мальту, а 4 июля главнокомандующий Эйзенхауэр отдал приказ о начале операции «Хаски», совсем не там, где ее ожидали немцы. Забегая вперед, сообщу, что Гитлер отправил в Грецию Роммеля только 23 июня (спустя две недели после высадки союзников на Сицилии!), продолжая считать события на этом острове отвлекающими. Союзная разведка переиграла немецкую, впрочем, совсем как наша в событиях на Курской дуге в те же самые дни.

Особенностью предстоящей операции было планирование высадки десанта по принципу с берега на берег, для чего были построены специальные корабли, с малой осадкой, внешне напоминающие огромную плоскую коробку от сардин, как для пехоты, так и для техники, включая танки. По замыслу, упираясь в берег, такой корабль высаживал технику и людей по откидной аппарели в носовой части. Определенным недостатком таких плавсредств представлялась неустойчивость к сильному волнению. Учитывая численность задействованных сухопутных сил (в пределах от 337 до 470 тыс. участников по разным источникам), проблема десантирования имела огромное значение, и не случайно ей уделялось особое внимание, потому что впереди предстояли еще более грандиозные и сложные десантные операции, где морской фактор играл важнейшую роль.

Пусть читатель представит, что его танко-десантная в полном смысле «коробка» с характерным скрежетом садится на дно в ста метрах от берега, и теперь ему в качестве участника событий предстоит добираться до берега вброд под тяжестью навьюченной амуниции, чувствуя с каждым шагом, как песок и галька под его подошвами то и дело уходят из под ног...

Новый тип кораблей позволял их использовать по принципу «от берега до берега», когда десантники, заняв отведенные им места на этих суденышках на своем берегу, оставались на них вплоть до

высадки на вражеском побережье. Однако никто не мог поручиться за состояние этих людей на плоскодонных «коробках», не отличавшихся мореходными качествами, при сильном волнении, что предстояло проверить в реальных боевых условиях. Очевидно, эти «кораблики» с аббревиатурой LST (для морской пехоты) и LCT (для перевозки техники, включая танки) можно было использовать лишь на коротких расстояниях с учетом непродолжительного пребывания в море, что требовало соответствующей организации самого десанта с учетом всех обстоятельств. Затем с высадкой техники и десантников их можно было привлекать на помощь крупным транспортам, ставшим на якорь дальше от побережья.

Противника эти приготовления не насторожили, поскольку была проведена специальная операция британских спецслужб. В первых числах июля адмирал Рамсей, которому предстояло высаживать десант на специальных десантных судах на восточное побережье Сицилии, перенес свой штаб на Мальту. Всё говорило о приближении дня «Д», о котором 9 июля возвестил приказ Эйзенхауэра о начале операции «Хаски».

На самом деле она началась задолго до означенной даты, когда из портов восточного побережья США в конце мая вышли транспорты с войсками, предназначенными для высадки в Сицилии. Из портов Британии в Средиземное море между 20 июня и 1 июля вышли транспорты с канадскими войсками, к которым позднее присоединились транспорты из портов Ближнего Востока. Движение этих конвоев проходило в соответствии с решениями высшего командования во главе с Эйзенхауэром, строго по графику. Окончательный сбор американских сил вторжения происходил между Мальтой и Пантеллерией, британских – восточнее Мальты. Мелководный Тунисский пролив защищался авиацией и малыми судами из портов Туниса. Зато с востока это скопление судов самого разного типа прикрывали корабли самого мощного соединения Эйч из Гибралтара под командованием вице-адмирала Э. У. Уиллиса в составе четырех линкоров, двух авианосцев, четырех крейсеров и 17 эсминцев. В операции участвовало также крейсерско-миноносное соединение контр-адмирала К. Г. Дж. Харкуорта, задачей которого была поддержка десантников при высадке на берег огнем по вызову. Сама высадка была намечена на 2 часа 45 мин. 10 июля за три часа до рассвета.

Разумеется, сама операция включала не только технические проблемы, но и элементы детектива, присущие любой военной операции нашего времени, в стиле описанной выше «дезы», попавшей к немцам с трупом «майора Мартина». В результате немецкие силы были переброшены в Грецию и на Сардинию, а итальянские минные заградители вовремя так и не оказались у берегов Сицилии.

Вместе с тем, самая тщательная подготовка, разумеется, не исключает эффект непредвиденной ситуации, как это произошло, например, при пролете самолетов с парашютистами над скоплениями собственных боевых кораблей, не получивших вовремя предупреждения, был открыт огонь всех зенитных средств. В результате количество сбитых самолетов измерялось десятками, погибших десантников – сотнями. Хотя адмирал Кэнигхэм специально предупредил командиров парашютистов: «До сих пор каждый самолет, который появлялся над нашими кораблями в Средиземном море, был вражеским. И хотя флот сейчас переживает переходный период, всё еще очень трудно убедить легких на нажим спускового крючка молодчиков, что вполне реальна такая вещь, как появление над нашими кораблями своих самолетов».

С самого начала погода не благоприятствовала десантированию, прежде всего из-за сильного ветра и волнения с накатом на намеченных участках к высадке. Получая информацию от флотских метеорологов, руководство операцией решило продолжать ее без внесения существенных изменений, хотя состояние десантников на судах нового типа внушало серьезные сомнения к их готовности к предстоящему. Хотя скорость десантных кораблей существенно упала, они выдержали намеченный порядок при подходе к берегу, чему способствовали английские подводные лодки заранее развернутые у побережья, игравшие роль своеобразных маяков, указателей мест высадки и целей на берегу. Новый тип кораблей, достаточно дешевый в постройке, в высшей степени оправдал себя на будущее, но, что важно, впервые по настоящему был задействован (причем успешно) в значительных масштабах именно в Сицилии.

Итало-немецкое командование было введено в заблуждение не только фальшивками с телом и документами «майора Уильяма Мартина», но и результатами собственной воздушной разведки, прозевавшей изменение направления кораблей десанта на меридиане

Триполи, из залива Сирта устремившихся на север через район Мальты к местам высадки. Дополнительный фактор, который отвлек внимание оборонявших Сицилию войск, был обстрел корабельной артиллерией союзников районов, удаленных от мест запланированной высадки. По совокупности этих причин сопротивление союзному десанту (особенно со стороны итальянских войск) оказалось гораздо слабее, чем ожидалось. Тем не менее восприятие событий по американским и английским источникам самого первого дня высадки существенно отличается.

К западу от мыса Пассера (служившего разграничением в действиях американцев и англичан) события поначалу развивались достаточно напряженно. По мнению американцев, при высадке была «тактическая внезапность утеряна. Над водой вспыхнули огни прожекторов, затрещали пулеметы противника, заухала артиллерия. Когда снаряды противника стали рваться между волнами атакующих катеров, корабли поддержки открыли огонь. Как только высадочные средства подошли к берегу и были спущены сходни, пехота устремилась на берег и, стремясь захватить назначенные позиции, сразу же углубилась в расположение противника.

Самый сильный огонь противник открыл у Ликаты. Здесь группа пехотно-десантных катеров по плану должна была высадить свои войска после первой волны десантных катеров с техникой и транспортом, которые должны были уничтожить оборонительные сооружения на участке высадки. Вместо этого группа пехотно-десантных катеров направилась к другому участку побережья и оказалась там первой. Несмотря на сильный ружейно-пулеметный огонь противника, катера подошли к берегу и под прикрытием своих огневых средств высадили находившихся на них десантников.

Постепенно огонь противника ослабевал по всему фронту высадки. Наступающие войска быстро захватывали закрытые огневые позиции противника, а поддерживающие эсминцы и канонерские лодки уничтожали опорные пункты его обороны. К 08.00 большинство артиллерийских позиций противника было подавлено. Американцы вышли к намеченным им в качестве задачи дня «Д» рубежам со значительным опережением» (Нимиц, Поттер. С. 227–228).

Англичане также были довольны достигнутыми результатами первого дня. «К вечеру Д-дня (т. е. 10 июля. – В. К.), несмотря на все

проблемы, ударные части 8-й армии прочно закрепились на берегу Сицилии. Прибыли первые конвои с подкреплениями, а потери оказались незначительными. Самой лучшей новостью оказалось, что наши войска в первый же день захватили Сиракузы. Тральщики очистили подходы к порту так быстро, что уже 13 июля там разгружался первый конвой. Так как портовые сооружения почти не были разрушены, армия теперь почти не зависела от разгрузки прямо на побережье. В тот же день была захвачена Августа. И снова флот достаточно быстро привел порт в рабочее состояние. Эти успехи позволили нам отказаться от разгрузки снабжения на открытом побережье, гораздо раньше, чем предполагалось» (Роскилл. С. 365).

Просчет немцев в оценке времени высадки союзников дорого им обошелся. «Всего несколько дней назад германская авиация упустила благоприятную возможность нанести удар по нашим конвоям с войсками вторжения, когда они, как утки, растянулись по Тунисскому проливу. Теперь у побережья стояли на рейде тысячи судов, высаживавших десант, но противник по-прежнему воздерживался от решительного удара с воздуха. Либо немцы хотели нанести удар неожиданно, либо их положение было значительно хуже, чем мы ожидали... Только в процессе операции мы узнали, насколько эффективны были действия союзной авиации перед вторжением» (Брэдли. С. 149). Так отметил один из американских генералов. (Правда, возможно и другое объяснение: немцы не могли оказать летом 1943 года достойного сопротивления в Сицилии, поскольку их вооруженные силы были заняты подготовкой к сражению на Курской дуге, финал которой читателю известен.) Однако картина побережья оставляла, по тому же источнику, сложное впечатление: «Более 200 десантных судов застряло на отмелях, не дойдя до берега. Бульдозеры взрывали мягкий песок, оттаскивая волокуши с грузом подальше от воды за поросшие травой дюны, где грузы складывались в кучи. Более 700 автомобилей-амфибий сновали между кораблями и берегом, перевозя грузы. Везде на протяжении 25-километровой линии побережья до Джелы на песке валялись спасательные пояса, брошенные солдатами после высадки» (Брэдли. С. 250–251).

Определенно даже в самых рискованных операциях (а десанты, несомненно, являются таковыми) союзники уделяли главное внимание использованию новой техники и организации, стараясь снизить

напряжение боя непосредственно на участвующих в нем, что облегчалось состоянием войск противника. Немцы продолжали отчаянное сопротивление даже на чужой земле, в то время как итальянцы (тем более сицилийцы) уже не видели для своего участия в войне какого-либо смысла. Это не значит, что они целиком утратили свои боевые качества. Совсем не случайно их недавние союзники немцы позднее неоднократно отмечали, что с обретением цели войны (освобождения страны от гитлеровцев) боевой дух потомков Гарибальди возродился, что, несомненно, присутствовало в скрытой форме и во время боев в Сицилии. Тем не менее за несколько дней между 14 и 17 августа немцы в количестве примерно 70 тыс. человек благополучно переправились через узкий Мессинский пролив, используя попутные плавсредства, включая до 10 тысяч машин и других транспортных средств, и даже вывезли до 17 тыс. тонн боеприпасов.

В результате, когда бои в середине августа бои за Сицилию закончились, в распоряжении союзников оказалось 150 тысяч пленных (в основном итальянцев), тогда как убитыми и ранеными противник потерял всего 12 тысяч. Правда, потери союзников оказались несколько выше, и, хотя масштаб событий на острове оказался несравнимым по сравнению с тем, что происходило у нас только на Курской дуге, другие следствия победы союзников нельзя было сбрасывать со счета: выход Италии из войны на стороне Германии. Перед Гитлером обозначилась повсеместная ситуация замены итальянских войск от самой Италии до России, Балкан, на островах Эгейского моря и так далее, тем более, что он не мог позволить себе оккупировать Апеннинский полуостров после поражения на Курской дуге в такой далекой России, особенности войны в которой большинство сражавшихся на берегах Средиземного моря просто не представляли. Если раньше гитлеровское руководство видело в Средиземном море некий ров, отделяющий оккупированную Европу от угрозы вторжения с юга, теперь такая точка зрения не казалась бесспорной. Правда, британские военные руководители по-своему истолковали результаты высадки на Сицилию. В частности, «компания в Италии, доказывали они, свяжет не только немецкие, но и союзные войска в такой степени, что вторжение через Ла-Манш задержится на неопределенный срок. В ответ на это начальник имперского

Генерального штаба генерал Аллан Брук заявил, что вторжение во Францию в любом случае не будет возможно до 1945–1946 года» (Нимиц, Поттер. С. 237). Определенно наш британский союзник продолжал при любой возможности держаться за свою периферийную стратегию, которая служила ему верой и правдой на протяжении столетий.

Итальянский флот практически устранился от боев за остров, несмотря на то, что потери в подводных лодках, включая немецкие, достигли двенадцати. Таковую цену за три транспорта и два десантных судна нельзя не признать чрезмерно высокой, если не критической. Но главное, в правящих кругах самой Италии обозначился такой кризис, справиться с которым Муссолини уже не мог, несмотря на немецкую поддержку и благополучную переправу немцев через Мессинский пролив. Крах фашистского режима в Италии приближался неотвратимо.

25 июля Муссолини был отстранен от власти, фашистская партия объявлена распущенной, последовал его арест, и к власти пришел маршал Паоло Бадальо, вскоре вступивший в тайные переговоры с союзниками, результатом которого стал переход Италии на сторону союзников и капитуляция ее вооруженных сил, включая флот, а также последующая высадка союзных сил, теперь уже на материковую часть итальянского сапога в районе Салерно, которую союзники могли поддерживать не только корабельными силами, но и авиацией с захваченных аэродромов в Сицилии.

Со вступлением в силу указанного соглашения король Эммануил III бросил правительство и страну на произвол судьбы. В последний момент до вмешательства немцев он успел бежать в Бриндизи, где получил укрытие у союзников. Соответственно сложилась судьба итальянского флота. Пункт IV упомянутого соглашения предусматривал прибытие военных кораблей итальянского флота в военно-морские базы союзников для последующего разоружения и нейтрализации. В соответствии с этим документом, 9 сентября из Специи вышли уцелевшие новейшие линкоры «Рома» (флагман адмирала Бергамини), «Витторио Венето» и «Литорио» в сопровождении эскадры легких крейсеров и эсминцев, которая по мере движения на юг пополнялась другими крейсерами и эсминцами.

Во второй половине дня на траверзе острова Асинара эскадра была атакована немецкими самолетами До-217 с управляемыми планирующими бомбами с аэродромов вблизи Марселя, причем ими были поражены два линкора, из которых погиб только один. На «Литторио» бомба прошла палубу у носовых башен главного калибра и уже изнутри прошла через борт и взорвалась в воде, причинив кораблю практически минимум повреждений. Флагманскому «Рома» не повезло, поскольку он получил две такие летающие торпеды. Первая в районе кормовой трубы также прошла корабль насквозь и взорвалась под днищем, в результате чего вышли из строя кормовое машинное отделение и два котельных, со значительным поступлением воды в корпус, отчего корабль значительно сбавил ход. Фатальным оказалось второе попадание, когда взрыв произошел сначала в носовом машинном отделении, в результате которого детонировали зарядные погреба второй башни главного калибра, причем сама башня взрывом была сброшена за борт. В результате линкор перевернулся, а затем переломился пополам, что привело к большому количеству жертв (1253 моряка, включая самого адмирала Бергамини, было спасено только 596 человек). Гибель «Ромы» заставило Кэнингхэма на заключительной стадии похода итальянских кораблей отправить им на помощь линкоры «Уорспайт» и «Велиэнт» для защиты от бывших союзников. Немцы, мешая капитуляции бывшего союзника, в частности, препятствовали передаче военных кораблей, отправив на дно ряд эсминцев эскорта и какое-то количество более мелких кораблей, заставив несколько итальянских кораблей уйти в испанский Порт-Маон на Балеарских островах.

Главные силы итальянского флота продолжили путь к Мальте, где уже находились старые линкоры «Андреа Дориа» и «Кайо Дуилио», крейсера «Луиджи Кадорна» и «Помпео Магно», пришедшие туда из Таранто, к которым спустя четверо суток присоединился «Джулио Чезаре», сумевший вырваться из Поли на севере Адриатики. В адрес Адмиралтейства за подписью адмирала Кэнингхэма поступила радиограмма, в которой был изложен главный результат его деятельности на Средиземном море: «С удовольствием сообщаю Вашим лордствам, что итальянский флот стоит на якоре под дулами орудий фортов Мальты». Таким результатом в переломном 1943 из адмиралов мог заслуженно гордиться только он единственный.

Интересно провести анализ потерь итальянского флота до капитуляции 8 сентября: один линкор, 13 крейсеров, 96 эсминцев и миноносцев, 91 подводная лодка, 42 торпедных и сторожевых катеров, 17 канонерских лодок и некоторые другие, более мелкие корабли общим количеством 418 единиц, на которых погибло почти 25 тысяч моряков. Безвозвратные потери транспортного флота составили 565 крупных судов суммарным водоизмещением свыше двух миллионов брутто-тонн. В результате капитуляции в распоряжении союзников оказались 5 линкоров, 8 крейсеров, 33 эсминца и миноносца, 34 подводных лодки, 20 эскортных кораблей, 27 вспомогательных судов разного назначения, всего только 101 торговое судно суммарным водоизмещением менее 200 тыс. брутто-тонн, то есть лишь десятая часть того, что было потоплено ими за три предшествующих военных года.

Война показала снижение роли линкоров в военных операциях, что отразилось на судьбе военных трофеев союзников. По условиям раздела итальянского флота «Литторио» подлежал передаче США, но с окончанием Второй мировой американцы не знали, как избавиться от собственного устаревшего добра, пережившего войну, и в конце концов линкор был разобран на металл в Специи в 1953–1955 годах. Одновременно с ним та же участь постигла «Виттория Венето» и в том же месте, который при первоначальном разделе достался Великобритании. Из «старичков» постройки до Первой мировой пережили Вторую мировую в качестве учебных кораблей под итальянским флагом «Андреа Дориа» и «Кайо Дулио», исключенные из списков «по возрасту» в 1956 году.

История «Джулио Чезаре» оказалась более сложной, а главное, драматичной. Товарищ Сталин, будучи поклонником крупных кораблей, в нетерпении от предстоящего раздела итальянского флота, потребовал своей доли от союзников еще за год до завершения военных действий, получив летом 1944 года британские корабли в счет будущих итальянских. В частности, вместо намеченного «Джулио Чезаре» в состав нашего Северного флота был передан бывший британский линкор «Ройял Северин», постройки 1914 года, получившего название «Архангельск». До конца войны он простоял в Кольском заливе, не выпустив по противнику ни одного снаряда, не считая отражений налетов вражеской авиации. С этой точки зрения

можно считать, что его пребывание в составе Северного флота определялось не военными, а скорее политическими соображениями грядущей эпохи будущей холодной войны. Действительно, по получении в 1948 году в качестве трофея «Джулио Чезаре», переименованного по случаю направления на Черноморский флот в «Новороссийск», линкор «Архангельск» (он же «Ройял Северин») был в 1949 году возвращен англичанам, которые, не включая его даже в состав своего флота, тут же отправили на слом.

«Джулио Чезаре» в феврале 1949 года в Валоне (Албания) принят от итальянцев советским экипажем, переименован в «Новороссийск» и под этим названием перешел в Севастополь, где с мая по октябрь 1955 года считался флагманом нашего Черноморского флота. 28 октября 1955 года погиб от наружного взрыва, вероятно, от оставшейся с военной поры немецкой донной мины, при подрыве с ним погибло 604 моряка из состава экипажа. Иногда к гибели «Новороссийска» некоторые историки считают причастными переживших войну итальянцев из подразделений Боргезе, но такая версия представляется нам спекулятивной и не подкрепленной надежными фактическими сведениями.

Вслед за вторжением на побережье Италии настала пора расположенных поблизости крупных островов. Первой была эвакуирована Сардиния, немецкий гарнизон которой численностью до 35 тыс. человек был переведен на Корсику, не встретив там со стороны оккупантов-итальянцев дружеского отношения. Самим немцам оставалось довольствоваться тем, что с последующей эвакуацией на собственно итальянское побережье они оказались в достаточно боеспособном состоянии. Разумеется, при этом были потеряны аэродромы, что значительно облегчило положение союзных сил.

Победа на Средиземноморском ТВД коренным образом изменила соотношение сил ВМС на других океанских ТВД. В частности, освободившиеся авианосцы «Илластриес» и «Формидейл» вместе с линкором «Вэлиент» ушли в Индийский океан. Крейсера под итальянским бело-зеленым-красным триколором «Дука делли Аbruцци», «Дука д'Аоста» и «Гарибальди» в дальнейшем участвовали в проводке союзных конвоев через Атлантику, а итальянские специалисты из подразделений князя Боргезе (их командир предпочел не встречаться с союзниками) вместе с английскими коллегами

сотрудничали в атаках на Специю в июне 1944 года и в потоплении бывшего итальянского тяжелого крейсера «Больцано», захваченного немцами.

Успехи союзников англичан и американцев на Средиземноморском ТВД позволили командованию остатков французского флота, разбросанного по многочисленным заморским базам, сделать окончательный выбор отнюдь не в пользу правительства Виши. Тем самым союзные силы на Средиземном море получили солидное пополнение, включая линкоры «Ришелье», «Жан Бар» и уже известный читателю «Лоренн», а также авианосец «Беарн», 9 крейсеров, 13 эсминцев и миноносцев, 19 подводных лодок и до сотни более мелких и вспомогательных кораблей. Часть этих сил участвовала позднее в освобождении Корсики, а также в боевых действиях на Тирренском море и в Адриатике. В наиболее отдаленных акваториях Индийского и Тихого океана довелось сражаться только линкору «Ришелье», но в составе британских и американских соединений.

С Мальты при высадке в заливе Салерно действовали линкоры «Уорспайт» и «Велиэнт», участие которых во многом способствовало отражению немецких попыток уничтожить этот плацдарм, что позволило союзникам овладеть важнейшим портом в Неаполе уже 1 октября. Однако в этой операции «Уорспайт» получил настолько сильные повреждения, что его пришлось буксировать для ремонта на Мальту. Таким образом, после снятия осады этой военно-морской базы она еще долго сохраняло свое значение на будущее.

В заключение настоящей главы остановимся еще на одной особенности антигитлеровской коалиции Второй мировой – как на событиях на Мальте отразился русский фактор, что признают многие участники самого высокого ранга.

Ф. Д. Рузвельт еще в письме к Черчиллю от 3 апреля 1942 года написал: «Ваш народ и мой требуют создания фронта, который бы ослабил давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем Вы и я вместе взятые» (Черчилль. Т. 2. С. 448). В свою очередь сам Черчилль не сомневался в том, что «германская программа против России поглотит крупные ресурсы и, следовательно, сократит рискованность наших операций» (Черчилль. Т. 2. С. 450–451). Объясняя причины проведения операции

«Пьедестал», он прямо указывает: «Прекращение отправки конвоев в Северную Россию после катастрофы в июле (речь идет о разгроме конвоя PQ-17 вследствие ошибки в оценке обстановки, допущенной британским Адмиралтейством. – В. К.) сделало возможным военно-морскому министерству воспользоваться флотом метрополии» (Черчилль. Т. 2. С. 526).

Мнения других крупнейших специалистов из других стран по интересующему нас поводу также совпадают. Француз П. Баржо полагает: «В то время, когда Мальта находилась в очень тяжелом положении и была почти полностью отрезана от баз снабжения, Гитлер принимает неожиданное решение направить часть 2-го воздушного флота на русский фронт, заявляя при этом: “Взятие Кавказа сделает Мальту бесполезной для англичан”» (Баржо. С. 71). Американцы Ч. Нимиц и Э. Поттер неоднократно обращаются к нашей роли в событиях на далеком Средиземноморье: «Уже 12 ноября 1940 года Гитлер решил, что Италии необходимо выпутаться из положения, в которое она попала в результате “печальных и грубых ошибок” в Греции. Однако в это время Германия была занята другими делами, включая разработку штабом операции “Барбаросса” – вторжения в Россию» (Нимиц, Поттер. С. 85). «Произошло невероятное. Подкрепления, которые были предназначены для Африки, Гитлер направил на русский фронт... Роммель был вынужден остановиться всего в 60 милях от Александрии» (Нимиц, Поттер. С. 111).

Чтобы не возвращаться более к этой проблеме, в который раз сошлемся на авторитет Роскилла: «В мае немцы перебросили большую часть самолетов из Сицилии на восток, готовясь напасть на Россию. Изнемогающий гарнизон Мальты получил желанную передышку» (Роскилл. С. 205). В более общем виде этот источник, анализируя причины неудач держав оси в 1941 году, среди прочих причин отмечает также: «Гитлер совершил ошибку, напав на Россию, хотя он еще не покорил упорных островитян, которых поддерживали страны содружества и могущественный заокеанский союзник» (Роскилл. С. 220). Пожалуй, достаточно...

Глава 9. Заключительная

Главная особенность описанных событий на Мальте заключалась в особой роли десантных операций. Если первая осада Мальты 1565 года, продолжительностью почти четыре месяца, заключалась в отражении десанта мусульман местными силами на суше при участии сил с соседней Сицилии, то во второй отражение угрозы десанта заключалось, прежде всего, в его предотвращении.

Сравнение осад, включая события на грани XVIII и XIX веков, позволяет сделать своеобразный исторический срез, отражающий изменения в технике и тактике военно-морских сил ведущих флотов мира, а также роль этих флотов в событиях мировой истории.

Начнем с техники, даже если эта проблема частично освещена выше. Действительно, главным судовым двигателем во времена первой осады Мальты в середине XVI века оставалась мускульная сила экипажа. На рубеже XVIII–XIX веков таким двигателем оставался парус, полтора века спустя замененный паровой турбиной. Соответственно, при первой осаде Мальты в акватории Средиземноморского ТВД в качестве боевого судна господствовала галера, во времена Нельсона и Ушакова уступившая свою роль линейному кораблю в сопровождении фрегата. Во Второй мировой войне основой враждебных флотов у итальянцев оставался линкор, а у англичан – линкор, обеспечивающий охрану авианосцев и транспортных конвоев, постепенно с переходом ударной мощи к авианосцам. Немецкой особенностью при второй осаде Мальты стало широкое и успешное применение береговой авиации и подводных лодок. Соответственно менялась автономность боевых кораблей и размах военно-морских операций. В первой осаде Мальты боестолкновения сторон происходили непосредственно на самом острове, тогда как во второй во время Второй мировой войны распространялись на весь Средиземноморский ТВД, а над самой Мальтой происходили только напряженные сражения ВВС обеих сторон.

Изменения в технике отчетливо проявились в тактике морских сражений, в которых важнейшая роль теперь принадлежала авиации и

подводным лодкам.

Что касается стратегии участников, то неудачи немцев на Средиземноморском ТВД представитель кригсмарине адмирал Ассман объяснил следующим образом: «Для высшего немецкого командования этот район всегда оставался второстепенным театром военных действий как дополнительное время, тогда как для англичан он был главным. Поэтому исход войны на Средиземном море не мог вызывать никаких сомнений». Правда, он не объясняет, почему немецкое высшее командование связалось с этим второстепенным ТВД, понимая готовность союзников отстаивать его до последней крайности и вместе правильно оценивая уязвимость собственных коммуникаций от атак союзников, что имело следствием поражение собственных вооруженных сил на суше.

С другой стороны, понятно упорство англичан, для которых потеря Мальты вела к нарушению системы морских коммуникаций в пределах всей Британской империи или Британского Содружества. Это не считая последствий разгрома сил оси на Африканском материке, позволившего нашим союзникам нанести потери противнику, сравнимые с нашей победой в Сталинграде, где мы были тем не менее первыми, а, главное, доказали свое право на Победу после поражений и бедствий 1941 года, представ перед всем миром в образе окровавленного, но яростного мстительного феникса, перспектива встречи с которым повергла нацизм в состояние ужаса, не оставив ему ни шанса на иной исход.

В заключение, как выглядели места былых сражений на берегах Средиземного моря глазами корреспондента «Комсомольской правды» Ольги Чечеткиной (1948), знавшей войну не понаслышке. Она не могла не отметить последствия бомбардировок непокорного острова, причем на фоне набравших силу холодных ветров холодной войны, когда «во время последней войны остров, особенно порт, подвергался сильным бомбардировкам с воздуха. Следы их видны и сейчас на каждой улице Валетты, в каждой бухте острова. Сейчас здесь идут усиленные восстановительные работы, здесь чуть ли весь город в строительных лесах, на каждом шагу громоздятся горы кирпича, песка, песка, металлических и деревянных балок, не умолкая стучат молотки, скрежещут экскаваторы... Видимо, англичане лихорадочно торопятся привести в порядок город и еще больше укрепить этот

важный военно-стратегический пункт. Порт уже работает полным ходом, в доках и у причалов много кораблей. Древняя крепостная стена отгораживает старый город от нового. Старый город расположен по склону горы из кораллового известняка и спускается к самому морю. Теперь здесь рыбный рынок, мирно покачиваются на волнах десятки маленьких суденышек и рыбацких лодок, наполненных свежей трепещущей рыбой. Почти все дома в мавританском стиле, изредка попадаются турецкие постройки. Улицы, как во всех восточных городах, то взбираются круто на гору, то сбегают вниз, то уходят куда-то в сторону, упираясь в крошечные тупички. Они до того узки, что вы свободно можете, не повышая голоса, переговариваться с соседями из дома напротив.

В центре города, в непосредственной близости от большого бледно-розового здания мальтийской мэрии, расположились узкие улочки, заполненные кабачками, барами, “отелями”. Уже стали заполняться магазины, спешили к вечерне толстые кюре в широких черных мантиях и белых воротничках, а кабачки стали заполняться посетителями, преимущественно английскими моряками. У порогов своих “отелей” стояли хозяева и настойчиво зазывали прохожих. Развалившись в черных фиакрах с большими стеклянными фонарями, по улицам проезжали английские и американские матросы и дружески перекликались с владельцами кабачков и притонов, как со старыми знакомыми. Ночью, говорят, в городе опасно появляться: улицы кишат гангстерами и контрабандистами. Огромные разрушения, причиненные острову немецкой авиацией, вызвали жесточайшую жилищную нужду... Деревянные дома с плоскими крышами до отказа переполнены. Здесь ютятся докеры, рабочие, мелкие торговцы-лотошники. Грязные босоногие ребятишки с шумом и гамом носятся по улицам, прилегающим к порту...

Было уже очень поздно, когда мы пошли погулять по его улочкам... Дома стоя тихие, с наглухо закрытыми воротами и спущенными на окна железными жалюзи. Высоко в черном южном небе сияла полная луна, заливая голубоватым светом крыши домов и каменные плиты мостовых. Ночь была свежая, дул легкий ветер, чудесно пахло морем. Его сладковато-соленый, необычайно чистый запах, казалось, наполнял весь остров». На остров, истерзанный войной, пришел наконец мир.

С той поры прошло больше семидесяти лет. Другой стала Мальта, получив самостоятельность после ухода англичан – об этом напоминает памятник неподалеку от форта Святого Ангела, где британский матрос на прощание пожимает руку докеру-мальтийцу, с которым он вместе сражался против нацистов и фашистов, пытавшихся по-своему перекроить карту не только Средиземноморья, но и всего мира. В толпе туристов, совсем по-иному осаждающих былую военную твердыню между Африкой и Европой и одновременно между Востоком и Западом, уже не увидишь убеленных сединами ветеранов Второй мировой. Большинство из них уже сами стали достоянием истории, вместе с потомками тех, кто сражался века назад под стенами Святого Эльма и у замка Святого Ангела...

На карте Мальты после первой осады на полуострове Скиберрас возник новый город под названием Валлетта, названный в честь того, кто отстоял Мальту, завещав своим мужеством и стойкостью потомству в пример также поступать и впредь. Не думаю, чтобы мальтийцы добром вспоминали тех, кто пытался превратить их в рабов – подданных Аллаха. Вместе с тем они сохранили имя Драгута в название одного из входных мысов бухты Марсамексетт, проявив себя стихийными сторонниками Гегеля, утверждавшего единство и борьбу противоположностей, даже если многие исторические персонажи, описанные на страницах настоящей книги, в жизни не были белыми и пушистыми. Важнее другое – определено, что сами мальтийцы, одолев множество исторических препон и преград, научились без чувства горечи и ненависти относиться к зигзагам собственной истории, тем самым показав пример на будущее многим народам на берегах Средиземного моря.

Если читателю доведется посетить этот ласковый остров посреди ласкового моря, по-восточному яркий и зовущий к жизни, пусть он не обольщается открывшейся перед ним картиной. Небольшое пространство Валетты на полуострове Скиберрас буквально заполнено военными памятниками, к которым относится в первую очередь сам форт Святого Эльма. А теперь в толпе туристов из многих стран мира под лучами южного жаркого солнца в окружении такого же гостеприимного моря (даже если оно не всегда бывает таким) пройдем по залитым кровью камням этого острова, начиная с форта Святого Эльма. Правда, чтобы не повторять былых ошибок, после той первой

осады 1565 года его расширили и перестроили настолько, что не осталось и следов того самого рavelина, который сыграл трагическую роль в судьбе самого форта. Но стены самого форта на самом севере полуострова Скиберрас всё так же сурово и надёжно прикрывают входы в бухты Марсамексетт и Гранд-Харбор, в акваториях которых жизнь с тех пор изменилась коренным образом. Не случайно Национальный военный музей, в котором хранится Крест короля Георга, которым отмечен героизм защитников Мальты, располагается в пределах его стен. Теперь на берегах полуострова Скиберрас считают не тела убитых друзей и врагов, а тысячи и миллионы тонн грузов на кораблях под флагами многих стран, вместе с миллионами евро, которые туристы оставляют здесь в попытках усвоить исторический опыт крохотного архипелага на перекрестках морских и исторических путей, упорно демонстрирующего хорошо известную истину: торговать лучше, чем воевать. Расставшись со своей опорной базой, королева Елизавета установкой мемориального колокола в честь пятидесятилетия обороны Мальты почтила память восьми тысяч погибших защитников острова в 1940–1943 годах в месте, откуда открывается вид на восточные берега Гранд-Харбора, испытанных, как описано выше, яростные атаки агрессора во время обеих осад. Действительно, в 1565 году здесь находился центр сопротивления мусульманам, возглавляемый де Валлетом, а в 1940–1943 годах у здешних пирсов швартовались боевые корабли, подводные лодки и транспорты, доставлявшие все необходимое для обороны острова. В те годы в замке Святого Ангела располагалась штаб-квартира Королевского флота (очередная цель немецко-итальянских бомбардировок, что потребовало создания в скале многочисленных бомбоубежищ-лабиринтов общей протяженностью до километра, например, у средневековых ворот в Биргу. Как приметы своего времени они могут быть предъявлены туристу, любителю истории. Однако большинство, видимо, предпочитает объекты, более отвечающие радостям жизни.

(Возможно, совсем неслучайно здесь установлен памятник Бушу и Горбачеву.)

В центре Мальты таким военным памятником Второй мировой остается собор в местечке Моста, вмещавший до 10 000 прихожан. Сколько здесь оказалось людей в роковой день, когда вражеская

авиабомба прошла грандиозный купол, теперь не скажет никто, но факт остается фактом – бомба не взорвалась, и теперь ее пустотелый корпус демонстрируют посетителям в качестве аргумента за мирное решение всех вопросов.

В заключение еще раз отметим отличия двух осад, ставших, несомненно, важными событиями мировой морской истории. Главное различие – это степень боевого соприкосновения сторон, в осаде 1565 года происходившего на суше, в то время как в 1940–1943 годах оборонявшие Мальту союзники всеми силами стремились не допустить его в виде десанта противника на сам остров, что им удалось, благодаря, прежде всего, преобладанию на море. Второе – участие авиации, нового вида войск, позволившей вести войну на море по-новому.

Несомненно, общее – борьба на коммуникациях, решившая в конечном итоге исход сражений на суше, как на самой Мальте, так и на Североафриканском ТВД в целом.

Главный итог событий вокруг Мальты в XVI и XX веках – добрый мир всё-таки лучше славной войны. Пусть каждый из читателей настоящей книги сделает свой вывод, каждый по-своему, на историческом примере Мальты, в судьбе которой море сыграло особую роль, как и сам крохотный архипелаг, внесший свой вклад в общую победу.

Использованная литература

- Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991.
- Баржо П. Флот в атомный век. М., 1956.
- Белавенец П. И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб., 1909.
- Брэдли О. Записки солдата. М., 1957.
- Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Л., 1939.
- Вестфаль З. Северо-африканская кампания // Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1957.
- Вестфаль З. Итальянская кампания // Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1957.
- Головко А. Вместе с флотом. М., 1984.
- Греффрат П. Война в воздухе // Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1957.
- Дивайн А. Миллион миль М., 2005.
- Иванов А. Морская битва двух империй. М., 1913.
- Махов С. П., Созаев Э. Б. Захватить Англию! М., 2012.
- Маршалл В. Война на море // Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1957.
- Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. М. – Л., 1941.
- Пулмэн К. Арк Ройял. М., 2005.
- Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 1. СПб., 1897.
- Роскилл С. У. Флаг Святого Георгия. М., 2000.
- Тарас А. Е. Вторая мировая война на море. Минск, 2003.
- Нимиц Ч., Портер Э. Война на море. 1939–1945. Смоленск, 1999.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991.
- Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. 1991.
- Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Петроград, 1918.

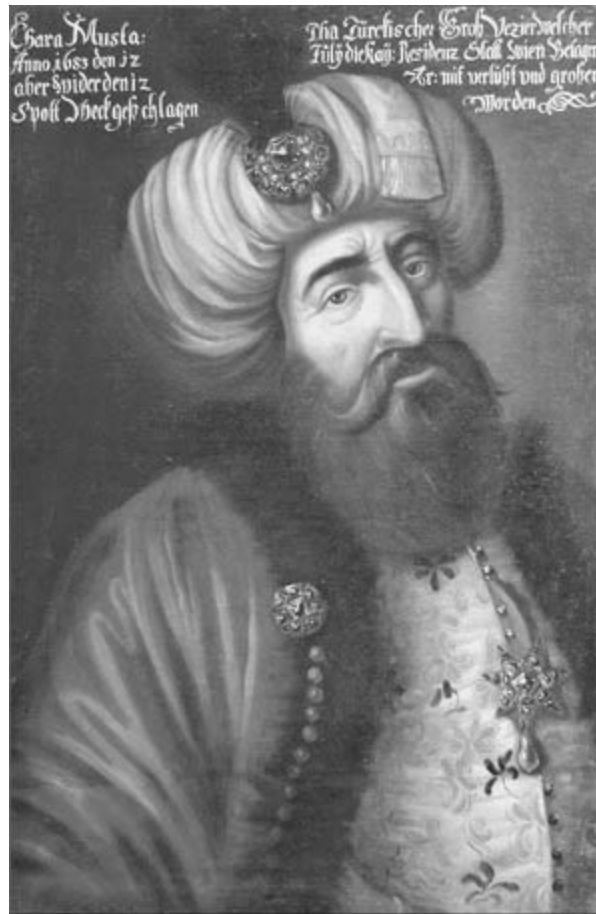
Иллюстрации

*Осада Мальты. Прибытие турецкого флота 20 мая 1565 г.
Художник Маттео Перес д'Алессо*

*Осада и обстрел форта Святого Эльма 27 мая 1565 г. Художник
Маттео Перес д'Алессио*

Мустафа-паша. Неизвестный художник

Ж.-П. де ла Валетт. Гравюра XVIII в.

Захват форта Святого Эльма. Художник Маттео Перес д'Алессио

Снятие осады Мальты в сентябре 1565 г. Художник Ж.-Ф. Ларивьер

Винченцо Анастаджи. Художник Эль Греко

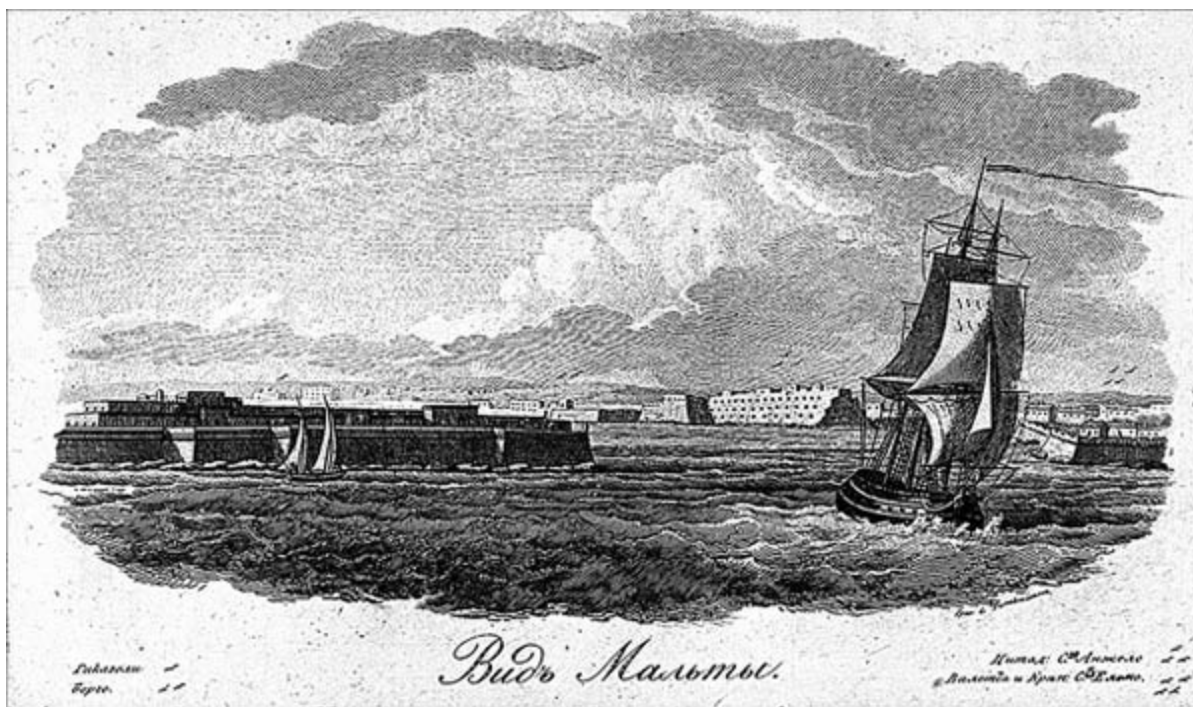
Рыцарский шлем. XVI в.

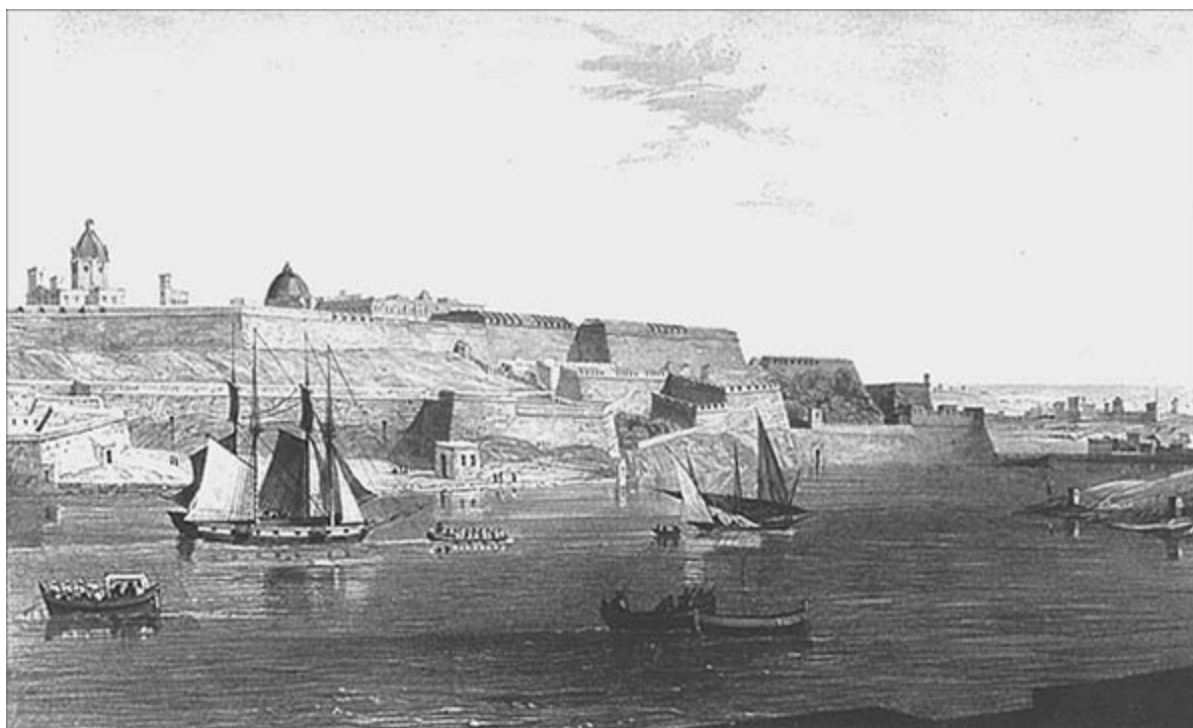
Сцена осады Мальты из музеев Ватикана

Вид Мальты. Неизвестный художник. XIX в.

Вид Мальты от Лазаретто. Художник Ч.-Ф. Худ

Кресло Гроссмейстера Мальтийского ордена. Конец XVIII в.

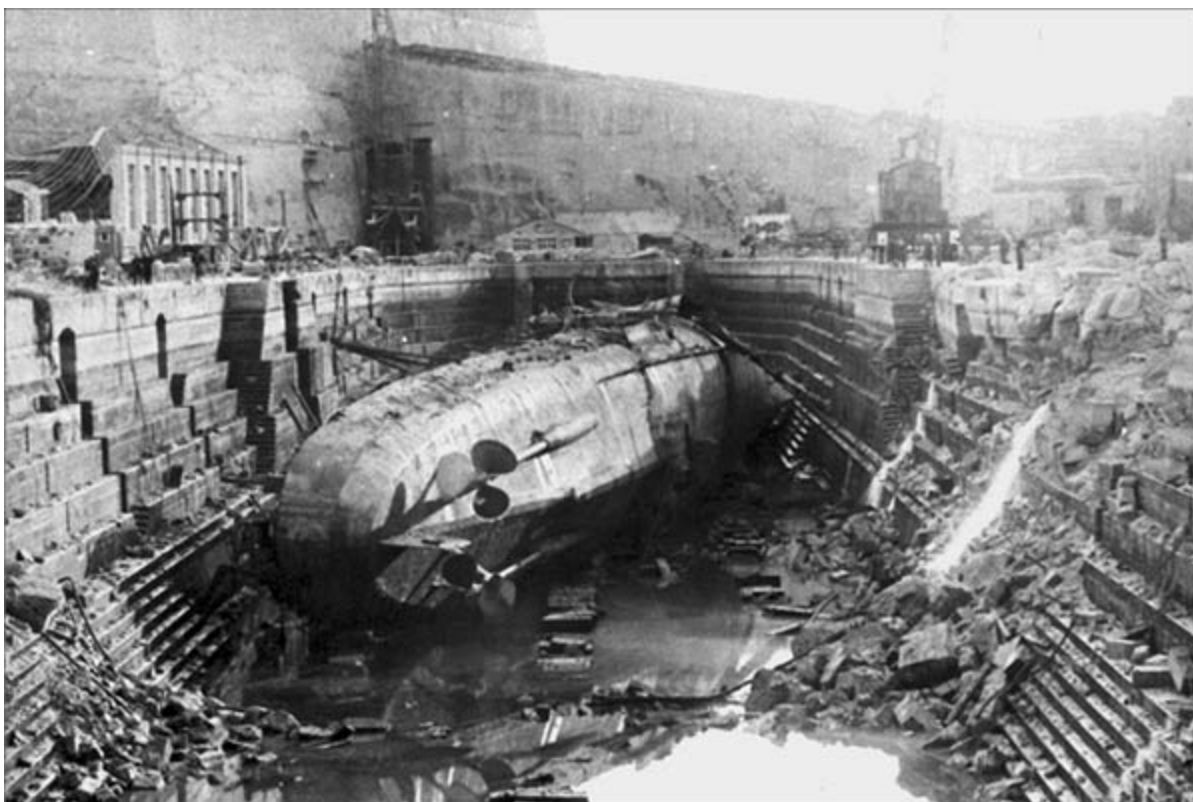

Немецкий бомбардировщик Ю-87 в небе над Мальтой. 1941 г.

Британские истребители «Бофайтер» патрулируют воздушное пространство над Мальтой. 1943 г.

Английский эсминец «Кингстон», уничтоженный в сухом доке Мальты. 1942 г.

Торпедоносец «Свордфиш» пролетает над авианосцем «Арк Ройял». 1939 г.

Австралийские эсминцы «Вампир» и «Вендетта» на ремонте в сухом доке на Мальте

Аэродромный персонал занимается обслуживанием торпедоносца Бристоль «Бофорт» Mk II на аэродроме Лука на Мальте. 1943 г.

Итальянский бомбардировщик 261-й эскадрильи сбрасывает бомбы на цели на Мальте

Британские солдаты конвоируют итальянских летчиков, сбитых над Мальтой

Британский торпедоносец «Фэйри Альбакор» на аэродроме Мальты

Итальянский бомбардировщик прогревает двигатели на сицилийском аэродроме перед вылетом на бомбардировку Мальты.

1941 г.

Мальтийский конвой во время авианалета летом 1942 г.

Корабли английской эскадры во время стоянки на Мальте

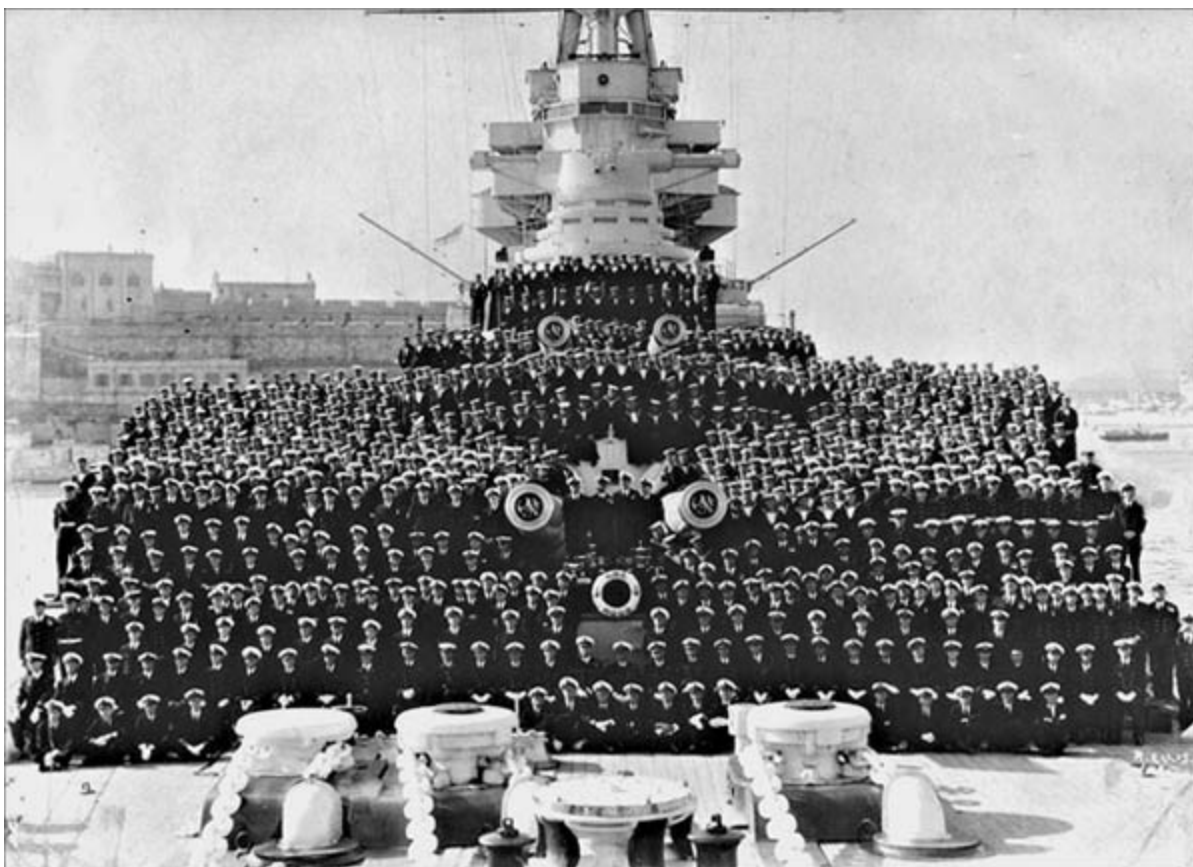

Расчет многоствольной зенитной установки «Пом-пом» во время операции «Пьедестал»

Танкисты 66-го батальона Африканского корпуса вермахта во время подготовки высадки на Мальту летом 1942 г.

Групповая фотография команды английского линейного крейсера «Худ» на базе британского флота на Мальте

Линкор «Ройял Северин», будущий линкор «Архангельск»

notes

Примечания

1

Кут – тупик, вершина или конец.